

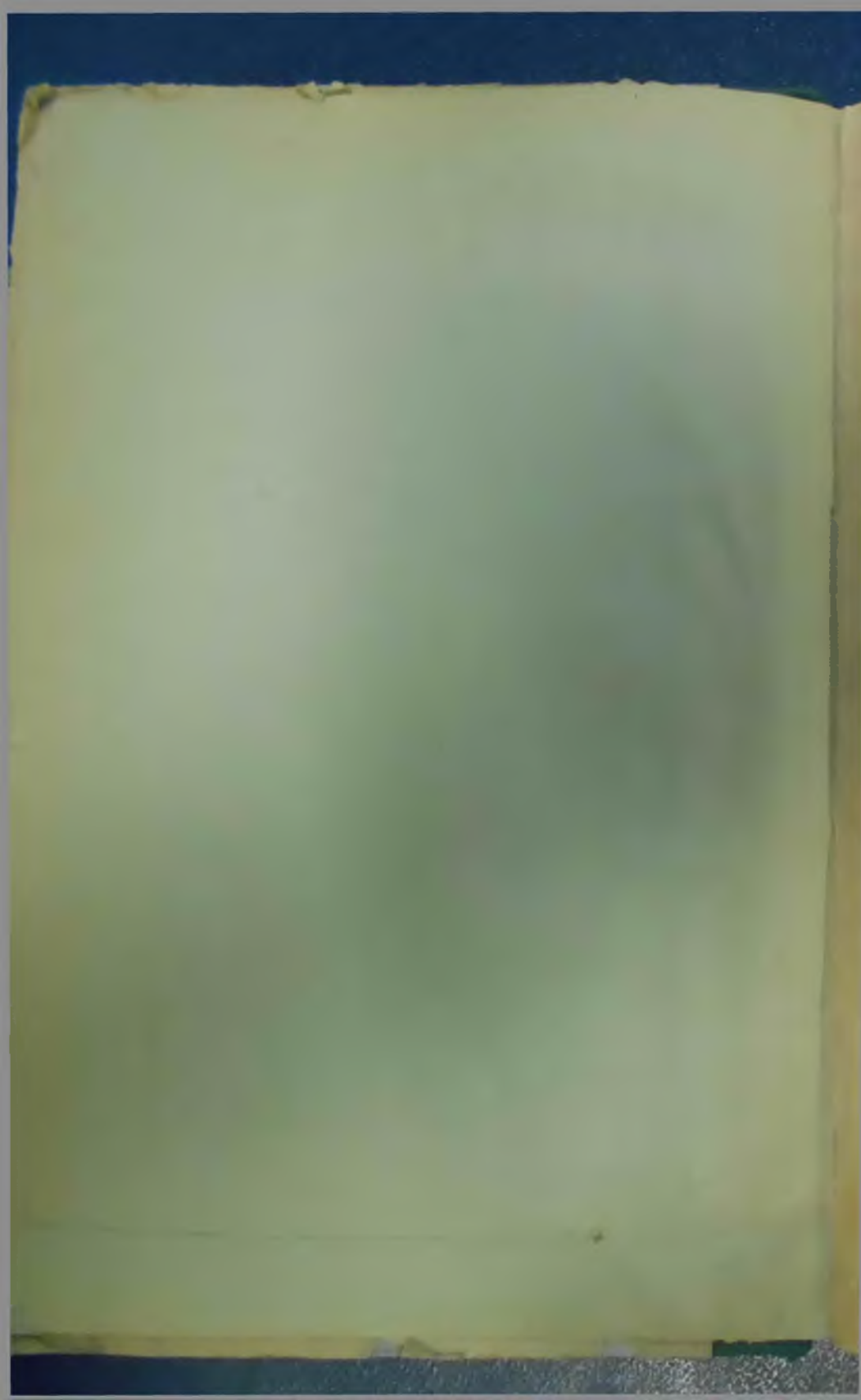
D 678 / 28

1954r.

SS-21459

W

W

678
28-1954

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, том XXVIII

Б. Х. КАРМЫШЕВА

УЗБЕКИ-ЛОКАЙЦЫ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

Сталинабад
1954

1861. 1001

4

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

1954
ГБ УЗССР
21459

ТРУДЫ, том XXVIII

Б. Х. КАРМЫШЕВА

УЗБЕКИ-ЛОКАЙЦЫ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА

РЫНСК I

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
ЖИВОТОВОДСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

0671/1054/58

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

Сталинабад

1954

АКАДЕМИЯИ ФАҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАҶРИҲ, АРХЕОЛОГИЯ ВА ЭТНОГРАФИЯ

АСАРҲО, ҷилди XXVIII

Б. Х. КАРМЫШЕВА

ЎЗБЕКҲОИ ЛАҚАИ ТОҶИКИСТОНИ ҶАНУБИ

ҚИСМИ I

ОЧЕРКИ ТАҶРИҲИ-ЭТНОГРАФИИ
ҚОРВОДОРНИ ПЕШ АЗ РЕВОЛЮЦИИ

НАШРИҲТИ АКАДЕМИЯИ ФАҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН

Тоҷикобод

1954

ОТ АВТОРА

На территории Таджикской ССР, в частности в Гиссарской долине и южных районах республики, издавна проживает значительное количество узбеков. Коммунистическая партия и правительство Таджикской ССР, как и весь таджикский народ, проявляют большую и постоянную заботу об экономическом и культурном развитии узбекского населения. Узбеки Таджикистана ведут высокодоходное многоотраслевое сельское хозяйство. Большинство их живет и работает в колхозах как в узбекских, так и смешанных по национальному составу. Для узбеков Таджикистана, несмотря на то, что подавляющее большинство из них знает таджикский язык, создана большая сеть начальных и средних узбекских школ, а в ряде средних и высших учебных заведений республики — специальные узбекские группы, где преподавание ведется на родном языке. Таджикское государственное издательство выпускает на узбекском языке не только учебники, но и массовую политическую, художественную и научно-популярную литературу. На узбекском языке издается ряд районных, областных и республиканских газет. На узбекском же языке ведется делопроизводство в тех колхозах, где большинство населения состоит из узбеков и т. д. Мы, конечно, не ставим задачей исчерпать перечень тех многих и разнообразных форм в различных областях жизни, в которых проявляется большая забота и внимание к узбекскому населению республики со стороны таджикского народа, его Коммунистической партии и правительства и которые отражают великие достижения Советской национальной политики. Однако мы должны, в связи с публикацией настоящей книги, указать еще на один яркий пример братской дружбы между таджикским и узбекским народами, живущими бок о бок на протяжении многих веков. Мы имеем в виду то важное обстоятельство, что в планах научных исследований Академии наук Таджикской ССР, наряду с изучением истории, этнографии, антропологии и археологии таджикского народа, предусмотрено также изучение истории, культуры и быта узбекского населения республики.

Изучение истории и этнографии узбеков, проживающих в Таджикистане, имеет большой научный интерес для истории народностей Средней Азии в целом, так как узбеки Таджикистана представляли собой в прошлом полукочевые племена, игравшие существенную роль в истории Средней Азии. Однако для науки они оставались почти неизвестными вследствие того, что дореволюционная историческая наука предпочитала иметь дело с крупными, давно сложившимися народностями и игнорировала изучение различных отдельных полукочевых племен Средней Азии. Лишь советская историческая наука обратила внимание на эти довольно многочисленные полукочевые племена, учитывая роль народных масс в историческом процессе.

Современное научное исследование по истории Средней Азии и Казахстана невозможно без учета роли и значения кочевых и полукочевых племен, принимавших также активное участие в этногенезе оседлых народностей. Вот почему советская историческая наука в области изучения истории народов Средней Азии за последнее время уделяет большое внимание всестороннему (историко-этнографическому, лингвистическому и антропологическому) изучению кочевых и полукочевых в прошлом племен, в частности племен, вошедших в состав узбекского, туркменского, каракалпакского, казахского и др. народов. Но всестороннее историческое изучение этих племен необходимо не только для решения проблемы этногенеза народов Средней Азии, для освещения их исторического прошлого, но и для познания процесса формирования социалистических наций, процесса сближения и развития социалистической культуры и быта.

В свете сказанного выше хотелось бы пояснить также выбор темы, послужившей предметом нашего исследования. Прежде всего несколько слов об узбеках-локайцах. Локайцы представляют собой одно из наиболее крупных, в прошлом кочевых, узбекских племен и в то же время наименее изученных. Не будет преувеличением сказать, что на карте историко-этнографического изучения племен и народностей Средней Азии локайцы до последнего времени были белым пятном. Ликвидация этого, довольно крупного, белого пятна являлась одной из первостепенных задач нашего исследования. Не будучи в состоянии охватить индивидуальным исследованием за несколько сезонов полевой работы всего многообразия культуры и быта локайцев, их исторического прошлого и современного состояния, мы ограничились выбором темы предреволюционным периодом, по которому еще можно было собрать значительный этнографический материал, быстро исчезающий не только из реальной жизни локайцев, но и даже из памяти старшего поколения, под влиянием успешного социалистического переустройства их культуры и быта, под влиянием быстрого и прогрессивного экономического и культурного развития. Но и в рамках указанного хронологического периода оказалось невозможным в объеме работы, избранной нами в качестве темы кандидатской диссертации и публикуемой в настоящем выпуске наших материалов, охватить все стороны культуры и быта предреволюционного периода в истории локайцев. Поэтому мы сосредоточили внимание на хозяйстве, культуре и быте локайцев, связанных с животноводством, которое в прошлом было основным занятием, определявшим весь уклад их жизни.¹ В этом отношении мы стремились прежде всего собрать как можно позднее конкретный историко-этнографический материал, а затем уже на основе его анализа дать некоторые выводы и обобщения. Насколько мы справились с этой трудной задачей судить будет читатель. Мы со своей стороны будем благодарными ему за те отклики и особенно критические замечания, на которые мы рассчитываем, публикуя настоящую работу.

¹ Остальные наши материалы в основном касающиеся домашнего быта локайцев в послереволюционный период, мы предлагаем поместить во II выпуске.

1. ВВЕДЕНИЕ

Вопрос изученности локайцев

В историко-этнографической литературе специальных работ о локайцах не имеется. Эта большая группа тюркоязычного населения совершенно не описана и крайне мало известна даже специалистам тюркологам, историкам и этнографам Средней Азии. Правда, несомненно большое количество разрозненных сведений о локайцах можно найти в отдельных работах, посвященных географическому или демографическому описанию Таджикистана.¹ Но эти случайные сведения, вырванные из целых работ, никем не сведены, да и одна сводка их, если бы она и была составлена, конечно, не могла бы восполнить этот пробел в нашей литературе, в силу отрывочности и пестроты опубликованного материала.

В 1945 г. Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР, по инициативе покойного члена-корреспондента Академии наук СССР проф. М. С. Андреева, впервые был поставлен вопрос о необходимости этнографического изучения тюркоязычного населения Гиссарской долины и Южного Таджикистана и в первую очередь относящегося к нему наиболее многочисленного племени локай. Вопрос этот получил благоприятное разрешение и в том же 1945 г. автору настоящей работы — сотруднику ИИЯЛ Таджикского филиала АН СССР, было дано поручение по сбору и обработке материалов по локайцам. В течение четырех лет автором был совершен ряд поездок по всем местам расселения локайцев, за время которых были собраны материалы по основным занятиям, жилищам, утвари и обычаям, связанным с рождением, свадьбой, похоронами и пр. Результаты сборов были изложены в подробных полевых отчетах, хранящихся в Архиве Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР.²

В 1948—1949 гг. Кулябская этнографическая экспедиция Таджикского филиала Академии наук СССР провела работу по изучению этнического состава населения Кулябской области, во время которой впервые сплошным этнографическим обследованием были охвачены все многочисленные ираноязычные и тюркоязычные племена Кулябской области

¹ Наиболее ценные данные о локайцах содержатся в работах: *Материалы по районированию Средней Азии*, книга I, часть I, Ташкент, 1926; *Малаязия Н. Г.*, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929.

² См., например, «Жилище и утварь локайских родов Эсея-ходжа и Бадрагды» — отчет 1945—1946 гг.; «Женские промыслы у локайцев» — отчет 1947 г.; «Хозяйственная деятельность локайцев» — отчет 1948 г.; «Обычаи и обряды локайцев, связанные с рождением, свадьбой и похоронами» — отчет 1949 г. Упомянутые отчеты составляют 330 страниц машинописного текста.

Таджикской ССР. Эта работа проводилась начальником экспедиции А. К. Писарчик и автором настоящей работы.¹

Объектом изучения этой экспедиции было также и локайское население. Наконец, в 1950 г. автором была сделана еще одна поездка для сбора дополнительных материалов как во все районы расселения локайцев, так и в места расположения высокогорных пастбищ на хребте Петра Первого, где локайцы выпасают свои стада.

Таким образом, в результате специального полевого этнографического изучения накопился значительный материал, который позволил автору предпринять попытку подготовить к изданию специальную работу о локайцах. Мы надеемся, что предлагаемая вниманию читателей книга окажется небесполезной, так как публикация нового конкретного этнографического материала расширяет круг крайне редких и малочисленных источников о локайцах и может быть использована не только этнографами, но историками, археологами, фольклористами и другими специалистами, связанными в своей деятельности с изучением истории народов Средней Азии.

Расселение и родоплеменной состав

Узбекское племя локай довольно многочисленно. По данным Комиссии по районированию Средней Азии на 1924—1925 гг. локайцев насчитывалось 25.400 человек.²

По данным Ф. И. Льютко, основанным на подсчетах налоговых списков 1923—1924 гг., локайцев, проживающих только на правом берегу Вахша, было 14.926.³

Следует иметь в виду, что эти данные относятся ко времени разгара басмаческого движения в Восточной Бухаре, когда не могло быть и речи о приведении точной переписи населения и когда значительная часть населения была постоянно в движении. Позднее Н. Г. Маллицкий насчитывал локайцев до 46 тысяч.⁴ За истекшее время, несомненно, численность локайцев значительно возросла в связи с резким уменьшением смертности, особенно детской,⁵ и увеличением рождаемости в результате непрерывных забот Коммунистической партии и Советского государства о здоровье трудящихся и в связи с ростом общего благосостояния колхозного крестьянства.⁶ О росте населения, об увеличении числа кишлаков и размеров их нам неоднократно заявляли сами локайцы. Однако точных данных о численности локайцев в настоящее время нам получить не удалось.⁷

Согласно данным материалов Комиссии по районированию Средней Азии, локайцы проживают в Южном Таджикистане. В других районах Средней Азии они не зарегистрированы.

По единодушному заявлению многих локайцев, в Афганском Туркестане проживает весьма незначительная часть их соплеменников, подавляющее большинство которых состоит из эмигрантов, активных участников басмаческого движения и их близких сородичей, побоявшихся вер-

¹ Результаты обследования см. Писарчик А. К., Кулябская этнографическая экспедиция, Известия Таджикского филиала АН СССР, № 15, Сталинабад, 1950; Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х., Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР, вып. 3, Сталинабад, 1953.

² Материалы по районированию Средней Азии, книга 1, ч. 1, Ташкент, 1926, стр. 17.

³ Льютко Ф. И., Басмачество в Локае, М.—Л., 1929, стр. 29.

⁴ Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 64.

нуться на родину. Возможно, что небольшое число локайцев проживало в Северном Афганистане и до переселения части их с предгорья Пянджа. Мы говорим о небольшом числе потому, что в многочисленных работах как русских, так и иностранных авторов, затрагивающих вопросы об этническом составе населения Афганистана, нам не приходилось встречать упоминания о локайцах. Даже в таком обстоятельном труде, как «Каттаган и Бадахшан» Бурхан-уд-Дин-хан и Кушкеки,¹ в котором перечисляются все основные узбекские племена, локайцы не упомянуты. В тексте, в списках селений, встречается лишь один кишлак Лахай в 20 дворов к югу от Хазрети Имам-Сахиба.² Кроме того, на карте Кундуза к югу от самого города Кундуза отмечен кишлак Лахай.³ Материалы Кушкеки относятся к 1923 г.⁴ Существовали ли эти кишлаки издавна или они появились в 20-х годах текущего столетия, судить трудно.

Накануне установления Советской власти в Бухарском ханстве локайцы составляли значительную часть населения восточных бекств: Гиссарского и Бальджуанского. На севере граница расселения локайцев шла по линии: горы Ранген-Тау (к югу от Гиссарской долины, т. е. долины среднего течения реки Кафирнигана) — Яван — Туткаул — Бальджуан — Ховалинг (рис. 1); на западе границу расселения локайцев составляли горы Карши-Тау, Газималек и Гардани-Ушти, протянувшиеся по левому берегу реки Кафирнигана после ее резкого поворота на юг.⁵ На юге локайцы не спускались южнее Арал-Тугая (остров, образуемый рукавом Вахша у устья правого его притока Яван-Су, ныне Куйбышевский район), урочища Алимтай (адыры⁶ в южной оконечности гор Джилан-Тау между реками Таир-Су и Кыл-Су) и устья реки Ях-Су, т. е. 37° 50' с. ш.

На востоке границей расселения локайцев служила река Ях-Су.⁷

На всей указанной выше территории локайцы составляли подавляющее большинство населения. Они занимали широкие долины и невысокие адыры, и вдоль границ своей территории, за исключением южной, соседствовали с таджиками, которых и вытеснили при завоевании края с долины и адыров в горы. Помимо соседства вдоль границ таджики составляли как бы клин в местах расселения локайцев, занимая гористые берега реки Вахша после ее резкого поворота на юг у Нурека и до выхода реки из теснины южнее кишлака Санг-Туда со смешанным таджико-локайским населением (горы Кара-Тау на правом берегу, горы Сарсарак и Санглок на левом берегу). Помимо таджиков, локайцы соседствовали и отчасти жили вперемежку с другими многочисленными ираноязычными и тюркоязычными племенами. Следует отметить, что до революции Гиссарскую долину занимали узбекские племена барлас, марка и тюрк.

¹ Бурхан-уд-Дин-хан и Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, Ташкент, 1926 г. Перевод с персидского под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. А. А. Семенова.

² Кушкеки, Ук. соч., стр. 46.

³ Там же, карта на стр. 50.

⁴ Кушкеки, Ук. соч., См. предисловие А. А. Семенова, стр. X.

⁵ На правом берегу Кафирнигана имеется всего один небольшой кишлак населенный локайцами. По словам его жителей, кишлак основан лет 60 тому назад мигрировавшими из Коктана. Кишлак этот Дурчей Булак, ныне относящийся к Кызыл-Аскарскому кишлачному Совету Шахринауского района. Основное население этой местности — тюрки племени муса-базари.

⁶ Адыры — предгорные холмы.

⁷ На восток от Ях-Су имеется всего лишь один небольшой кишлак населенный локайцами, основанный, по словам его жителей, лет 100 тому назад. Это кишлак Сангтар Зиракнского кишлачного Совета Кулябского района.

Рис. 2. Кинлак Бурденгель Советского района Кулябской области.
Фото Н. Г. Чучева.

На западе в долине Кафирнигана и горах Баба-Тар соседями локайцев были узбекские племена дурмен, барлаас и муса-базари.¹

На юге локайцы приходили в соприкосновение как с ираноязычными племенами (хазара, белуджи, дярхоби и пр. выходцами из Афганистана), так и с многочисленными тюркоязычными народами: на Джиланкульском плато жили туркмены племени эрсари; по соседству с ними жили узбеки-кунграты и казахи; на Арал-Тугае жила небольшая группа узбекского племени каучин, выходцев из Тузара; но больше всех на юге было представителей многочисленных родов узбекского племени катаган, переселившихся из Афганистана; встречались также моголы (могол, мугул) и карлуки.²

На востоке (к востоку от реки Ях-Су) жили узбекские роды Семиз и Кесамир³ и представители племени тюрк. Последние жили еще на северо-востоке Бальджуанского бекства.

Тюркоязычные карлуки, наравне с локайцами, имели кинлаки на адырах и в долинах. Так, карлуками были заселены: восточная половина Яванской долины, северо-восточная часть Дангаршской долины, юго-восточный угол современного Кангуртского района и северо-запад Советского (быв. Кызыл-Мазарекского) района Кулябской области.

До установления Советской власти в жизни локайцев, как и у многих

¹ Февралев Н., Правобережная полоса Пшиджа и Аму-Дарьи от Калы-Ванч до Керки, Военный сборник, № 10, 1895, стр. 426—427.

² Кармышева Б. Х., Сведения об узбекских родах Семиз и Кесамир, Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Сталинабад, 1953, стр. 99—110.

других поркоязычных кочевых скотоводческих народов (казахов, киргизов, туркмен и др.) еще сохранилось более или менее устойчивое родоплеменное деление. Названия основных родов и некоторых родовых подразделений племени локай приведены в статье И. П. Магидовича о населении Бухары.¹ В упомянутой книжке Ф. И. Льюткин перечислены, например, основные роды локайцев правобережья Вахша.² Оба автора, материалы которых относятся к началу двадцатых годов, не дают, к сожалению, генеалогической таблицы племени.

В настоящее время, когда родоплеменное деление полностью утратило свое значение и даже наименования племени и родов быстро забываются, люди среднего возраста, не говоря уже о молодежи, далеко не всегда знают названия мелких подразделений рода. Поэтому материалы о родовом составе нами собраны преимущественно у представителей старшего поколения. Однако и последние оказались не в состоянии восстановить более или менее стройную структуру основных родов, т. е. племениных шаджара,³ по словам локайцев, у них не было. Только прекрасная память ныне покойного сказителя Судеймана Умарова из кишлака Таш-Булак Дагаво-Киникского района сохранила нам генеалогию одной ветви рода Бадраглы. Состав других родов удалось привести в некоторую систему (см. таблицу 1) лишь после кропотливого сбора материалов во время ряда наших поездок, путем тщательного сопоставления и сравнения сообщений многих информаторов.

Локайцы делятся на две большие группы, получившие свои наименования по месту обитания: роды, проживающие в пределах бывшего Гиссарского бекства, назывались гиссарскими локайцами (хлеоры лакай); роды, проживающие в пределах бывшего Бальджуанского бекства, назывались бальджуанскими локайцами (бальджуон лакай), а теперь иногда называются кулябскими (куляби лакай). До середины XIX в. границей между этими группами служили река Вахш с прилегающими горами и долина реки Таир-Су, включая горы Джилан-Тау, ограничивающие долину с востока и служащие водоразделом рек Таир-Су и Кзыл-Су. Позже гиссарские локайцы переселились на восток от Вахша и накануне революции границей между этими группами уже были горы Джилан-Тау.

Каждая из указанных групп делилась на два рода. Гиссарские локайцы делились на роды Эсен-ходжа и Бадраглы, а бальджуанские локайцы — на роды Байрам и Турт-оул. Таким образом, локайцы делились в прошлом на четыре крупных рода, которые в свою очередь разветвлялись на более мелкие родовые подразделения (см. таблицу 1).⁴

По собранным нами расспросным путем сведениям, многочисленный род Эсен-ходжа распадается на 11 основных подразделений:⁵ Ак-сары, Утарчы, Уадеи, Туячи, Кул-бечче, Мурзагул, Алтыш, Малыш, Култу, Кудумбет и Нарын.

Помимо этих родов нами еще зарегистрированы названия: Кармыш, Мулла-бечче, Падыр-бечче, Яхнылык-бечче, Бай-кучкар. Повидимому, эти названия обозначают более мелкие подразделения вышеуказанных 11 родов, подобно тому как, например, род Малыш имеет 3 подразделения:

¹ Материалы по районированию Средней Азии, книга 1, ч. 1, стр. 198, 199.

² Льюткин Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 28, 29.

³ Шаджаре (казах.), сажжара (киргиз.), шажэрэ (башкир.) — генеалогия рода, племени (от арабского шаджарун — дерево).

⁴ Для обозначения рода у локайцев употребляются несколько терминов: урук, тайфа, каум, улус.

⁵ Полевая запись от 2 ноября 1947 г. от представителя рода Эсен-ходжа Икрамулла Чарикюлова, Кокташ.

Али-бечче, Бахты-бечче и Ходжа-мияр, а род Гуячи имеет 7 подразделений: Малай, Дусай-туячи, Джадыгер, Кельди-бек, Баки-бечче, Нар-бечче и Молмыш.

К роду Эсен-ходжа примыкает еще один — это крупный род Курдек. Он имеет 4 основных подразделения: Алты-бай, Казак, Джака и Кара-тума.

Алты-бай имеет подразделения: Загара-туяк или Загара-уйак, Акбузау, Кара-сыйрак.

Джака имеет подразделения: Сакау, Гульмурза-бечче, Джадыгер, Тюркия.

Нами еще зарегистрированы родовые названия Кара-бузау, Токаиды, Башкаи и Абдал, относящиеся к роду Курдек, но не выяснено к которому из родовых подразделений они относятся.

Второй крупный род гиссарских локайцев, а именно род Бадроглы, одними локайцами, с которыми нам пришлось работать, в том числе уже упомянутым нами сказителем Сулейманом Умаровым, рассматривается как состоящий из 6 крупных разветвлений: Кызыл-бай, Келекей, Парча, Джунус, Кетте мерген и Кичи мерген. Другие локайцы рассматривают их парными, т. е. неразрывно связанными, как бы слитными попарно, родами.¹

Некоторые локайцы, в том числе Маматмуса Хантов,² сохранившие в памяти родоплеменное деление, а также Ф. И. Льютко³ расчленяют род Бадроглы на 3 подразделения — Кызыл-бай, Парча и Мерген, а подразделения Келекей, Джунус, Кетте и Кичи мерген рассматривают как подразделения первых трех родов.

Рассмотрим более мелкие подразделения рода Бадроглы в основном по Сулейману Умарову. Род Кызыл-бай имеет подразделения: Деветер, Серке, Утеш, Джау-качты.

Роды Парча и Джунус делятся на 4 подразделения: Буйра, Самарканды, Кычылы и Кучек.

Род Кичи мерген имеет 6 подразделений: Эвлади-Хасан, Эвлади-Назар, Ак-баш, Бай-сенл, Джанкаул и Беш-курук.

Род Кетте мерген имеет 2 подразделения: Анна-ходжа и Бай-ходжа.

По этим двум родам нами записаны и еще более мелкие подразделения. Бай-ходжа делится на Далде и Канхур.

Анна-ходжа имеет 8 подразделений: Ураз-бечче, Усуп-бечче, Алим-бечче, Мурат-бечче, Сары-бечче, Хелпе-бечче, Шакасым-бечче и Кичи-сан.

Ураз-бечче в свою очередь распадается на 3 подразделения: Дахан, Сары и Мегер.

Усуп-бечче распадается на 5 подразделений: Алла-Назар, Бай-Назар, Науруз, Кесп и Джол-болды.

В наших записях имеются еще 2 названия, относящиеся, повидимому, к более мелким подразделениям рода Бадроглы, а именно: Будене и Эвлади-Конгур. Последнее название записано, как относящееся к роду Кичи мерген.

Переходим к перечислению родовых делений балыджуанских локайцев. Они делятся на 2 основных рода: Байрам и Турт-оул.

¹ Парные роды встречались и у других узбекских племен, как и вообще у тюркских народов, что неоднократно отмечалось в советской этнографической литературе. По мнению большинства исследователей, в этом нужно видеть следы дуально-брачного деления.

² Представитель рода Кызыл-бай, житель кишлака Биринчи Джалтыр-Кене Кокташского района, 71 года, неграмотный. Полевая запись от 31 октября 1947 г.

³ Льютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 29.

Род Байрам имеет следующие подразделения: Турт-ата, Шекей, Девет и Чегене.

Род Турт-ата считается размножившимся от четырех братьев и соответственно имеет 4 подразделения: Эсе-бай, Бай-толыш, Кыр-садак или Кырк-садак и Боранай.¹

Как относящиеся к этому роду Турт-ата нами зарегистрированы названия Чаулы-мурат и Ак-чанач. Повидимому они являются названиями более мелких подразделений.

Род Шекей также размножился от четырех родоначальников: Палан, Теигри-берди, Худай-берди и Алла-берди.

Род Девет делится на 3 больших подразделения: Ак-девет, Кара-девет и Ак-чура.

Ак-девет в свою очередь имеет ветви: Кутыр, Джулей, Келекей, Рысай и Кабанай.

Кара-девет имеет ветви: Тинал, Джам-пулат и Бедель. По словам семидесятилетнего локайца Мулла-Бабакула из кишлака Бурденгель Советского района,² к Девету еще относится род Бурденгель, который распадается на 2 подразделения: Бурденгель и Кара-таяк.

Нами еще зарегистрированы ветви Эвледи-Хусан и Хейбет, как относящиеся к роду Девет. Повидимому, они являются названиями мелких подразделений какого-либо из выше перечисленных родов.

Род Чегене имеет подразделения: Чыркыравык, Казак, Чуяге или Чуйага и Азау. Локаец Кувандык Фаизов из рода Казак указал нам, что этот род имеет 2 подразделения: Чоборма и Тентек-эвлад.³ Шеров Тагайназар к роду Чыркыравык относит подразделение Саркеч.⁴

Род Турт-оул, один из двух самых крупных родов бальджуанских локайцев, имеет следующие ветви: Уч-уул, Суюндук, Бурундук, Чал, Кусе, Гургуру или Гергера.

Род Уч-уул делится на подразделения: Элетен, Кара-мурча, Карасыйрак, Чапкан, Мраз и Сары-мраз.

Локаец из кишлака Якка-тут называл нам еще 2 родовых наименования, повидимому, более мелких ветвей: Эвледи-Туры и Эвледи-Нар.

Род Суюндук имеет подразделения: Каль (или Куль), Ходжалы и Дусай. Согласно записям от уже упомянутого Шерова Тагайназара, к Суюндuku относится и род Конгыр-тана, а подразделение Дусай имеет более мелкое подразделение Чайгуз.

Род Бурундук имеет подразделение Джалпуш; род Чал имеет подразделения Сары-чал, Куки, Кый-текме и Карача.

На этом мы заканчиваем краткий обзор родовых названий локайцев, который показывает, несмотря на неполноту наших материалов, крайнюю пестроту названий.

Неполнота наших материалов объясняется тем, что родовые названия, потеряв свое практическое значение, чрезвычайно быстро стираются из народной памяти и это очень затрудняет сбор материалов по данной теме в настоящее время. Эта трудность усугубляется еще тем, что в силу чрезвычайной раздробленности локайцев в прошлом на мельчайшие, нередко состоящие даже из 5—6 семей, особые подразделения возникает необходимость посещения каждого кишлака, что, конечно, не всегда возможно. Примером такой расчлененности могут служить

¹ Об этих четырех братьях среди локайцев имеются предания, согласно которым от упомянутых четырех братьев, сыновей вдовы, размножился род Турт-ата.

² Полевая запись от 17 августа 1948 г.

³ Полевая запись от 18 августа 1948 г.

⁴ Полевая запись от 4 августа 1950 г.

два кишлака Деурекского сельсовета Бокташского района. Биринчи Джалтыр-Кене и Иккинчи Джалтыр-Кене, населенные представителями рода Кыял-бай, который, в свою очередь, является ветвью Бадраглы. Мы знаем, что род Кыял-бай имеет 4 подразделения: Деветер, Серке, Утеп и Джаукачты. Жители этих двух кишлаков, кроме подразделения на эти 4 группы, делятся на еще более мелкие ветви внутри каждого селения. В кишлаке Биринчи Джалтыр-Кене: Аваздан туған, Хыле, Джашанай туған, Каршидан туған. В кишлаке Иккинчи Джалтыр-Кене: Ак-чанак, Кара-чанак, Гуляндан туған, Тугайдан туған, Дуавандан туған.¹

В расселении локайцев перед революцией в той или иной мере продолжает сохраняться родовой принцип, хотя родовая собственность на землю уже давно сменилась частной. Многие кишлаки носили (и по сей день носят) названия родовых подразделений, как например: Девет, Калк, Бурденголь, Карманшабад и др.²

Расселение основных локайских родов в пределах той территории, которая была нами рассмотрена выше, дано в Материалах по районированию Средней Азии.³ В книжке Ф. П. Лютко «Басмачество в Локае» мы находим описание расселения родов Эсен-ходжа и Бадраглы на правобережье Вахша.⁴

Наши материалы, внося незначительные коррективы, в основном подтверждают данные Н. П. Магидовича и Ф. П. Лютко. Хотя собранные нами сведения позволяют проследить расселение не только основных родов, но и мелких родовых подразделений, мы, принимая во внимание творческий характер данного раздела работы, ограничимся, как и упомянутые авторы, описанием расселения лишь четырех основных родов: Эсен-ходжа, Бадраглы, Турт-оуа и Байрам⁵ (рис. 1).

Выше уже отмечалось, что накануне установления Советской власти границей между гиссарскими и бальджуанскими локайцами являлись горы Джизан-Тау. Даниаринская долина (долина реки Таар-Су) представляла собой место стыка двух этих групп и поэтому в ней встречались представители обеих групп.

Род Эсен-ходжа занимал Кокташ и горы к югу от него, т. е. Ранген-Тау, северо-западную часть Яванской долины, включая три кишлака Кайвар (Куз-Кайвар, Баш-Кайвар, Орта-Кайвар) и северную часть Даниаринской долины (преимущественно род Курдек), а в центральной части этой долины два кишлака Саргалон, относившиеся ранее к Бульбекскому кишлачному совету.

Род Бадраглы занимал прилегающую к Кафирнигану Деурекскую долину, всю Кинкскую долину, обширное урочище Дошгыз-Адыр (адыры к востоку от Кинкской долины) вплоть до Арал-Тугая включительно и юго-западную часть Яванской долины. Кроме того, род Бадраглы занимал юго-западную часть Даниаринской долины, включая селение Салт-Тудд

¹ В этих названиях «туған» означает «рожденный», т. е. «рожденный от такого-то», «потомок такого-то». В ряде других случаев названия родов начинаются со слова «вазда» — «потомство» (через таджикский от арабского $وَالِد$)

² Кн. 1, ч. 1, стр. 198—199.

³ Ук. соч., стр. 30—31.

⁴ Материалы по Кулибекской области собраны в составе Кулибекской этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР 1948—1949 гг. под руководством и при непосредственном участии А. К. Писирчик.

на берегу Вахша и окрестные кишлаки. К северу от современного районного центра Дангары был лишь один бадралтинский кишлак Куш-Булак.

Род Байрам занимал западную половину долины Кызыл-Су, включая прилегающие джыры, а также горы Джилан-Тау. На юге его территория простирается вплоть до Таир-Су, включая оба склона гор Джилан-Тау и северную часть обширного урочища Алимтай. Кроме того, на севере байрамцы занимали небольшую территорию на левом берегу Кызыл-Су, примыкающую к Бальджуану (ныне кишлачные советы Дюкюр и Салмон-Данг).

Род Турт-бул занимал локайскую территорию к востоку от реки Кызыл-Су, за исключением северо-западного угла, занятого, как отмечалось, кишлаками байрамцев. На запад от реки Кызыл-Су кишлаки рода Турт-бул имелись в той части локайской территории, которая примыкает к Канурту, а также на северо-востоке Дангаринской долины. На юге, в урочище Алимтай, также имелись кишлаки турт-булцев.

К настоящему времени, хотя и сохранились, в основном, описанные нами границы расселения локайских родов, но все же отмечаются значительные изменения. Изменения эти происходили и происходят в трех направлениях: 1) локайцы вышли далеко за пределы указанной территории, особенно продвинулись на юг; 2) на территорию, ранее занятую локайцами, спустилось с гор, как на свои исконные земли, значительное число таджикского населения; 3) произошло значительное смещение в расселении самих локайских родов, особенно в Дангаринской долине (рис. 3).

Кроме того, следует отметить появление некоторого числа русского и татарского населения преимущественно в районных центрах в пределах бывшей локайской территории.

На западе и востоке локайской территории не произошло существенных изменений. За реку Ях-Су локайцы перешли только в нижнем ее течении: в ряде колхозов Кулябского и Московского (б. Чубековского) районов живут локайцы, как гиссарские (Бадраглы), так и бальджуанские, переселившиеся из Дангаринского и Советского районов. Население водораздела рек Ях-Су и Кызыл-Су, состоящее в подавляющем большинстве из локайцев, переселилось в низовья этих рек на новые земли, осваиваемые под посевы хлопка.

Гораздо большие изменения произошли на севере и юге. В Гиссарской долине отдельные семьи локайцев встречаются во многих колхозах Орджоникидзбабаевского, Рахатинского, Сталинабадекого, Гиссарского и Шахринауского районов.

На севере Кулябской области произошло, наоборот, значительное сокращение локайского населения. В Ховалингском районе не осталось ни одного локайского кишлака, а в тех немногих колхозах, где имеются локайцы, они составляют меньшинство населения.

В Дангаринском и Советском районах в ряде кишлаков локайское население полностью сменилось таджикским, в других появились таджикские семьи. Кроме того, возникли таджикские кишлаки вновь, т. е. на прежде незаселенных местах.

Таким образом, на юге — в Кировабидском, Молотовабидском, Воронилевабадеком, Кагановичабадеком, Октябрьском, Курган-Тюбинском, Кулябском, Нархарском, Московском районах, наряду с колхозами и совхозами, в которых живут несколько локайских семей среди таджиков или других групп узбеков, встречаются целые локайские переселенческие колхозы. Некоторые из них уже давно, лет 20 и более сест

хлопок и живут в этих местах. В этих районах еще много неосвоенных земель и приток локайцев, как и таджиков и других, будет продолжаться.

В результате упомянутых изменений граница расселения узбеков-локайцев на юге совпадает теперь с нашей государственной границей с Афганистаном.

Происхождение локайцев

Вопрос о происхождении локайцев и о времени их поселения в местах современного обитания уже неоднократно затрагивался.¹ Ему уделялось внимание не только в географической и исторической литературе, но даже в зоотехнической, в связи с изучением и характеристикой интродуцируемой специалистами известной локайской лошади. Однако единство взглядов на эти вопросы до сего времени отсутствует. Поэтому необходимо не только выяснить состояние изученности указанных вопросов, но попытаться наметить их решение, используя для этого новый, главным образом полевой этнографический материал, собранный нами во время поездок к локайцам.

К настоящему времени наметились две гипотезы. Исследователи, придерживающиеся первой гипотезы, считают локайцев одним из родов подкучковых узбеков.² При этом некоторые авторы, ссылаясь на локайские предания об их происхождении от одного из чингизхановых военачальников по имени Локай, допускают возможность прихода локайцев в Среднюю Азию в конце первой четверти XIII в. вместе с полчищами Чингизхана.³ Исследователи, выдвинувшие вторую гипотезу, отвергая принадлежность локайцев к узбекам,⁴ связывают их происхождение с кардуками и относят появление локайцев в бассейне правых притоков Аму-Дарьи ко времени, предшествующему завоеванию Средней Азии арабами.⁵ Проф. М. Е. Массон считает даже возможным, «что кардуки уже в VIII в. застали локайцев в горной Бухаре и что последние являются потомками тех турок, которые в середине VI в. разрушили царство «фгалитов и

¹ Кармышева В. Х. К вопросу о происхождении локайцев. Советская этнография, № 4, 1952.

² Борис А. Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1819. На стр. 367 перечислены 12 племенных узбекских родов и среди них есть локайцы с указанием их места обитания в горах. Кармышев А. П. в «Бюллетене статей, касающихся до Туркестанского края» (Пб., 1876, стр. 512) среди 31 узбекских родов на 62 месте помещает род Локай. Дюрофет Д. Н. в работе «На границах Средней Азии» (ки. III, СПб., 1900, стр. 53) среди 102 узбекских родов на 6 месте помещает локайцев. Павлов А. в статье «Население Таджикистана», помещенной в сборнике «Таджикистан» (Ташкент, 1925), узбекский род Локай, наряду с родами Тад, Катаган, Кувурат и Мангыт относит в число «наиболее чистых, подлинных «благородных» узбекских родов» (стр. 90).

³ Даштаев Ф. И. Басмачество в Локае. М.-Л., 1929, стр. 28. Аларов С. Г. и Брагинс О. И. Ошеровство Таджикистана. М., 1930, стр. 62. Хитенков Г. Г. Локайская лошадь. Конские породы Средней Азии. М., 1937, стр. 222.

⁴ Среди племен узбеков, участвовавших в завоевании Шейбани-ханом Мавераннахра, локайцы не упоминаются (Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. I, труды АН Таджикской ССР, том XII, Сталинабад, 1961, стр. 24 и 29). Массон М. Е. К истории происхождения локайской лошади, Известия ТФАН ССР, № 15, 1949, стр. 52. Мухоминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVII в. Известия АН Узбекской ССР, № 1, Ташкент, 1954, стр. 74.

⁵ Мотилович И. П. Население Бухары. Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I. Ташкент, стр. 198.

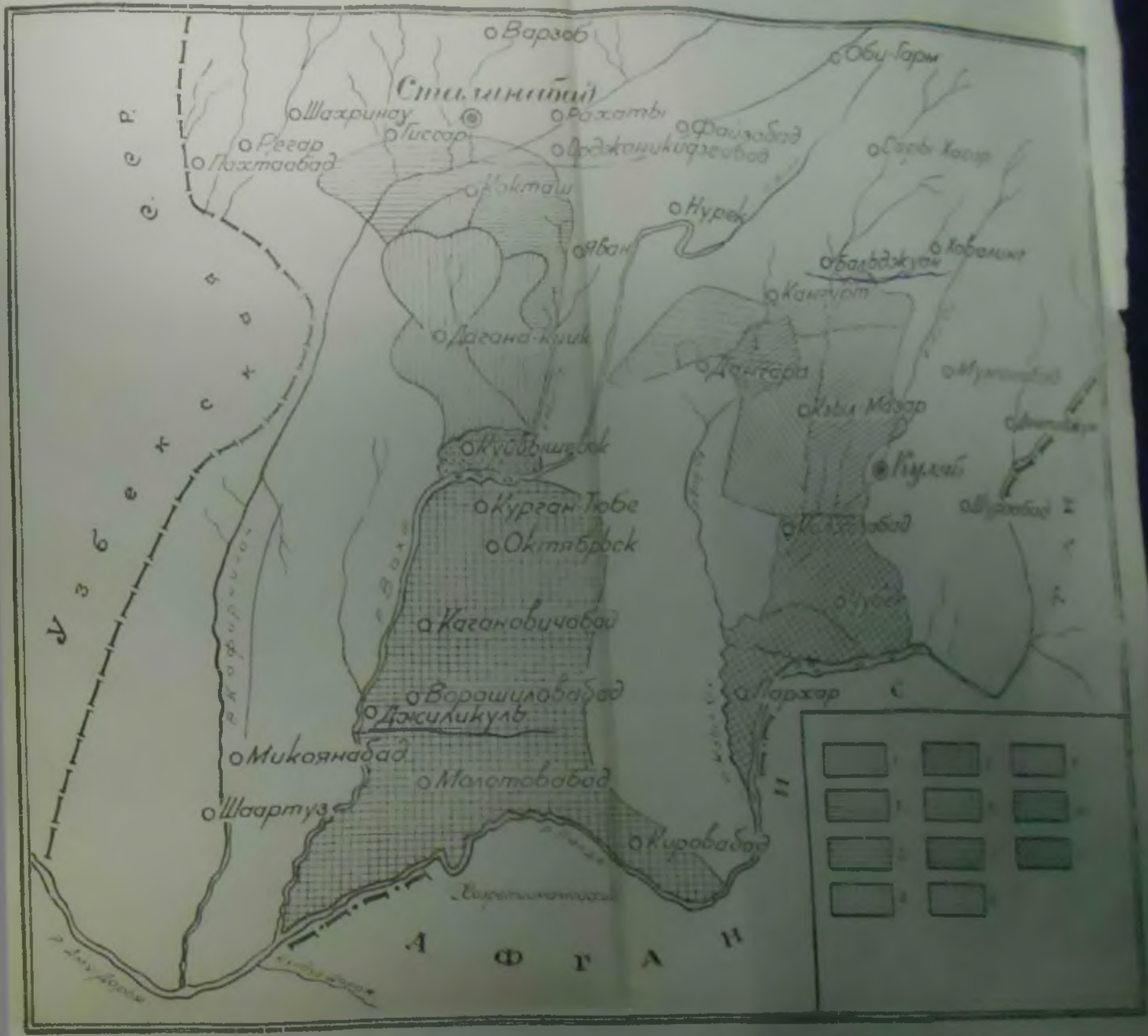

Рис. 3. Современное население локайцев по призыву прежнего района: 1 - Вадраглы; 2 - Девяткино; 3 - незначительное число Девяткино среди мелокайских поселенцев; 4 - Вадраглы и мелокайское население; 5 - Девяткино, Девяткино и мелокайское население; 6 - Девяткино и мелокайское население; 7 - Девяткино, Девяткино и мелокайское население; 8 - Байрам и мелокайское население; 9 - Турки-Озун и мелокайское население; 10 - незначительное число Девяткино и Вадраглы и мелокайское население; 11 - незначительное число представителей всех групп мелокайского населения.

Рис. 7. Распределение доказательств наличия установления Советской власти: 1—руд Бадраглы; 2—Эсен-ходжа; 3—Байрам; 4—Турт-оул; 5—Эсен-ходжа, Турт-оул и неложайское население; 6—Байрам, Турт-оул.

создали самое обширное из существовавших до тех пор кочевое государство от границ Китая до пределов Ирана в Византии».¹

Как Н. П. Магидович, так и М. Е. Массон подчеркивают связь докайцев с карлуками, а подтверждение этой связи видят в их совместном расселении в настоящее время.²

Кроме того, Н. П. Магидович, основываясь на совпадении некоторых докайских этнонимов с родовыми названиями казахского племени аргын, считает, что «часть докайцев составила из осколков древнего тюркского племени аргын, почти не встречающегося среди остальных узбеков».³ М. Е. Массон говорит об этом менее уверенно: «Если исходить из приведенного народного предания докайцев о роли в их судьбе Чингиз-хана и из сближения их по сходству некоторых упомянутых родовых названий с аргынами, то появление племени докай в Восточной Бухаре можно было бы связать с теми передвижениями аргынов, которые имели место в начале XIII в. и на которые обратил внимание еще П. А. Арисстов. Как установлено, в результате деятельности Чингиз-хана, аргыны подальше тогда на запад впереди найманов и кереев. Нельзя, однако, утверждать из виду, что передвижения части аргынов могли происходить задолго до завоевания монголами Средней Азии и, кроме того, что предки докайцев могли появиться в Южном Таджикистане совершенно самостоятельно от аргынов, связь с которыми пока не доказана».⁴

Несколько строк докайцам посвящено в обширном коллективном труде «История народов Узбекистана». Авторы этого труда по существу присоединяются к точке зрения Н. П. Магидовича, относя докайцев, наряду с племенами тюрк, карлук, туркмен, уйгур и др., к числу вероятных потомков наиболее древней части населения Средней Азии.⁵

Коренной недостаток приведенных выше гипотез заключается в том, что они не опираются на фактический исторический и этнографический материал, а высказываются в порядке общего предположения.

Приветствуя к попытке объяснить происхождение докайцев, обратимся прежде всего к названиям родов и родовых подразделений докайцев и сравним их с доступными для нас материалами по родовому составу других тюркских народов: казахов, киргизов, узбеков, туркмен и др. Мы, конечно, не намерены утверждать, что за каждым совпадением этнонимов различных народов непременно кроется указание на родство или единство их происхождения. Среди родоплеменных названий, бытующих иногда в течение многих сотен лет, живут, несомненно, и такие, которые возникли совсем недавно и произошли преимущественно от собственных имен и прозвищ отдельных лиц. К таким названиям, как нам кажется, следует отнести, например, следующие этнонимы докайского племени: Кул-бечче,⁶ Мулла-бечче, Кельди-бек, Бақы-бечче, Нар-бечче, Али-бечче, Гульмурза-бечче, Буйра, Самарканды, Эвледи-Хасан, Эвледи-Назар, Паллан, Кусе, Сакау, Эвледи-Хусан, Тентек-ялад, Шакасым-бечче, Хелле-бечче, Мурат-бечче, Алим-бечче, Ураз-бечче, Усун-бечче, Алда-Назар, Бай-Назар, Науруз, Кесп и, возможно, еще некоторые другие. Но большинство докайских этнонимов, видимо, древнего происхождения. Это те этнонимы, которые не встречаются среди докайских личных имен

¹ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 53.

² Магидович Н. П., Ук. соч., стр. 198.

³ Магидович Н. П., Ук. соч., стр. 198; Массон М. Е., Ук. соч., стр. 52.

⁴ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 53.

⁵ История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 290.

⁶ Бечче — от таджикского «бача» — дитя, юноша.

и прозвищ, а также в лексике современного локанского говора узбекского языка и подлинное значение которых уже не понятно народу. Часть этих этнонимов встречается среди родных названий других тюркских народов, указывая на истинную близость отдельных компонентов, из которых сложились эти народы.

Результаты приведенного нами сравнения вложены в таблице 2.¹ Наименование «локай» у других тюркских народов и племен пока не встречено. Можно предполагать, что оно возникло относительно поздно, возможно, во время окончательного сложения локанского союза уже на современной его территории, и происходит от имени предводителя какого-либо рода или племени, сыгравшего большую роль в организации союза, как об этом говорят локаские предания (см. ниже).

Из зарегистрированных нами 159 названий локайских родов и родовых подразделений 71 обнаружены среди родных названий других тюркоязычных кочевников.

Из таблицы следует, что локайцы не имеют общих этнонимов с до-узбекскими племенами Южного Таджикистана, за исключением двух названий: весьма семантически созвучия локайского Шек-й с Шайдан и кардукон, проживающих в Афганистане;² и совпадения одного элемента этнонима Тентек-эйд с барласским Кырк-тентак и Элдик-тентак.³ Последнее совпадение может быть совершенно случайным, так как слово тентак (придурковатый, глупый, сумасбродный) часто употребляется в обиходной речи.

¹ Для сравнения этнонимов, а также там, помимо собранного нами полевого материала, привлекались данные следующих работ: Абуль-Гази Беха-дур-хан, Родословная туркмен, Ашхабад, 1897; Аристов Н. А., Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, Живая старина, в. III и IV, СПб., 1886, его же, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родных делениях и о родовых тайпах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований, Живая старина, вып. III и IV, СПб., 1891; Беркштам А. П., Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, СЭ, № 4, 1918; Гребенкин А. Д., Узбеки, Русский Туркестан, М., 1872; Гродков Н. И., Киргизы и каракиргизы Сир-Дарьинской области, т. I, Ташкент, 1889; Джемгерчинов Н., Из генеалогии киргизов, Сб. «Белая», С. Е. Мухомов, Фрунзе, 1946; Жданко Т. А., Очерки исторической этнографии каракалпачков, М., 1950; Зайдахия К. Д., Узбеки дельты Аму-Дарьи, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945-1948 гг., М., 1952; Киратов Г. И., Историко-этнографические материалы по Туркмени и Ирану, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 3-4, 1945; его же, Родовые тайпы у туркмен, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 3-4, 1945, дашган Комаров, Братские статистические сведения о племенах эрсари, обитающих левой берег Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссаги до Чапджы, 1895, Сборник материалов по Азии, вып. 25 СПб., 1887; Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, т. I, Ташкент, 1926; Мошкова В. Г., Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпачков и туркмен, Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР, т. II, Ташкент, 1959; Мартуланов А., Народы Каракии, Сб. III, Д., 1930; Поголов Д. П., Очерки по истории алтайцев, М., Д., 1954; Радлов В. В., Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1887; его же, Средняя Зеркашанская долина, ИРГО, т. VI, СПб., 1880; Семенов А. А., К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. I, Сталинабад, 1951; Ситяковский Н., Генеалогическая таблица у истинно узбекского рода дугтрал, Изв. Турк. Общ. ИГО, т. VII, 1907; Сызиков А. С., Родовое деление киргиза, Сборник В. В. Бартольду, Ташкент, 1927; Шмидт Э. А., Материалы по родовой структуре кланового населения юго-западной части Чиманитского уезда, Сборник В. В. Бартольду, Ташкент, 1927 и др.

² Полевая запись от 28 июля 1959 г.

³ Полевая запись от 19 августа 1949 г.

Больше всего сходных этнонимов локайцы имеют с казахами (52), в частности с такими племенами, входящими в Средний жуз (33), как аргын, найман, керей, кыпчак. При анализе названий казахских родов Большого и Младшего жузов, совпадающих с локайскими, оказывается, что некоторые из них происходят также от указанных четырех племен, образовавших Средний жуз. Таким образом, количество совпадений локайских этнонимов с этнонимами племен Среднего жуза фактически увеличивается.

Н. А. Аристов доказал, что роды Турт-оул и Суюндук являются аргынскими, а в состав других племен они попали во время передвижений и смешений.¹ С названием Байрам, например, мы не встречаемся у казахов. Однако у аргынов и найманов имеется род Майрам.² Аристов приводит аргынское сказание о том, что у одного из потомков Алача, родоначальника всех казахов, был сын Аргын. У него от старшей жены родился сын Майрам, а у последнего было 2 сына — Кувандык и Суюндук.³

У аргынов казахских есть и род Кувандык.⁴ И. П. Магидович отождествляет его с локайским Куюндук.⁵ Последнего названия среди локайцев нам не приходилось встречать, хотя вполне возможно, что в 20-х годах и было какое-либо мелкое подразделение под таким названием. У локайцев распространено собственное имя Кувандык. Таким образом, локайское название Байрам может считаться аргынским. Кроме того, можно допустить, что в прошлом у локайцев был и род Кувандык (Куюндук, зарегистрированный в 1924 г.) также аргынского происхождения.

И. П. Магидович локайский этноним Бурундук отождествляет с аргынским Бегендик, который встречается и у туркмен племени теке. Однако нам такое отождествление кажется сомнительным, так же, как отождествление Магидовичем локайского Девет с туркменским Дат Локайской родовое название Джака, созвучное с Джакай (Джакау) казахов Младшего жуза, может рассматриваться как аргынское, так как оно у казахов принадлежит подразделению рода Кара-кисяк, который, как доказал Аристов, является аргынским.

Среди зарегистрированных этнонимов Большого жуза нами обнаружено 16 названий, сходных с локайскими. Из них только 4 — Кармыш, Бадрак, Карача и Кунту — не имеют себе аналогий среди этнонимов Среднего и Младшего жузов. Однако название Кармыш встречается еще среди родовых подразделений рода Кыпчак киргизского племени ичкилик, которое считается чуждым киргизам,⁶ и, следовательно, род Кармыш по своему происхождению примыкает к племени кыпчак Среднего жуза казахов.

Из всех известных нам киргизских этнонимов 20 совпадают с локайскими, причем пять из них встречаются и среди этнонимов Среднего жу-

¹ Аристов Н. А., Заметки..., стр. 358—366.

² У казахов, так же как и у узбеков «Майрам» произносится двойко «Майрам» и «Байрам».

³ Аристов Н. А., Заметки..., стр. 363.

⁴ Там же, стр. 362.

⁵ Магидович И., Ук. соч., стр. 198.

⁶ В числе родов племени ичкилик встречаются те же названия Найман и Кыпчак, которые входят в состав Среднего жуза, а также род Кесек Младшего жуза, происходящий от аргынов (Аристов Н. А., Заметки..., стр. 378). По Ч. Валиханову, в середине прошлого столетия киргизские племена еще не признавали ичкиликов истинными киргизами, родственными себе (Аристов Н. А., Опыт выяснения..., стр. 428).

за: в числе последних такие древние наименования, как Тума и Чура.¹ Среди остальных, т. е. не имеющих аналогий в этнонимах Среднего жуза, есть уже отмеченный нами род Кармыш, а также род Кыл-бай. Последний, как и Кармыш, будучи подразделением племени ичкилик, является иноплеменной примесью среди киргизов и примыкает генетически к племенам Среднего жуза.

Из всего сказанного становится очевидным, что значительная часть локайцев сложилась из тех же этнических компонентов, что и казахи Среднего и частично Младшего жузов. Очевидна также связь локайцев с древним тюркским племенем аргын, являвшимся одной из составных частей Среднего жуза.

Следует остановиться еще на одном этнониме. У локайцев под названием Курдек известен многочисленный род — подразделение рода Эсен-ходжа. Такое же название имеется у тобольских и тарских татар,² которые живут в непосредственном соседстве с казахами Среднего жуза, имеют с ними некоторое родство в происхождении и общую историческую судьбу на длительном отрезке времени, когда они входили в Улус Джучия, его сына Шейбана, а позже — Абульхайра. В. В. Радлов считает роды Курдак, Туралы и Аялы с древности живущими в Сибири и отмечает, что Курдаки, по сравнению с Туралы, мало смешались с пришлыми «бухарцами».³

Некоторые наши информаторы-локайцы род Курдек считают самостоятельным. Кувандык Алишев из рода Эсен-ходжа (житель кишлака Шурча Яванского района) рассказал нам предание о том, что родоначальник эсенходжинцев женился на женщине, имевшей сына от первого брака. Этого пасынка Эсен-ходжи и звали Курдек. Потомство Курдека, согласно преданию, не принадлежит к собственно эсенходжинскому роду. Видимо, осколок рода Курдек сибирских татар в свое время пристал к одному из казахских (узбекских) родов, вошедших впоследствии в состав локайцев. Еще Н. А. Аристов заметил, что если какой-либо род или осколок племени присоединяется к другому племени, то в народном сознании это находит отражение в виде преданий, в которых родоначальник чуждого по происхождению (присоединившегося) племени считается приемным сыном или сводным братом родоначальника основного племени.

В таблице указано несколько других совпадений локайских этнонимов с этнонимами народов Южной Сибири. В этой связи хотелось бы еще отметить локайский род Мраз, созвучный с названием реки Мрач-Су, бассейн которой населяют шорцы.

Обращает на себя внимание, что среди этнонимов узбекских племен встречается очень мало совпадений с локайскими родовыми названиями. Это объясняется, возможно, недостаточностью сравнительного материала. Если бы существовали подробные списки родов и мелких родовых подразделений по отдельным узбекским кочевым племенам, как это

¹ Чура относится к племени саяк, которое считалось происходящим не от законной жены Тагая, а от наложницы, поэтому главные киргизские роды относились к нему с некоторым пренебрежением. Стало быть, как отмечает Н. А. Аристов (Опыт выяснения..., стр. 442), племя саяк было инородным у киргизов. Интересно отметить, что в предании о локайском роде Алтыны предводитель его назван Ашакул-саяк.

² Аристов Н. А., Заметки..., стр. 350; Радлов В. В., Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1887, стр. 25.

³ По сообщению В. В. Храмовой, название курдак до сих пор живет память тарских татар. Бухарцами в Сибири называют потомков торговцев, находившихся в Средней Азии, осевших среди тобольских и тарских татар и ассимилировавшихся с ними.

имеется по казахам, то, возможно, этих совпадений было бы значительно больше. Однако вполне возможно и то, что локайцы, по сравнению с другими узбеками, составились из несколько иной группы дештикыпчакских племен.

Обратимся к локайским тамгам, хотя они, к сожалению, могут рассказать очень немногое, так как, по видимому, давно утратили значение родового знака и уже до революции воспринимались только как знаки собственности отдельных баев. Они выбирались тем или иным скотовладельцем совершенно случайно, независимо от его родовой принадлежности.

Ряд локайских тамг опубликован в работе Г. Г. Хитенкова.¹

Несколько тамг с указанием владельцев изображены нам старики-коневоды:

- ∞ Байназар-хаджи
- ⌒ Тюрахан-бай
- ⊕ Шаполат-бай
- ⊖ Хатим-бай
- ⌒ Каурак-бай.

Тамги локайцев обнаруживают сходство с приводимыми ниже:

- +× казахские племена керей, алчи, тлеу, каракалпакское племя кенегес, туркменские племена номуд, сарык, теке;
- | казахские племена кыпчак и канглы, каракалпакское племя кыпшак, ногайское племя торту-улоуас, туркменское племя теке (подразделение Конгур рода Тохтамыш и подразделение Букри рода Векиль);
- казахские племена найман и кунграт;
- ⊕ казахское племя сортеле (род Уштамгалы); —
- ⊖ф туркменское племя теке (среди ряда других тамг в ауле Меана, населенном смешанными родами);
- + туркменское племя номуд (род Ушак).

Из приведенного обзора сходных этнонимов и тамг можно сделать следующие выводы:

1. Локайцы, как и многие другие узбекские племена, по происхождению не являются кровнородственной группой, это конгломерат тюркско-монгольских племен и родов. В состав их исторических предков вошли тюркоязычные этнические элементы, общие с казахами, киргизами, частично сибирскими татарами и другими тюркоязычными народами Южной Сибири, которые участвовали также и в этногенезе кочевых узбеков, туркмен, каракалпаков и некоторых других тюркоязычных народов. На этом основании можно утверждать, что в состав локайцев вошли кыпчакские тюркоязычные племена и группы, которые дробились и разошлись, смешивались и скрещивались в результате распада Улуса Джучия.

2. Локайцы в основном — выходцы из северо-восточной части Улуса Джучия, т. е. из Улуса Шейбана, о чем говорят многие их этнонимы, общие с этнонимами населения этой части Дешти-Кыпчака.

3. Этнонимические материалы не подтверждают связи локайцев с племенами тюрк и карлук, обитавшими в южной части Таджикистана.

Узбекоязычные племена² Южного Таджикистана можно разделить на две резко отличные одна от другой группы. В первую группу входили:

¹ Хитенков Г. Г., Локайская лошадь. Конские породы Средней Азии. М., 1977, стр. 220.

² Термин «племя» в данном случае мы употребляем совершенно условно.

тюрк, карлук, барлас, муса-базари, калта-той и мугул;¹ во вторую группу — локай, дурмен, кунграт, катаган, марка, каучин, кесамир и семиз.

Первая группа, за исключением мугулов, называет себя тюрками, а вторая — узбеками. Об этом различии писал еще в 1920-х годах покойный Н. Г. Маллицкий: «Карлуки, барлосы и муса-базари называют себя тюрк». Отметив монгольское происхождение барласов и мугулов, Н. Г. Маллицкий продолжает: «Перечисленные народы тюркского и монгольского происхождения, очевидно, пришли на территорию нынешнего Таджикистана еще до появления здесь узбеков и несколько отличаются от них по языку и обычаям».²

К числу узбеков, пришедших с Шейбани-ханом, Н. Г. Маллицкий относит кунгратов, дурменов, катаганов и, с оговоркой, локайцев. «Локайцы, — пишет он, — держатся несколько обособленно не только от таджиков, но и от тюрков, и отличаются также и своею наружностью, бо чистым тюркским типом, хотя среди них есть много светловолосых и сглазых (черта, несвойственная вообще тюркам)».³

Согласно нашим материалам, эти две тюркоязычных группы, которые мы условно будем называть «тюрко-карлукская» и «узбекская», различаются между собой прежде всего по языку. Представители первой группы говорят на весьма близких друг другу говорах среднеузбекского диалекта (по терминологии проф. А. К. Боровкова),⁴ или чагатайско-паречия (по терминологии некоторых, более ранних классификаций). Представители второй группы говорят на сходных говорах джекающего диалекта (по Боровкову), или кыпчакского наречия (по более ранней терминологии).⁵

Следует отметить, что если представители второй, кыпчакской группы, в том числе и локайцы, не владеют таджикским языком (особенно женщины), то значительная часть тюрко-карлукской группы двуязычна, включая и женщин, а у племени тюрк во многих горных районах Таджикистана идет интенсивный процесс полного вытеснения родного языка таджикским. Этот процесс дошел до такой степени, что тюрки нередко называют себя таджиками рода Тюрк.

Различие между этими двумя группами проявляется и во внешних антропологических особенностях. Даже неспециалисту бросается в глаза это внешнее антропологическое различие между представителями обеих групп, особенно между карлуками и локайцами. Научное подтверждение этому дали работы Кулябской этнографо-антропологической экспедиции 1952—1953 гг., осуществлявшейся совместно Институтами истории, археологии и этнографии Академий наук Таджикской и Узбекской ССР. Перед экспедицией была поставлена задача антропологического обследования населения по этническим и родоплеменным группам. Согласно предварительным данным, любезно сообщенным начальником антропологического отряда В. Я. Зезенковой, карлуки по типу оказались близкими к таджикам (европеоидный тип Среднеазиатского междуречья), тогда как локай-

¹ Произносятся различно: мугул, могол, могул, мугал.

² Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 62 (разрядка наша — Б. К.).

³ Там же, стр. 64.

⁴ Боровков А. К., Развитие узбекского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке, Известия Академии наук УзССР, № 1, 1951, стр. 6.

⁵ В связи с тем, что до сих пор в узбекской диалектологии нет установившейся классификации говоров, мы были вынуждены привести и более раннюю терминологию.

ны, наоборот, оказались резко отличными от таджиков и относящимся к монголоидной группе.

Если мы обратимся к хозяйственной деятельности и материальной культуре, то и здесь найдем большую разницу между двумя рассматриваемыми группами. Мы не имеем возможности здесь дать обстоятельное описание этих различий. Но в связи с наличием устойчивого, хотя и не совсем обоснованного мнения о близости карлуков и локайцев, считаем необходимым все же указать некоторые различия и в этом отношении.

Основным, а в некоторых районах даже единственным занятием тюрко-карлуцкой группы в прошлом было овцеводство; разводились овцы к называемой гиссарской породы, которая среди местного населения звалась тюркской.¹ В хозяйственной деятельности племени узбекской группы животноводство хотя и занимало ведущее место, но не имело единого направления. Локайцы, например, были известны как коневоды, кунграты — как верблюдоводы, марка — как коневоды и рисоводы и т. д. Конечно, среди локайцев, как и среди некоторых других групп узбеков (дурмен, кунграт, катаган и, особенно, марка), встречались крупные скотоводы, но это занятие не считалось спецификой этой группы, тогда для тюркской группы (особенно для карлуков) разведение гиссарской овцы было специфично. Образ жизни, материальная культура, народное изобразительное искусство и некоторые обычаи и обряды как локайцев, так и вообще всей узбекской группы носят черты, общие для культуры кочевников Дешти-Кыпчака. Вплоть до 20-х годов XX в. локайцы, дурмены, кунграты, марка и другие узбекские группы жили преимущественно в войлочных юртах. Остов локайской юрты, как и юрты казахов, состоял из решетки «кереге», которая нередко ставилась в два яруса, и палок «уук», составляющих остов крыши и вставляемых в деревянный дымовой круг «чангарак».

Карлуки, барласы, тюрки (несевшая часть), калта-той — тоже жили в юртах (в некоторых местностях до сих пор рядом с глинобитным домом ставят войлочную юрту), но другого типа, достигающих иногда очень больших размеров (до 15 и более метров в диаметре). Каркас этого жилища имеет полусферическую форму и представляет собой сплошную решетку. Решетчатые стенки и купол его образуют одно целое и состоят из перекрещивающихся деревянных дуг. Дуги составные, из слегка согнутых палок, связанных в местах соединения.

Очаги и у локайцев, и у карлуков вырыты в земле, но имеют различную форму, хотя и те, и другие пекут хлеб на каменной плите, кипятят чай в чугунных или медных кувшинах и варят пшеницу в чугунных (раньше медных) котлах.²

Представители узбекской группы ткуют узорные паласы (ковры без ворса), мелкие ковровые предметы с ворсом и вышивают. Особенно известны как искусные вышивальщицы и ткачихи локайские женщины. Карлуки и тюрки не знают тканья узорных паласов (приобретают их у локайцев) и не вышивают. Даже тюбетейки во многих районах карлуки и тюрки покупают у локайцев или таджиков.

Орнамент локайских вышивок и ковров² очень близок, порой совер-

¹ Кармышева Б. Х., К истории происхождения гиссарской овцы. Доклады АН Таджикской ССР, вып. 7, Сталинабад, 1953, стр. 45—50.

² Образцы локайского орнамента даны в вышеуказанной нашей статье — К вопросу о происхождении локайцев. Советская этнография, № 4, 1952.

шенно тождествен с бытующим у катаганов, семизов, кесамиров, дурменов, кунгратов и других узбекских групп и имеет много общего с орнаментом казахов, киргизов и туркмен. Несомненно, что истоки и история развития этого орнамента общие.

В одежде и украшениях обеих групп, несмотря на большое внешнее сходство, имеются значительные различия. Например, цвет и размеры чалмы и особенно способ ее наматывания у карлуков и локайцев совершенно различны. Карлукская чалма существенно отличается и от таджикской. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Карлуки, как и другие представители тюрко-карлукской группы, хотя и разводят лошадей, но не знают кумыса, а у локайцев кумыс был в недавнем прошлом любимым напитком.

В обычаях и обрядах локайцев, как и других узбеков, обнаруживается общность с таковыми у казахов. Например, свадебные обряды локайцев, катаганов и марка вплоть до деталей совпадают со свадебными обрядами казахов, чего нельзя сказать о карлукской свадьбе.

Конечно, обе рассматриваемые группы имеют и некоторые общие черты в быту и особенно в хозяйстве, в частности в животноводстве. Эти сходные черты, видимо, обусловлены, с одной стороны, кочевым экстенсивным скотоводством, которое с древнейших времен составляло основное занятие обеих групп; с другой стороны — их совместной жизнью на общей территории в течение ряда веков. Кроме того, обе рассматриваемые группы в значительной степени подверглись воздействию культуры и быта окружающего таджикского населения.

Приведенные выше материалы позволяют поставить под сомнение предположение И. П. Магязовича и М. Е. Массона о «какой-то связи» локайцев с карлуками «на длительной отрезке исторической жизни»,¹ а также категорическое утверждение М. Е. Массона о том, что «в данный момент можно считать установленным, что появление локайцев в бассейне правых притоков верхнего течения Аму-Дарьи на много веков предшествовало замаратским походам Шейбани-хана в XVI столетии».²

Локайцы, наряду с катаганам, дурменами, семизами, кесамирами, марка и кунгратами, считают себя узбеками, при этом — выходящими из Балха. Они обычно относят себя к одной из многочисленных ветвей (шах, таша) племени катаган. Вместе с тем они подчеркивают, что карлуки к узбекам не относятся.

Нам неоднократно приходилось слышать от стариков-локайцев, что «в основе своей локайцы — узбеки, родина узбеков — Балх»; «локайцы и катаганы — одно и то же, только отличаются от катаганов»; «локайцы, наряду с дурменами, марка и кунгратами, одна из ветвей узбеков; карлуки и тюрки к узбекам не относятся».³ При этом наши информаторы всегда подчеркивали, что с катаганам и другими узбеками, принадлежность которых к дештикипчацким узбекам (катаган, кунграт, дурмен,

¹ Магязович И. П., Ук. соч., 198; Массон М. Е., Ук. соч., стр. 52.

² Массон М. Е., Ук. соч., стр. 53.

³ Один из локайцев — Маматмуза Хантов (71 г.) в подтверждение своих слов рассказал, что до Советской власти Гиссарское бекство делилось на 18 амлякдарств (амлякдарство — поземельно-податный участок, Б. К.). В большие праздники в Гиссаре устраивались состязания по борьбе представителей различных амлякдарств. При этом обычно разбивались на две партии: первую партию составляли узбеки, а вторую — талики, карлуки и тюрки. Гиссарские узбеки составляли амлякдарства: дурмены — одно, марка — одно, а локайцы — два, так как род Эсен-ходжа и род Бадратлы составляли отдельные амлякдарства. Остальные 14 амлякдарств Гиссарского бекства составлялись из представителей таджиков, турков и карлуков.

марка и др.) не вызывает сомнений, у них одинаковый образ жизни и одинаковые обычаи, в чем мы сами убедились. Общее происхождение с ними локайцы осознавали еще до консолидации узбеков в единую узбекскую социалистическую нацию. М. С. Андреев, будучи в Кокташе в 1925 г., записал от локайского бия Абдурашида из рода Эсен-ходжа: «Кунграт, локай, катаган, дурмен считаются одной племенной группой (97 родов). Он не знает, к какому роду примыкает локай — либо к кунграт, либо к катагану. Общей родовой тамги нет. Урана и птицы также нет».¹

Особенно интересно отметить, что еще более ста лет назад Александру Борису, когда он проезжал близ Гиссара, говорили о локайцах, как об узбеках.²

В этой связи приведем несколько легенд, записанных нами во время полевой работы. От жителей Кокташа Икрамкула Чариколова из рода Эсен-ходжа и Абирова из рода Бадраглы 2 ноября 1947 г. записано следующее предание. Как им рассказывал сказитель, ныне покойный Бабахан-сака из кишлака Иккинчи Джалтыр-кепе, локайцы распространились от катаганов, которые, по его словам, мало отличаются от локайцев и якобы делятся на 110 родов.

Локайцы переселились в Таджикистан из Балха 8 поколений (пушт) тому назад. Родословную свою локайцы ведут от Кармыша, единокровного брата Чингиз-хана. У него было 16 сыновей катаганов («уи олти ул катаган»), одним из которых был Лакай. Кармыш еще при жизни роздал весь свой скот сыновьям, но забыл только Лакая, самого младшего. Лакай явился с претензией к отцу. Отец ответил: «Имущество (мед) твоих братьев — твое. Когда тебе будет нужно, можешь брать у них». С тех пор локайцы считают, что имущество родов племени катаган якобы им дозволено (халол), так как завещено отцом.

В число 16 подразделений катаган (уи олти уру катаган), по словам рассказывавших, входят: Локай, Дурмен, Кунграт, Курт, Таз, Марка, Катаган, Мугул, Каучин, Найман, Уч-уул, Байрам; остальные 4 рода сообщавшие нам эти сведения локайцы не смогли вспомнить. Карлуки в числе узбекских родов не входят.

Чингиз-хан оставил локайцев как разведку в Балхе, а в Самарканде оставил племя кырк-мен-джуз.

Вышеизложенное является частью обширного предания о происхождении локайцев, которое записано нами от других лиц.³ Приведем это предание с некоторыми сокращениями.

В Балхе во времена правления царя Махмуда (по другой версии — Магруп-ша) при его дворе жил сынчи (профессиональный знаток и ценитель качества лошадей, конюший) по имени Дугон. Однажды царь вызвал к себе сынчи и приказал, осмотрев всех его коней, отобрать тулпаров.⁴ Среди коней царя не оказалось ни одного тулпара. В это время

¹ Архив Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. На запись о локайцах в архиве проф. М. С. Андреева любезно указала нам А. К. Писарчик.

² Борис А., Путешествие в Бухару, ч. II, М., 1848, стр. 366.

³ Оно записано нами осенью 1945 г. от упомянутого выше сказителя Сулеймана Умарова, а также 31 октября 1947 г. от Мамазмуса Хантова из рода Бадраглы и, наконец, от старика Эшхуата 104-х лет из кишлака Девет Советского района. Последняя запись сделана 4 октября 1948 г. учителем Дусоевым Куганом.

⁴ Тулпар — резвый, скаковой конь; сказочный конь с невидимыми крыльями в эпических поэмах. Обычно эти крылья, по представлению локайцев, могли заметить только очень опытные сынчи.

один кородивый (девица) привел Дугона тощую клячу.¹ Дугон, испытав клячу, сказал парю: «Вот он тулпар!». Хан был оскорблен таким выбором своего конюшего и в гневе приказал выколоть ему глаза. После приведения в исполнение этого приговора Дугон стал называться сукир, т. е. слепым.

У Дугон-сукира был младший брат по имени Думбугул, которому он велел купить клячу, а затем обратился к хану с просьбой дать ему сорок дней срока. «И пусть тогда, — сказал он хану, — лучшие скакуны твоей конюшни попробуют состязаться с моей клячей! Если твои скакуны не смогут догнать ее, то ты в день странного суда заплатишь виру (хун) за мои глаза!». Хан дал согласие. Когда прошло сорок дней, Дугон-сукир оцупал руками тело лошади и обнаружил в одном месте маленькую ямку, еще незаполненную мясом. Братья попросили у хана еще сорок дней. Хан согласился. По истечении этого срока конь был готов к любому состязанию, но братья, узнав о намерении хана повесить их, бежали из Балха в Хисар.

Далее идет длинный рассказ о погоне, о том, как благодаря знаниям и хитрости слепого сыни удаются братьям уйти от погони и как их конь, перепрыгнув через Аму-Дарью, спасает их.²

Братья некоторое время жили на берегу реки, добывая себе пропитание охотой. Младший из братьев охотился и с тех пор стал называться Думбугул-мерген (мерген — охотник). Коня своего братья отпустили, и он ушел к катаганскому роду Борка. От этого тулпара пошла порода лошадей борка, маленьких, но очень резвых.

Однажды Думбугул-мерген увидел плывущий по реке сундук. В этом сундуке оказались две девушки, одна из которых была царевной. На царевне женился старший брат, а на второй девушке — младший брат.

Тут рассказчик делает отступление и рассказывает о том, как девушки упали в сундук.

Одного из потомков Исаака, сына пророка Ибрагима, звали Адхам. У него была младшая сестра по имени Анор. Жители города, в котором жили брат с сестрой, начали замечать, что девушка по ночам покидает дом и проводит ночи в обществе чужих мужчин. Об этом они сообщили Адхаму, чтобы он наказал сестру. Брат, убедившись, что Анор по ночам посещает в пещере мужчин, являющихся чильтанами,³ не осудил ее. Соседи, видя, что Адхам ничего не предпринимает, донесли о поведении девушки хану. Хан казнил Адхама и его сестру. Перед казнью Адхам говорил хану и народу, что ни он, ни сестра не виновны («Анор хам хак, мен хам хак»). После казни труп его продолжал выкрикивать те же слова. Разгневанный хан приказал сжечь труп Адхама, но и пепел продолжал вопить о правоте. Пепел бросили в реку, но и пена от пепла продолжала кричать: «Анор хам хак, мен хам хак!». Речка привела пену в хауз во дворе хана. Царевна с дочерью взирая из любопытства, обмакнув пальцы в пену, облизнули их и от этого забеременели. Хан приказал казнить девушек, но палач, сжалившись, бросил их в реку в сундуке. Девушки, будучи у братьев, Дугон-сукира и Думбугул мергена, родили от этой пены по мальчику. Трудные роды послужили доказательством их невинности и окружающие сказали про первую: «Чин киз» («настоящая девственница»).

¹ По другой версии, сыни купил клячу от приходившего мимо продавца пшеницы или у маслобойщика.

² Локальным Аму-Дарью называют Хому.

³ О чильтанах («сорока святых») см. у М. С. Андреева, «Чильтаны в среднеазиатских верованиях», Сборник В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 334.

ца»), откуда и пошло имя ее сына — Чингиз. Вторая, дочь визиря, сказала: «Дур мен» («Я лучшая жемчужина»). Ребенка ее назвали Дурмен, и он стал родоначальником племени дурмен.

От Дугон-сукира царевна родила 40 сыновей. Когда они подросли, то Чингиза прогнали, говоря, что у него нет отца.

В это время умер хан этого царства. Птица царства полетела и села на голову плешивого в степи. Этот плешивый был Чингиз. Его избрали ханом.

Чингиз-хан, решив отомстить за прежнюю обиду, начал казнить всех своих братьев. Только одного, Кармыша, мать сумела спрятать, и он жил, не показываясь хану.

В это время в ханстве Чингиза жили 4 брата, которым от их отца в наследство досталась всего одна коза, да и та хромя. Братья решили, что каждый будет владеть только одной ногой козы. Однажды эта коза лежала около горячей золы и от золы загорелась ее хромя нога. Коза побежала к хирману (ток) и от ее ноги загорелся хлеб, лежавший там. Хозяин хирмана повел владельца хромой ноги к хану. Хан наложил на него штраф. Владелец хромой ноги, оторченный, поплелся домой. По дороге ему встретился Кармыш, брат Чингиз-хана и, узнав о причине его горя, посоветовал пойти вновь к хану и сказать, что нельзя привлекать к ответственности большую ногу, которая не могла бежать к хирману, а нужно оштрафовать владельцев здоровых ног. Кармыш просил пострадавшего, чтобы он ни под каким видом не называл хану его имени.

Когда владелец хромой ноги явился к Чингиз-хану, то хан спросил его: «Почему ты не сказал об этом раньше? Значит тебе кто-то посоветовал». Пострадавший долго не хотел называть имя давшего ему совет, но под угрозой того, что иначе штраф не будет снят, был вынужден назвать имя Кармыша. Чингиз-хан пожалел, что убил остальных братьев, так как каждый из них мог бы дать ему хороший совет и братья были бы опорой государства. Визирь посоветовал хану женить Кармыша на нескольких девушках, чтобы было больше потомства.

Чингиз-хан последовал совету и взял для Кармыша 16 жен. Кармыш имел 16 сыновей, от которых и распространились 16 родов катаганов. Самым младшим из сыновей Кармыша был Лакай. (Далее идет уже приведенный нами рассказ о том, как родители забыли наделить Лакай наследством).

Лакай имел четырех сыновей от двух жен: Эсен-ходжа и Турт-оул — от одной жены, Бадраглы и Байрам — от другой жены. Эти четыре брата не стали жить вместе: Эсен-ходжа и Бадраглы, т. е. по одному сыну от каждой матери, отделились и откочевали в Хисар, а Турт-оул и Байрам остались в Бальджуане.¹

По другой версии (запись от локайца Абдукадира Хамидова 1880 г. рождения), Лакай с родителями и братьями жил в Балхе и когда, после раздела имущества, стал забирать у своих братьев все, что захочет, братья прогнали его из Балха. Лакай уехал в Хисар, где на левом берегу реки Иляка (приток Кафирнигана) основал кишлак Лакай-Беги (ныне не существует). Уже будучи в Хисаре, Лакай взял себе двух жен, от которых имел вышеупомянутых четырех сыновей. После смерти Лакай идовы не ужидись и младшая жена со своими двумя сыновьями — Бай-

¹ В сильно сокращенном и измененном виде эту легенду, записанную в начале девятисотых годов, приводит Бендерский Н. А. в своем докладе о Гиссарском крае, Известия Туркестанского отдела РГО, т. VII, 1907, стр. 154.

рамом и Турт-оудом укрывалась в Бальджуан и там основала кишлак Кара-Тюбе. Когда Байрам и Турт-оуд подросли, они селились левее и Турт-оуд укрывался на левый берег Кызыл-Су, а Байрам со своим потомством остался на правом берегу. Произошло все это, по мнению очевидителя, лет 300–350 тому назад (полевая запись от 22 июня 1954 г.).

✓ Приведенная легенда интересна тем, что: 1) она говорит о принадлежности локайцев к катаганскому племени; 2) она содержит многие элементы эпического творчества узбеков. Таково, например, опущенное нами описание погони за братьями, которое имеет много общего с описанием скачек в узбекском дастане «Алпамыш». Эпизод с сыччи, которому выкололи глаза, помимо «Алпамыша», встречается в известной и очень широко распространенной среди народов Востока эпической поэме «Гуруглы». Там же мы встречаем случай с покупкой клячи у маслобойщика, которая оказалась туларом. Вполне возможно, что приведенная легенда в прошлом представляла собой дастан и исполнялась сказителями. Эпические поэмы «Алпамыш», «Гуруглы», «Аваз» и другие исполняются до настоящего времени локайскими сказителями; 3) эта легенда близка по сюжету с легендами киргизов и казахов, приводимыми Н. И. Гродековым.¹

Рис. 4. Сказитель Тулы Хайбатов. Фото П. Г. Чучева.

В легенде о происхождении киргизов мы находим тот же мотив безгрешного зачатия дочерью хана и дочерью визиря от пены, выкрикивавшей слова о правоте. В казахской легенде говорится, что «некая царевна, которую отец никуда не пускал, забеременела от случайно попавшего луча солнца.² Отец бросил ее в воду. Оттуда спас ее охотник по имени

¹ Гродеков Н. И., Киргизы и каракиргизы..., стр. 4, 5.

² Сравнить зачатие Алап-Гоа от луча света у монголов. См. Козин С. А., Сокровенное сказание, т. I, М.—Л., 1941, стр. 81.

Домпола. Отлуча она родила родоначальника царствовавшей фамилии (Чингиз-хана), а от Домпола у нее родились сыновья: Бургельдай, Булаатай, Табанатай, Таргалтай, от которых происходят тюрки у киргизов, (казахов — Б. К.)».¹ В казахском охотнике Домполе легко узнать локайского Думбугул-мергена.

Приведем еще материалы об этнической принадлежности локайцев, собранные нами у их соседей, например, у катаганов и др.

Катаганы также признают свое родство с локайцами. У них тоже бытует упомянутая легенда о дележе наследства между братьями. Они подчеркивают общность обычаев и образа жизни с локайцами, но только говорят, как об отличительном признаке, о бывших разбойничьих тенденциях в характере локайцев и о своем миролюбии.

Таджики определенно относят локайцев к узбекам. В тех горных районах, где живут попеременно таджики, локайцы, карлуки и тюрки, население называет узбеками только локайцев, именуя их даже не локайцами, а просто узбеками. Например, если говорят, что в таком-то кишлаке живут узбеки, это значит, что там живут локайцы. По отношению к карлукам или тюркам термина «узбек» не применяют.

Карлуки тоже называют локайцев узбеками, а некоторые группы их даже говорят про себя, что они скорее таджики, так как давно уже стали с таджиками «дядями и племянниками» (тога-жиян),² и никогда не причисляют себя к узбекам. Карлуки при этом считают себя исконными жителями этих мест. Отсюда видно, что локайцев их соседи называют узбеками. Это совпадает с тем, что сами локайцы, также именуют себя узбеками, относят себя к узбекам.³

Теперь обратимся к вопросу о времени прихода локайцев в бассейн правых притоков Аму-Дарьи. По этому поводу в литературе имеются следующие предположения:

1. Локайцы пришли сюда вместе с карлуками в VIII в., до прихода арабов, а возможно даже и в VI в., и являются, следовательно, потомками тюрков Тюркского каганата.

2. Локайцы пришли в числе тюркских и монгольских войск Чингиз-хана в первой четверти XIII в. или немного ранее, так как не исключена возможность, что они являются потомками аргынов, продвинувшихся на юго-запад вместе с пайманами и керейми в результате разгрома Чингиз-ханом государства Кучлук.

3. Локайцы — узбеки и, следовательно, они пришли с Шейбани-ханом в XVI в.

Таким образом, локайцев считают потомками тюркских пришельцев в Среднюю Азию. Разногласие существует только в отношении того, потомками каких из тюркскоязычных пришельцев являются локайцы.

Нам кажется, что за возможных потомков тюрков времен Тюркского каганата можно было бы принять не локайцев, а племя тюрк, ибо тюрки, так же как и аборигены-таджики, оттеснены в горы позднейшими завоевателями и живут на границе двух этнических территорий: к северу от них начинается сплошная таджикская территория, а к югу — почти

¹ Гродеков Н. И., Киргизы и каракиргизы..., стр. 4—5.

² Тога — дядя по матери; карлуки женились на таджичках, но своих девушек за таджиков не выдавали; жиян — племянник.

Узбекские термины и выражения даны в написании современных узбекским алфавитом.

³ Локайцы, как и другие полукочевые в прошлом узбекские племена, этимологично слова узбек большей частью выводят от уз и бек — сам себе бек, независимый. (Гребёнкин А. Д., Узбеки, Русский Туркестан, Сборник, изд. по поводу Политехнической выставки, М., 1872, стр. 54).

сталошь (исключая наиболее высокие части гор) живут тюркоязычные народности.¹ Далее, племя тюрк, как мы уже отмечали, более других групп тюркоязычного населения Южного Таджикистана подверглось влиянию языка и культуры таджиков, во многих районах большинство из них полностью отаджичилось и утратило бытое деление на роды. Тюрки бывшего Рахатинского района (Гиссарская долина), до революции сохранявшие кочевой образ жизни, еще имели родовые деления (авлод). Наличие среди названий их родов таких, как Авлоди-кыргыз и Авлоди-джата,² говорит о том, что они включили в себя и более поздних пришельцев.³

К ранним тюркоязычным пришельцам в Среднюю Азию нужно отнести и карлуков. Карлуков Южного Таджикистана, пронесших свое название через многие века, можно считать, присоединяясь к мнению И. П. Магидовича, Н. Г. Маллицкого и М. Е. Массона,⁴ историческими потомками тех карлуков, выходцев из Алтая, передовая часть которых в VIII в. уже жила в верховьях Аму-Дарьи, и которые известны в истории под названием тохаристанских карлуков.⁵

Карлуки, так же как и тюрки, постепенно оттеснялись более поздними завоевателями на восток и юго-восток, в горы; большая часть их живет теперь в Афганском Бадахшане вместе с тюрками и мугулами. Однако нет никаких данных считать, что локайцы пришли сюда в составе карлуков. Изложенный выше материал, свидетельствующий о различиях карлуков и локайцев, говорит против этого.

Среди доузбекских групп тюркоязычного населения на интересующей нас территории во времена Тимуридов встречаются и аргыны, которые для нас представляют особый интерес. Однако наличие аргынов среди чагатайских (по языку) племен не должно, как нам кажется, заставлять нас считать их непременно теми самыми аргынами, которые вошли в состав локайцев. Аргыны-чагатаи, активные участники бурных событий в государствах Тимуридов, в частности Султана Хусейна, по своему языку и образу жизни не должны были особенно отличаться от тех же чагатаев-барласов, в то время как локайцы-узбеки отличались от чагатаев. Аргыны, жившие в Мавераннахре еще до узбеков, могли прийти туда в составе войск Чингиз-хана, а часть их могла прибыть туда и раньше, впереди разгромленных Чингиз-ханом найманов, как это допускает проф. М. Е. Массон. Впоследствии они могли раствориться в чагатайской сре-

¹ Как здесь, так и в дальнейшем, мы будем исходить из данных расселения племен, относящихся к дореволюционному периоду. Кроме того, здесь мы имеем в виду тюрков, продвигавших только в Гиссарской долине и Южном Таджикистане.

² Джата — разбойник, насмешливое прозвище, данное чагатаями Мавераннахра чагатаям Моголистана со второй половины XIII в. По И. П. Магидовичу (Ук. соч., стр. 222), джата — племенное название 145 узбеков в верховьях Сурхан-Дарьи (на Тупаланг-Дарье).

³ Более подробно о тюркоязычном населении Южного Таджикистана см. Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х., Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, Известия Отделения общ. наук АН Таджикской ССР, вып. 3, Сталинабад, 1953.

⁴ Магидович И. П., Ук. соч., стр. 211; Маллицкий Н. Г., Ук. соч., стр. 61, 62; Массон М. Е., Ук. соч., стр. 52, 53.

⁵ Barthold, W., *Karluks, The Encyclopaedia of Islam*, стр. 766; ето же, очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 21; Янубовский А. Ю., Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., Советская этнография, № 3, 1947, стр. 53; История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 9; Jarring Gunnar, *On the distribution of Turk tribes in Afghanistan. An attempt at a preliminary classification*, Lunds Universitets Årsskrift, N. F. Avd. 1. Bd. 95. № 4, Leipzig, стр. 71—72.

де. Вполне возможно, конечно, что часть их примкнула к своим соплеменникам, вышедшим из Дешти-Кыпчака несколько веков спустя, в начале XVI в.¹ В более позднее время аргыны на территории Южного Таджикистана не встречаются.

Наиболее многочисленную группу тюркоязычного населения Южного Таджикистана составляют потомки узбекских племен, переселившиеся в Мавераннахр из Дешти-Кыпчака с начала XVI в. К ним относятся: катаган, кунграт, дурмен, марка, каучин, кесамир и семиз (последние два племени составляют ветвь найманов). Исходя из всего сказанного выше, к ним мы относим и локайцев. Вполне возможно, что локайцы первоначально были ветвью катаганов,² как считают сами представители обеих этих групп.

Выше было отмечено, что из этнонимов локайцев и катаганов совпадают четыре названия: Сакау, Палван, Малай и Турт-оул (большинство катаганских этнонимов нам неизвестно).

Турт-оул, как мы знаем, является этнонимом аргынского происхождения. С аргынами Среднего жуза казахов, у которых мы нашли наибольшее число локайских этнонимов, катаганы имеют еще один общий этноним — таз.³ Род Таз, или Тазлар, имелся у наймов Среднего жуза⁴ и среди байулишцев Младшего жуза казахов.⁵ В том же Младшем жузе среди Джеты-уру в ряду названий, имеющихся у локайцев (Эсей-ходжа, Урал, Чал, Науруз-бай), зарегистрировано название Чурак.⁶ У катаганов такое название носит многочисленный род.

Этнографически и по языку катаганы близки к локайцам, пожалуй, более, чем другие узбекские группы Южного Таджикистана.

Катаганы, в прошлом являясь одним из самых многочисленных племен узбеков, представляли собой обширный и пестрый союз, в который, как отдельный его род, входили, например, и кавлазы, и нет ничего удивительного, если локайцы также входили в него (возможно, временно), но в таком случае довольно рано отделились от катаганов, занявших Куудуз, и ушли на правый берег Аму-Дарьи. Здесь они заняли великоценные пастбища (особенно для разведения коней) между Ях-Су и Кафир-

¹ Этот процесс слияния протекал повсеместно. Как отмечает проф. А. А. Семенов: «...пришедшие в Мавераннахр узбеки нашли в нем ряд тех же самых тюрко-монгольских племен, которые были и у них, и тем самым было весьма облегчено слияние пришельцев с некоторыми племенами, обитавшими здесь». (К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани хана, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. I, Сталинабад, 1954, стр. 36).

² При завоевании узбеками Средней Азии катаганы заняли Куудуз (провинция Каттаган в Северном Афганистане), который стал считаться их юртом. И теперь катаганы составляют значительную часть населения этой провинции. В период завоевания Афганского Туркестана афганцами, а также и позже, спасаясь от притеснений афганцев, часть катаганов эмигрировала на правый берег Аму-Дарьи и осела здесь. (ИИА Уд.С.Р. фонд I, оп. 34, л. 706, л. 108; Галкин, Военно-статистический очерк средней и южной частей Сурханской долины, Сборник материалов по Азии, вып. 57, СПб., 1894, стр. 373; Семенов А. А., По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки, 1898 г.), Исторический вестник, т. 88, 1902, апрель, стр. 104; Нечаев А. В., По Горной Бухаре. Путевые очерки, СПб., 1911, стр. 27). В годы басмачества многие из них ушли обратно в Афганистан, но частично вновь вернулись после разгрома басмачества. В настоящее время катаганы в Южном Таджикистане живут в пограничных с Афганистаном районах. Мы собирали материалы у этой части катаганов и только о них идет речь в нашей работе.

³ Аристов Н. А., Заметки... стр. 361, 371 и др.

⁴ Маргуланов А. М., Найманы, «Казань», сб. III, Л., 1930, Разделовое племени найман.

⁵ Аристов Н. А., Заметки... стр. 381.

⁶ Там же, стр. 385.

ниганом и, благодаря этим пастбищам, сумели дольше остаться кочевниками-скотоводами (прежде всего коневодами), сочетавшими занятие скотоводством с набегами на соседей. Все это привело к относительной замкнутости и сплоченности локайцев. А замкнутость в свою очередь способствовала сохранению дештикыпчакской культуры в большей чистоте, нежели у тех же катаганов.

Разумеется, окончательно решить этот вопрос можно будет только при более обстоятельном изучении катаганов.

Итак, мы приходим к заключению, что локайцы образовались в результате раздробления узбекских кочевых племен бывшего Дешти-Кыпчака и продвинулись в бассейн верховьев Аму-Дарьи совместно с другими узбекскими племенами в XVI в. Обзор родового состава локайцев показывает, что они не сложились в Южном Таджикистане из отдельных компонентов, самостоятельно и разновремено пришедших, а являются участниками того исторического процесса тюркского этногенеза, который протекал на протяжении многих веков на обширных пространствах степей от Алтая до Крыма и Дуная и в результате которого в основном сформировались такие народы, как ногайцы, казахи, каракалпаки, дештикыпчакский компонент узбеков и др. Наличие среди локайских этнонимов большого числа казахских родовых названий еще раз убеждает нас в узбекском происхождении локайцев, так как узбеки и казахи в свое время составляли один народ, живший в степях Дешти-Кыпчака.¹

В течение длительной жизни локайцев на новой родине, несомненно, происходило (несмотря на указанную выше замкнутость племени) смешение их как с местным ираноязычным и тюркоязычным населением, так и с теми племенами и народами, которые прибывали в эти области уже после локайцев. Вполне возможно, например, что включение в состав локайцев туркменских и киргизских этнических элементов происходило не только в степях Дешти-Кыпчака, но и на их новой родине.

Туркмены за много веков до дештикыпчакских узбеков уже кочевали на территории современного Южного Таджикистана и Северного Афганистана: в XI в. Сельджукиды захватили Термез, Балх, Хутталаян, и Чаттанав, и с тех пор различные туркменские племена, возможно одни сменяя других, продолжали кочевать в этих областях. Туркмены продолжали жить в этих областях и ко времени узбекского завоевания. Бабур, не раз скитавшийся в этих юго-восточных владениях Тимуридов в период своей безуспешной борьбы с Шейбани-ханом, неоднократно упоминает о туркменах. Хусрау-шах, бывший в течение многих лет фактически независимым от Тимуридов правителем Хисара, происходил из туркмен.

В настоящее время на Аму-Дарье, начиная от Термеза, живут туркмены-эрсаринны. Живут они и в непосредственном соседстве с локайца-

¹ Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. В этой интересной работе, написанной на основании исторических памятников, составленных при Шейбани-хане и его ближайших преемниках, приводится отрывок из сочинения Рузбегана, который ясно показывает, кого в эпоху Шейбани-хана разумели под этнонимом узбек: «Три народа относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владениях (улуе) Чингиз-хана. На сегодняшний день (одни из них) — все (племена), относящиеся к Шейбану (шейбанион), и его величество через целый ряд предков был и есть их (прирожденный) хан, второй народ — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третий народ — мангаты, кои суть цари астраханские» (стр. 22). Утверждение Р. Г. Мукминовой (на основании ряда источников XV—XVI вв.), что в это время уже существовало различие между казахами и дештикыпчакскими узбеками, вовсе не отрицает общности происхождения обоих народов, а лишь несколько отодвигает назад время их расчленения (Мукминова Р. Г., К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., стр. 72).

ми (к югу от них), на Джилликульском плато на берегу Вахша. Род Турчи, который имеется у докайцев, считается, как было уже сказано, эрсаринским, но среди указанных эрсаринцев такое название не зарегистрировано, во всяком случае, во время переписи 1921 г.¹ Эти туркмены, по видимому, поселились в данных местах, как и соотечественники их, на большей части территории бывшего Бухарского ханства, сравнительно недавно — от 100 до 200 лет назад.²

Академик В. В. Бартольд в историческом очерке «Таджики» приводит сведения историка Махмуда Ибн Вали и предания о том, что прежде Каратегин принадлежал киргизам и только недавно был занят таджиками. Кроме того, В. В. Бартольд приводит еще одно интересное сообщение из того же источника. «В реджебе 1045 г. (11 декабря 1635 г. — 9 января 1636 г., т. е. зимой, когда Каратегин вообще считается непроходимым) через Каратегин прибыли в Гиссар 12(000) семейств киргизов (каракиргизов), считавшихся кафирами, под начальством 12-и предводителей, которые все в начале следующего месяца были приняты узбекским ханом в Балхе».³

Н. А. Князев, основываясь на многочисленных таджикских и киргизских преданиях о заселении киргизами Каратегина и материалах о расселении и переселении киргизов и таджиков в недалеком прошлом, пользуясь также данными некоторых исследователей и письменными источниками, приходит к заключению, что «Вряд ли будет ошибкой допустить, что начиная с указанного времени (XVI в. — Б. К.), волны кир-

¹ Материалы по районированию Средней Азии, ч. 1, стр. 238.

² Мошкова В. Г., Ук. соч., стр. 138. Военный топограф П. П. Косыков проезжавший через Джилли-Куль в 1882 г., в своих путевых заметках сообщает, что туркмены переселились туда около семи лет тому назад (ИСТО, т. XX, 1884, вып. 6, СПб., 1884, стр. 600). У проф. А. А. Семенова в путевых очерках 1880 г. «По границам Бухары и Афганистана» (Исторический вестник, 1902, тт. 87 и 88) на стр. 190 тома 88 имеется указание, что туркмены Джилли-Куль «лет двадцать с лишком переселились сюда из-под Чарджуя и Керки». Я. Р. Вильников, не согласившись на это утверждение, пишет, что туркмены племени эрсари, в числе 700-800 дворов в Джилли-Куль переселились из Чарджуйской области в конце XIX в. (Туркмены Джилликульского района Таджикской ССР. Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклуха-Мауляя, вып. XVI, М., 1952, стр. 3).

Среди этнонимов докайцев, сходных с туркменскими, привлекает внимание название абдал, где звучит точная передача имени эфталитов в написании греческих источников (на это совпадение указал нам проф. А. Н. Бернштам). Было бы чрезвычайно интересно допустить, что среди этнонимов докайцев сохранилось наименование одного из италийских народов древности и что эфталитский элемент вошел в докайский состав или через посредство тюрков, разгромивших в VI в. государство эфталитов, или непосредственно в степях Приаралья, или через посредство туркмен племени чаудур, у которых это название встречается, или, наконец, через афганцев племени абдал (старое имя племени дуррани). Дурранийцев считал остатками эфталитов еще Чарльз Массон, а за ним В. В. Григорьев (Землеведение К. Риттера, География стран Азии, находящиеся в непосредственных сношениях с Россиею, Кабулستان и Кафирстан, СПб., 1867, стр. 856). Однако, к сожалению, мы пока не видим веских оснований для такой гипотезы. Если следовать туркменскому преданию (Аристов Н. А., Заметки..., стр. 414), то название рода Абдал происходит от имени его родоначальника Абдаллы. Подобные сокращения имен как в прошлом, так и в настоящее время весьма распространенное явление среди татар, казахов, узбеков, киргизов и др. (татары: Мер, Абаь, Ибраь, вместо Ибрагим; Мат, Мамат, вместо Мухаммед и т. п.)

³ Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 107.

⁴ Бартольд В. В., Таджики, стр. 107.

Во время поездки в августе 1952 г. к киргизам Джиргитальского района Гаришской области нами записано предание, согласно которому киргизы князяка Нгохкуль-Балх считают себя выходцами из Балха. Кроме того, у киргизов этого района еще сложилось предание о столкновениях с докайцами как на территории настоящих, так и в Каратегине.

киргизских переселенцев могли неоднократно проникать в Каратегин и задерживаться там на более или менее длительные сроки.¹ О заселении Каратегина киргизами лет 300 тому назад говорят и материалы Гармской этнографической экспедиции.²

В настоящее время киргизы живут в Джиргиталиском районе Гармской области, в районе, где расположены богатые летние пастбища, издавна используемые кочевыми племенами Южного Таджикистана. Согласно И. П. Магидовичу, киргизы (рода Каттаган племени саяк) живут и на северо-востоке Афганистана.³

Все это, а также наличие среди родовых названий барласов и тюрок (племя тюрк) этнонима кыргыз показывает, что киргизы не остались в стороне от того сложного этногенетического процесса, который протекал на территории современного Таджикистана, и, возможно, повторяем, некоторые группы их влились и в состав локайцев уже на этой территории.

Таким представляется нам происхождение локайцев в связи с этногенезом тюркоязычных народностей Средней Азии в период позднего средневековья.

Краткие исторические сведения о локайцах

В 10-х годах XVI в. узбеки окончательно утвердились в Мавераннахре. Последующие столетия (XVI—XIX вв.) истории Средней Азии, в течение которых сменились три узбекских династии (Шейбаниды, Аштарханиды, Мангыты), наполнены бесконечными феодальными войнами и династическими междоусобицами.

Юго-восточные области во главе с Балхом, где с XVII в. обычно правил наследник престола, постоянно стремились к независимости от центральной ханской власти. Куляб и Бальджуан стали фактически независимыми с периода Аштарханидов, а Хисар и Бадахшан объявили себя независимыми с начала правления Мангытской династии.⁴

Между самими этими областями также не прекращались бесконечные войны: то Хисар подчинял себе Куляб и Каратегин, то все они подпадали под власть Дарваза, то Куляб подчинял себе Бальджуан, Каратегин и Хисар или же сам подпадал под власть Кундуза.

Время от времени Хисар, Куляб и Бальджуан все же подпадали под власть Бухары, но власть эта обычно бывала только номинальной и при малейшей возможности эти горные области спешили отложиться. Окончательно подчинить эти области Бухарскому ханству удалось в 1869 г. и то только с помощью царского правительства России.

Узбекское завоевание оказало значительное влияние как на коренное население Мавераннахра, так и на самих узбеков. Как уже было не раз в истории народов Мавераннахра, кочевники, захватив в культурные области, заняли лучшие земли, совершенно не считаясь с интересами жившего здесь земледельческого населения. Возделанные поля вытаптывались и превращались в пастбища, ирригационная система разру-

¹ Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина, изд. 2-е, исправ. и доп., Сталинабад, 1954, стр. 35.

² Неменова Р. Л., Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции, Доклады Академии наук Таджикской ССР, вып. 9, Сталинабад, 1953, стр. 61.

³ Магидович И. П., Ук. соч., стр. 195.

⁴ Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. 1, изд. 2-е, М., 1952, стр. 368.

шалась, города пустели, население кишлаков уходило в горные ущелья. У местных скотоводов-кочевников также отнимались лучшие пастбища и зимовки, захватывались стада.

Каждое узбекское племя во главе с племенным эмиром получало во владение (в юрт) отдельную область и водворилось в ней, как неограниченный хозяин.

Все это привело к временному упадку близлежащих и замусориванию части культурных областей.

Кочевники узбеки столкнулись в Мавераннахре, особенно в земледельческих оседлых районах, с уже сложившимися формами феодального землевладения, что не могло не оказать влияния на ускорение процесса феодализации кочевников.

Нельзя сказать, чтобы феодальная собственность на землю не была известна и кочевым узбекам, как это думают авторы «Истории народов Узбекистана» (т. II, стр. 44). О сложившемся феодальном землевладении в Дешти-Кыпчаке при монголах неоднократно говорилось в трудах советских историков.¹ Следует думать, что этот процесс зашел гораздо дальше в XVI в. Иначе и не могло быть, так как ко времени, нас интересующему, давно уже была забыта общинная собственность на скот. В результате частной, наследственной собственности на скот, последний сосредоточился в руках отдельных лиц, преимущественно в руках родоплеменной знати, а позже баев. Им же попадали львиная доля военной добычи, которая нередко также состояла из скота. Вполне естественно, что те, кто владел скотом, владел и пастбищами. «Частная собственность на скот с ее развитием и укреплением неизбежно приводила к возникновению частной собственности и на общинные пастбища».² Как известно, пастбища и кочевья являются основным средством производства. Монополизация феодальной кочевой верхушкой узбеков пастбищ и кочевий превращала эти земли, необходимые для ведения кочевого или полукочевого скотоводства, в феодальную собственность. Однако феодальная собственность на землю — эта «основа феодализма», по определению И. В. Сталина,³ т. е. собственность на пастбища и кочевья выступала у узбеков и у других среднеазиатских кочевников не так ярко, как собственность на скот. Она выступала в замаскированной общинной форме, под которой скрывалось фактическое, ненормированное, конечно, право феодальной верхушки распоряжаться пастбищами и кочевьями по своему усмотрению, предоставлять и назначать их рядовым скотоводам также по своему усмотрению, и облагать последних различными сборами и повинностями, т. е. реализовать, таким образом, земельную собственность в самых различных и специфических видах земельной ренты. Естественно, что процесс развития и укрепления феодальной земельной собственности у узбеков в рассматриваемое время был ускорен влиянием феодальных форм землевладения в Мавераннахре. Но при этом еще долго сохранялась видимость общинного или племенного владения землей в резуль-

¹ Вяткин М. П., Батыр Срим, М.—Л., 1947, стр. 67; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1930, стр. 96; Потапов Л. П., О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, Вопросы Истории, 1954, № 6, стр. 82.

² Потапов Л. П., О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 80. В этой работе проф. Л. П. Потапова дан анализ происхождения феодальной земельной собственности у кочевых народов.

³ Сталин И. В., Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 41.

тате живучести пережитков патриархально-родового быта, а последние всеячески поддерживались и культивировались родоплеменной феодальной знатью в своих корыстных интересах.

Таким образом, ко времени завоевания Мавераннахра у узбеков Дешти-Кыпчака сложились, употребляя известное определение И. В. Сталина, патриархально-феодальные отношения.¹ Образование узбекского государства в Мавераннахре лишь ускорило процесс дальнейшего разложения патриархально-родовых форм быта у узбеков и окончательного установления феодальных отношений при наличии, однако, видимости патриархальных отношений, особенно в быту.

В новом узбекском государстве наиболее видные представители племенной знати получали от ханов и султанов в управление отдельные области и районы. В XVI в. и позже получил широкое распространение институт «танхо» — право взимать в свою пользу в течение известного времени государственные налоги с определенного числа земледельческих хозяйств, поступавшие ранее в казну государства.²

Наряду с этим временным пожалованием в ленную зависимость определенного количества дехканских хозяйств, существовала передача земли в полную собственность отдельным лицам. Особенно часто такие пожалования делались представителям духовенства, которые, наряду с суфийскими шейхами (шишаны), занимали во время правления всех трех узбекских династий выдающееся положение.

Узбекские племена, входившие в состав державы Шейбанидов, сохранили в значительной степени свою независимость от ханской власти. Главы племен получали от ханов титулы эмиров, возводились в тот или иной чин и играли большую роль в политической жизни страны. Опираясь на свои крепкие родовые и племенные связи, эмиры становились весьма опасными для ханской власти, а удалившись в юрт своего племени, они были почти недосягаемы для наказания или расправы.³

Характерной чертой Шейбанидского государства являлась феодальная раздробленность. Последняя еще более усилилась в XVII в. при династии Аштарханидов (1598—1753) и достигла своего апогея в первой половине XVIII в. «Деление на уделы между членами ханского рода сменилось теперь делением на уделы между отдельными племенами».⁴

Процесс оседания кочевников и переход их к земледелию происходит довольно медленно. Кочевники попрежнему удовлетворяли потребность в продуктах, отсутствовавших в их собственных хозяйствах, грабежом торговых караванов и более культурных районов, а непрекращавшиеся феодальные войны открывали перед ними в этом отношении широкие возможности.

Завоевание Мавераннахра узбеками, — как пишут авторы «Истории народов Узбекистана», — не оградило его от новых нашествий других ко-

¹ Сталин И. В. Соч., т. 5, стр. 24.

² Мы несколько изменили определение «танхо», данное авторами «Истории народов Узбекистана», где «танхо» рассматривается как бы временным земельным пожалованием («танхо» — право взимать в свою пользу в течение известного времени государственные налоги на землю, поступавшие в казну государства», стр. 44). Наши материалы по Гиссарскому, Бальджуанскому и Кулябскому бекавам подтверждают мнение Н. А. Кислякова относительно танхо в Каратегии, где институт танхо никогда, повидимому, не рассматривался как земельное пожалование, а напротив, рассматривался как пожалование в ленную зависимость определенного количества дехканских хозяйств» (Очерки по истории Каратегии, Сталинабад, 1954, стр. 146).

³ История народов Узбекистана, т. II, стр. 81.

⁴ История народов Узбекистана, т. II, стр. 81.

чевников, сопровождавшихся страшным разорением оседлых рабиков. В начале 20-х годов XVII в. на Мавераннахр обрушились казахи, сами вытесненные из своих кочевий джунгарами, и произвели страшное опустошение.¹

На экономику Средней Азии не могло не повлиять и переменение мировых торговых путей после Великих географических открытий, когда древние караванные торговые пути потеряли свое значение и страны Средней Азии оказались удаленными от мировых политических и экономических центров.

В результате всех этих явлений Средняя Азия в XVIII в. переживала тяжелый застой хозяйственной и культурной жизни.²

В начале XVIII в. государство Аштарханидов распадается, отпадают Балх, становятся самостоятельными Бадлахшан и Хорезм, выделяется новое Кокандское ханство. Во второй половине XVIII в. обособляется Ташкент. С этого времени наблюдается некоторый подъем в хозяйственной жизни.

Узбеки, которые в качестве завоевателей и победителей занимали наиболее привилегированное положение в ханствах и считали недостойными для себя все мирные занятия, стали превращаться в полукочевых или оседлых земледельцев, постепенно воспринимая от старого оседлого населения его земледельческую культуру и быт.

Чем было обусловлено это превращение?

Переход к оседлости и земледелию значительной части кочевников вызывался резким сокращением пастбищ, главным образом в результате захвата их в частную собственность феодальной племенной знатью. Захват этот ускорился ростом товарно-денежных отношений, происходившим на основе общественного разделения труда, породившего специализацию производства в различных районах страны. Сокращение пастбищ у рядовых скотоводов влекло за собой и сокращение поголовья скота. Само собой разумеется, что на уменьшение поголовья весьма влияли постоянные феодальные войны. Все это вело к упадку скотоводческого хозяйства и вынуждало разоренных скотоводов оседать и переходить к земледелию. Эти изменения в экономике сказались на социальных отношениях. Патриархально-родовые черты быстро исчезали, укреплялись и развивались феодальные отношения. Произошли изменения и в социальной структуре местного общества. «Феодальная племенная знать, упорно пытавшаяся сохранить свою независимость от центральной ханской власти, в первой половине XIX в. в большинстве терпит поражение. Земли побежденных феодалов переходят теперь в распоряжение ханов, которые или оставляют их за собой в качестве личного земельного фонда, или зачисляют их в общий состав государственных земель (амляков), или жалуют своим родственникам и приближенным, выдвигающимся иногда из разных «безродных» людей. Усиливается скупка земли состоятельными людьми».³ (Последнее относится преимущественно к районам орошаемого земледелия).

Таковы были общие социально-экономические условия в жизни на-

¹ История народов Узбекистана, т. II, стр. 81.

² Среди историков Средней Азии существует и другое мнение, которое было высказано и на научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период (состоялась в Ташкенте, в феврале 1964 г.), а именно: представление о глубоком кризисе в XVIII в. неверно; хотя и медленное, но все же движение вперед было, как в экономике, так и в культуре.

³ История народов Узбекистана, т. II, стр. 142.

родов Средней Азии в указанное время, которые необходимо иметь в виду и при рассмотрении истории локайцев.

Обращаясь в этой связи к локайцам, необходимо отметить, что это кочевое воинственное узбекское племя заняло территорию в бассейне правых притоков Аму-Дарьи, богатую прекрасными пастбищами, и занятие этих мест, несомненно, сопровождалось притеснением местного населения, как оседлого, так и кочевого. Проф. Н. Г. Малайский отмечает, что локайцы «сначала жили в Гиссарской долине, а потом передвинулись на восток, в нынешний Кулябский вилайет».¹

Наши материалы, охватывающие лишь последние 100 лет, застают локайцев уже разделенными на две обособленные группы: бальджуанских локайцев (роды Байрам и Турт-бул) и гиссарских локайцев (роды Эсен-ходжа и Бадратлы). Территории этих двух групп были отделены горами, населенными таджиками, труднодоступной долиной реки Вахша в ее среднем течении и широкой долиной реки Таир-Су с прилегающими адырами, являющимися прекрасными пастбищами. Долина реки Таир-Су в ее среднем течении (Дангаринская долина) в течение последних 80–90 лет также стала заселяться локайцами, что свидетельствует о продвижении локайцев на восток, в Кулябский вилайет, но это относится только к гиссарским локайцам. Бальджуанские локайцы издавна обитали еще восточней, в долине реки Кзыл-Су и ее водоразделах.

Когда произошло разделение локайцев на эти две довольно обособленные группы и когда бальджуанские локайцы продвинулись из Гиссара на восток (если таковой факт был), остается пока неизвестным.²

Проф. Н. Г. Малайский не указывает откуда у него сведения о передвижении локайцев из Гиссарской долины в Бальджуан. Нам представляется более вероятным, что локайцы, как гиссарские, так и бальджуанские, заселили эти области с юга, с Афганского Туркестана.

Ф. И. Лютко в книжке «Басмачество в Локае» территорию, занимаемую локайцами, делит на две части: на «Коренной Локай» и на «Бальджуанский Локай». Он считает, что Бальджуанский Локай образовался в довоенный период (имеется в виду первая мировая война). «В указанное время в Бальджуанском Локае, — пишет он, — поселялись туземцы, скрывавшиеся от кровной мести соплеменников. Находящиеся в Бальджуанском тумане горы Сарсарьяк, доступ к которым прикрыт со стороны Локая рекой Вахш, служили беглецам надежным убежищем».³ Далее он считает, что Бальджуанский Локай «в жизни Локая существенной роли не играл» и что «ко времени басмаческого движения у Локая коренного с Локаем Бальджуанским родственной связи уже не существовало».⁴

Ф. И. Лютко, повидимому, не посетил Бальджуанский Локай и не имел о нем ясного представления. Горы Сарсарак, которые им упомянуты, не входят в Бальджуанский Локай, а представляют западную грани-

¹ Малайский Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, стр. 61.

² Согласно локайскому преданию (запись от Хамидова Абдул-Кадыра из рода Левет, 1880 г. рождения), Локай первоначально жил в Балме, откуда лет 350 тому назад бежал, спасаясь от враждебно к нему настроенных братьев, и поселился на берегу реки Кафирниган в Гиссарской долине (в районе Янги-Базара). Впоследствии кишлак этот стал называться Локай-Бети (ныне не существует). У Локая было две жены. От первой жены были сыновья Эсен-ходжа и Бадратлы, а от второй — Байрам и Турт-бул. После смерти Локая вдовы не ужились и вторая жена с своими сыновьями укрывалась в верховья реки Кзыл-Су.

³ Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 7.

⁴ Там же.

ну долины реки Тавр-Су (подораздел между Вахшем и Тавр-Су), которая, как мы выше указали, отделяет Гиссарский Локай от Бальджуанского. Ко времени, описываемому Дююко, действительно эти горы были заселены выходцами из Гиссарского Локая. Вполне возможно, что среди этих переселенцев были и скрывавшиеся от кровной мести, весьма распространенной в то время среди локайцев, и, возможно, к ним постепенно стекались сородичи на новые приютные места. Однако эти локайцы, согласно нашим материалам, не порывали связи с правобережьем Вахша, а к Бальджуанскому Локаю никакого отношения не имели.

О продвижениях локайцев из Гиссара в долину реки Кыл-Су, т. е. в Бальджуанский Локай, у нас имеются всего две записи в наших полевых дневниках. Одна из них — вышеупомянутое предание об основании бежавшим из Балха Лакаем кишлака Локай-Беги в Хисаре и об откочевке, после его смерти, его второй жены с сыновьями Байрамом и Туртоулом в Бальджуан. Вторая запись сделана со слов старика Ашур-чала (примерно 1876 г. рождения) из рода Темаз племени катаган. Он говорит нам, что правый берег Кыл-Су у кишлаков Танапчи, ныне относящийся к Советскому району, принадлежал катаганам.¹ Дед двоюродного брата Ашур-чала имел там летовки. В те времена, т. е. лет 100 тому назад эти места были покрыты тугайными зарослями (дженгель). Позже пришли из Хисара локайцы и заняли эти земли катаганов.²

Другие локайцы, как и катаганы, неоднократно говорили нам, что правый берег Кыл-Су от устья до Кыл-Мазара действительно занимали катаганы, но еще до установления Советской власти локайцы стали вытеснять их. Однако эти локайцы не были гиссарскими, пришедшими с запада, а бальджуанскими, спустившимися с севера, т. е. из бассейна той же реки Кыл-Су, откуда они, в свою очередь, согласно нашим материалам, вытеснялись таджиками.

В более отдаленное время указанные четыре рода составляли, по видимому, единое независимое племя во главе с эльбеги. Но в середине XIX в. мы застаем локайцев уже разделенными на упомянутые две группы, которые объединялись лишь временно для больших военных действий оборонительного или наступательного характера, а обычно враждовали между собой. Единого предводителя не было и внутри каждой группы. Выступал как единое целое и имел во главе своего бия только каждый род (в числе четырех), входивший в локайский союз. В этот союз иногда, на время важных событий, примыкали еще два рода найманского происхождения, жившие в Кулябском бекетве — Кесамир и Семил.³ Это дало повод некоторым локайцам причислять кесамиров и семил к своему племени. Локайцами их считает и М. А. Варыгин в своей статье «Опыт описания Кулябского бекетва».⁴

¹ Переселение катаганов в Южный Таджикистан усилилось с 1850-х годов, т. е. с начала подчинения левобережных таджикско-узбекских областей афганцам. При различных осложнениях, гонениях и притеснениях в Чор-вилайте катаганы бежали на правый берег Аму-Дарьи, но при первой возможности вновь возвращались на родину. Часть их все же оседала здесь навсегда.

² По словам Ашур-чала, его двоюродный брат Мустафакул умер в 1949 г. в возрасте 75 лет, а отец Мустафакула умер 60 лет тому назад, достигнув 80-летнего возраста. Летовки же имел прадед Мустафакула. Полевая запись от 14 сентября 1949 г. кишлак Орта-Пайток Кулябского района.

³ Кармышева Б. Х., Сведения об узбекских родах Семил и Кесамир. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Сталинабад, 1953, стр. 99-110.

⁴ Известия РГО, т. III, вып. X, 1916.

Один из локайцев, бывший ссаул из рода Байрам, женатый на семизке, говорил нам, что на войну племя локай ходило под шестью знаменами («Олти байроқ булин боргон урушка»): два рода хиссарских локайцев — Бадраллы и Эсен-ходжа, два рода бальджуанских локайцев — Байрам и Турт-оул, два рода кулябских локайцев — Кесамир и Семиз.¹

До подчинения Бухаре, т. е. до 1869 г., обе большие группы локайцев, повидному, во всех внутренних делах оставаясь самостоятельными, в какой-то мере подчинялись владетелям Хиссара и Бальджуана, но в чем выражалась эта зависимость, для нас пока остается не вполне ясным. Ф. И. Льютко считает, что Локай до подчинения Бухаре является самостоятельным бекством,² но в других работах, касающихся Восточной Бухары, нам не приходилось встречать упоминания о самостоятельном локайском владении, хотя некоторые авторы и говорят о независимости и свободомыслии локайского племени. Старики-локайцы также не смогли дать нам ясного ответа: они любят подчеркнуть независимость племени в доэмйрские времена, но, в то же время, не могут назвать ни одного общелокайского правителя. Бальджуанские локайцы говорят, что до прихода эмира их правителем был Сары-хан или Сара-бек. Он происходил из племени катаган (по другой версии, он происходил из кесамиров) и долгое время был владетелем Куляба и Бальджуана. Он был то совершенно независимым, то подчинялся Бухаре, имея высший бухарский чин «ата-няк». При взятии Куляба эмирскими войсками он был вынужден бежать в Афганистан. Попытка его вернуться в Куляб (не без содействия афганцев и англичан) не увенчалась успехом.³

Таким образом, локайское племя было разобщено: одна часть жила в Хиссаре и подчинялась его правителю, а другая часть подчинялась правителю Бальджуана. В случае же потери самостоятельности этими областями, локайцы разделяли участь других подданных данного правителя, оставаясь независимыми только во внутривидовых делах. После 1869 г. эти группы также подчинились двум разным бекам, посланным эмиром бухарским и опять-таки оказались разобщенными.

Материалами для освещения политической истории Локая мы не располагаем. Больше чем скудные сведения, встречающиеся в архивных документах, позволяют предполагать, что племя локай, в лице своей родоплеменной верхушки, втягивалось беками во всякие политические интриги. Известно, например, сведения о том, что после смерти эмира Музаффара, когда братья нового эмира Сейид Абдулахада вели интриги против него, хиссарский бек, старший тюркджан,⁴ занекивал перед локайской феодальной верхушкой, чтобы привлечь ее на свою сторону при попытке осуществить свои замыслы отложиться от Бухары.⁵ Бухарское правительство, повидному, не доверяя биям узбекских племен Хиссара, послало в 1886 г. двух влиятельных лиц (Саркарду Абдуллабек Ишик-ага-баши и Мурадбека Туксабу) «для заведывания племенами Локай и Марка».⁶ Повидному, позже локайцы все же отложились на некоторое время от Бухары, так как в одном из донесений (от 21 июля 1888 г.) го-

¹ Полевая запись от 5 октября 1949 г.

² Льютко И. Ф., Ук. соч., стр. 45.

³ Кисляков Н. А., Очерки по истории Карапетина, стр. 103 и 104; ЦГИА УзССР, фонд 1, оп. 34, д. 670, л. 47.

⁴ Тюркджанами в Бухарском ханстве называли ирревичей.

⁵ ЦГИА УзССР, фонд 3, оп. 2, д. 3, л. 167.

⁶ Там же, лист 167-а.

борится, что «отложившиеся племя Локай остается все еще в одной и той же положении».¹

Можно надеяться, что продолжение работы в архивах даст дополнительные материалы по истории изучаемого племени. В хозяйственном и общественном укладе обеих групп локайцев (хиссарских и бальджуанских) не было различия. В период до подчинения Бухарскому ханству основным занятием локайцев было экстенсивное кочевое скотоводство с преобладанием коневодства. Земледелие носило случайный характер. Существенное место в жизни племени занимали набеги на соседние племена и на своих соплеменников, а также грабежи торговых караванов.

После вхождения Хиссара и Бальджуана в состав Бухарского ханства происходят значительные изменения в хозяйственной жизни локайцев. К концу этого периода локайские районы уже являлись одним из основных поставщиков товарного зерна в восточных бекствах. Скотоводство, в частности коневодство, также стало строиться на товарный лад. Все это привело к постепенному прекращению набегов с целью грабежа, хотя окончательно они прекратились только после установления Советской власти.

Что касается общественных отношений как до подчинения Бухаре, так и после него, они могут быть охарактеризованы как патриархально-феодалыные. Пережитки этих отношений еще чувствовались в начале 20-х годов нашего столетия.

Материалы Комиссии по районированию Средней Азии, относящиеся к 1924 г., говорят, что у локайцев «связь между членами родов еще крепка; имеются сведения, требующие, правда, проверки, о неограниченной власти старшего в роде».²

До вхождения в состав Бухарского ханства, когда юго-восточный Таджикистан был разделен на несколько постоянно враждовавших между собой феодальных владений, хозяйство края пришло в полный упадок. Старики-локайцы при рассказах всегда говорили нам о бедности и дикости их племени в прошлом. Один из них, уже упомянутый Маматмуса Хантов из подразделения Кзыл-бай рода Бадралты в кишлаке Джалтыр-Кепе, рассказал, что, по словам его отца, местные беки, когда еще были независимы от эмира, постоянно ходили войной друг против друга, грабили народ и угоняли людей в свои владения. Бальджуанский бек, например, являлся в Хисар со словами: «Кто пил воду Бальджуана, идите туда!» и угонял людей к себе. Через некоторое время хиссарский бек являлся в Бальджуан со словами: «Кто пил воду Хисара, идите туда!» и угонял людей обратно в Хисар. Племенная знать и ее ближайшее окружение считали для себя недостойным мирные занятия. Стремление к легкой наживе, к власти, алчность к богатству толкали их к набегам на соседей с целью расширения своих владений, увеличения богатства при помощи грабежа.

Наиболее раннее известие о локайцах для первой половины XIX в. мы находим у А. Борнса. Проезжая в 1832 г. через Кабул, Кундуз и Балх в Бухару, он пишет о локайцах следующее:

«Близ страны, в которую мы теперь вступили, живет племя узбеков, называемое Лекей и известное своим грабительством. У этих разбойников есть поговорка, которая проклинает всех умирающих в постели, потому что, по их мнению, каждый истинный Лекей должен окончить жизнь

¹ ЦГИА УзССР, фонд I, оп. 34, д. 685, л. 112.

² Материалы по районированию Средней Азии, книга I, ч. I, стр. 190.

в набеге или чапаосе¹. Меня уверяли, что иногда и женщины сопровождают мужей своих в подобных экспедициях; с большей же достоверностью утверждают только то, что они разграбляют только те караваны, которые проходят поблизости их жилищ. Это племя живет близ Гиссара...»² Надо сказать, что докайны среди всех племен Восточной Бухары действительно снискали себе славу разбойничьего племени и, поэтому, нам придется остановиться на вопросе об аламанах у них.

Как соседи, так и сами докайны до сих пор много рассказывают об аламанах в прошлом. Например, один бывалый узбек из рода Кесамир, Кара-команда, в кишлаке Туда-Кауш Кулябского района, говорил нам, что у докайцев раньше существовало презрительное отношение к тем, кто умирал дома, как говорится, своей смертью. Про такого человека говорили: «Разве умирают на постели жены? Умер бы у кола чужого коня!» («Хотиннинг тунагида жотип улами? Бираунинг отининг козигида улмайдими!»). Затем Кара-команда добавил: «Жизнь человеческая для этих джигитов ничего не стоила».³ Эти слова подтверждают слышанное Борнсом.

Об этом же говорит ряд еще не забытых до сего времени пословиц, поговорок и некоторых обычаев. До сих пор живет, например, поговорка «Кубогил хотиннинг куул чанчар ул тур» — «От бойкой (умной, хитрой) женщины рождается сын, который догонит и волнит (кольбе)». Была специальная поговорка про джигитов, напоминающая им о необходимости всегда быть готовыми к набегу: «Чечинги ол, кичингини кайра, отингни кара!» — «Сбрей волосы, наточи шашку, улаживай за конем!».

Был и такой обычай: когда родился сын, то отец обращался к известному батыру, отличившемуся на аламанах, с просьбой дать что-либо из своих вещей. Джигит давал, например, кусочек своей одежды и его прикладывали к новорожденному, чтобы он был таким же батыром, или же джигит давал молоко из своего дома, которым поили новорожденного.

Н. Н. Покотило, посетивший Восточную Бухару в 1886 г., давая краткую характеристику отдельных узбекских племен, говорит, что докайны выделяются среди других мужественностью и воинственностью.⁴

Примерно те же черты, рисующие воинственный образ жизни, привлекали внимание Ф. И. Лютко, который пишет о докайнах 20-х годов нашего столетия: «Докайны, сохранив свою воинственность, сохранили и страстную любовь к оружию и к коню. Для докайца хороший конь и оружие — дороже всего на свете. По обычаю докаец при женитьбе дарит, помимо калыма, своему тестю шашку или ружье. Приношение в подарок оружия наблюдалось еще и в 1924 г.»⁵

Наблюдения Ф. И. Лютко подтверждаются и нашими материалами. Заметим только, что оружие являлось составной частью калыма, ибо одна из 40 голов крупного рогатого скота («кирк кора»), входившего номинально в калым, должна была заменяться ружьем, а в счет еще одной головы скота — полагались кольчуга и барабан («калиннинг бир кора-

¹ «Чапаос», по-видимому, от туркменского *چاپاول الامان* — нападение с целью грабежа Будагов Л. Сравнительный словарь тюрко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 79. Возможно, у Борнса «чапаос, а «т» — показатель множественного числа в англосаксонском языке не отброшен переводчиком.

² Борнс А. Путешествие в Бухару, ч. II, М., 1848, стр. 366.

³ Полония запись от 22 августа 1948 г.

⁴ Покотило Н. Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 г., ИРГО, т. XXV, СПб., 1886, стр. 486.

⁵ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 35.

ен милтик, бир к раси совут блин довул». В состав оружия докайцы включили: пчак — нож, короткий, железный или стальной, обычного среднеазиатского типа, вкладывается в кожаные ножны; та й а и — прощел дубинка длиной около двух метров (обычный пастушеский посох), которая была самым массовым оружием; камчи — короткая нагайка (30—35 см), сделанная из тонких ремешков, имеет деревянную рукоятку такой же длины; к л ы ч — сабля или шашка, с эфесом из рога или дерева; и а л ы з а — деревянная пики (2—3 м длины) с железным коническим наконечником; м и л т и к — фитильное ружье с длинным стволом; обычно при стрельбе конец ствола ставился на деревянный сошник.

Кроме того, к вооружению докайцев нужно отнести шит (калкан) и количугу (савут), а также особый головной убор в виде толстой стеганой тибетейки старинного покроя (остроконечной формы), обмотанной чалмой.² Барабан (давуд) был обтянут выделанной кожей барсука (кашкалдек). Он служил для объявления тревоги. Обычно барабан призывался к седлу вожака или особые барабанщики помещались на высотах, чтобы во время известить о приближении неприятеля. Отряды докайцев имели и знамена (байрак). Знамя будто бы было красное. Поднятое знамя означало военное положение. Белое знамя означало запрет о мире. Существовали различные внешние знаки для обозначения своих. После того, как лазутчики предварительно узнавали знаки у неприятеля, устанавливались свои. Например, чалма не наматывалась на голову, а ею повязывалось туловище крест-накрест, или хвосты шней завязывали узлом, или на шею лошадей повязывали тряпки определенного одного цвета и т. п.

Вооруженные набеги и экспедиции были обычным явлением в жизни докайцев в указанное выше время. Самым обычным поводом к таким набегам являлись раздоры из-за пастбищ и кровная месть (хун). Однако аламаны с целью грабежа без всякого повода были также обычны. Целью набегов чаще всего был угон лошадей. По рассказам стариков, во время такого набега небольшой отряд докайцев увозил сразу до 30—40 лошадей. Угоняли не только лошадей, но и овец, а порой свозили намоченный и провяленный хлеб с током.

Особенно часто гиссарские докайны совершали набеги на таджиков, а также на узбеков племени марка, живших в Гиссарской долине и отделившихся зажиточностью (они имели много овец, хороших лошадей, а также сеяли рис). Совершались набеги на кт. на катаганов, арабов, белуджей и др. Нередко переправлялись через Аму-Дарью и нападали на Северный Афганистан. Угоняли отсюда лошадей, приводили караваны верблюдов с товаром. Балджуанские докайны особенно часто нападали на катаганов, живущих на юге. Не раз говорили нам, что в те бесцель-

¹ Производство холодного оружия (сабля, ножей и пр.) считалось специальностью Хасара (История народов Узбекистана, т. II, стр. 140). Там упоминалось, что холодное оружие иногда из лома знаменитой дамаской стали (о туземном оружии в Туркестанском крае, Русский Туркестан, Сборник, издаваемый по поводу Политехнической выставки, вып. II, М., 1872, стр. 215); поэтому надо полагать, что у докайцев встречались отменные клинки.

² В этой связи интересно отметить, что А. А. Семеновым опубликованы 2 шиты (стеганые на вате толстые тибетейки) старинного покроя остроконечной формы, одна из которых приписывалась преданием таджикскому шейху Хасару Тахуру, жившему в первой половине XIV в. (Ташикентский шейх Хасар Тахур (шейх Ан тахур) и приписываемый ему «сулхан». Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии, год двадцатый, Ташикент, 1915, стр. 25—31; см. также Суларева О. А., Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, Среднеазиатский этнографический сборник, I, М., 1954, стр. 325—327.

ные времена нередко можно было слышать как некоторые локайские женщины бранили своих провинившихся маленьких сыновей словами: «Умри у кола катагана!» («Катаганинг қозинида ул!»), что означало: «Пусть убьет тебя катаган, когда ты будешь отвязывать с кола его коня». Разумеется, что упомянутые племена не оставались в долгу и не упускали случая отомстить локайцам.

«До революции споры между племенами, — пишет Ф. И. Лютко, — разрешались нередко вооруженными столкновениями. Хитрые вожди племен умело использовали наличие племенной розни, привлекая более сильное племя из враждующих на свою сторону установлением родственных связей через женитьбу и замужество.

Господствующее положение в Гиссарском Локае занимало самое многочисленное племя Эсен-ходжа, имевшее к тому же большие родственные связи со вторым по численности племенем — Бадра-оглы. При своем нападении на таджиков все главари локайских племен подчинялись главарю племени Эсен-ходжа. Благодаря таким дружным выступлениям, локайцы держали в страхе не только таджиков, но и все население Восточной Бухары.¹

Столкновения внутри самого локайского племени между его отдельными родами до подчинения локайцев Бухаре были весьма обычным явлением («уру-уру блан кличма клич боган»). Феодальная верхушка и ее окружение, не желая заниматься мирным трудом, стремилась увеличивать свои богатства таким путем. Грабительские набеги и войны давали ей не только материальные блага, но и укрепляли ее власть.

Во время илевых исследований нам неоднократно приходилось слышать от локайцев, что их деды и прадеды были дикими, жили бедно и поэтому занимались грабежом. Неоднократно приходилось слышать отрицательные характеристики локайцев от их соседей, что локайцы в прошлом были разбойниками, грабителями. Подобная характеристика локайского племени, как мы видели, попала и в старую литературу. Возникает вопрос: не является ли описанный образ жизни племенной спецификой локайцев? Мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Эти особенности жизни разъясняются общественно-историческими условиями жизни локайцев, условиями их общественного развития, характеризовавшимися низким уровнем развития производительных сил и сохранением пережитков первобытно-общинных родовых отношений. В жизни локайцев-кочевников были сильны еще некоторые черты той ступени общественного развития, на которой родовой строй превращается в свою противоположность и, по характеристике Ф. Энгельса, «...из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа».² В этот период общественно-экономического развития «...война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война... ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным ремеслом».³

¹ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 30.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 140.

Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 139—140.

При патриархально-феодальных отношениях у локайцев феодальная родоплеменная знать, соблюдая свои выгоды, старалась сохранить отжившие формы быта, уже несоответствующие существующим общественным отношениям, организовывала отряды из зависимых от них в той или иной степени рядовых локайцев, привлекала в них возможностью легкой наживы молодежь, пропагандируя и идеализируя лично и через фольклор такой образ жизни, как «героический» воинский образ жизни, достойный лишь молодых, храбрых мужчин. Привыкнув считать себя в этой стране победителями или потомками победителей, будучи обычно в привилегированном положении, благодаря своим связям с правящими феодальными кругами как до подчинения Бухарского ханства, так и после этого, локайская кочевая знать не стремилась завязать культурно-экономические отношения с соседями. Напротив, она старалась всячески изолировать своих соплеменников от соседей, препятствовала возникновению естественных культурно-экономических связей между локайцами и окружающим населением. Локайцам постоянно внушалась мысль о превосходстве их над своими мирными соседями, мирный образ жизни которых характеризовался как признак их слабости. Хищничество и разбой, насилия над соседями возводились в степень идеала, воспевались и прославлялись как удаля и молодечество. Этой хищнической феодальной идеологией кочевые аристократы отравляли молодое поколение и заставляли многих локайцев служить интересам их эксплуататорского класса. Само собой разумеется, что занятие локайцев экстенсивным коневодством, кочевой, подвижной образ жизни и отсюда физическая закаленность, ловкость и выносливость были теми благоприятными условиями, которые способствовали поддержанию описанного образа жизни. Напомним и о таких свойствах локайской лошади, как резвость и неутомимость, с ее так называемым аламанским аллюром, т. е. способностью проходить быстрым ходом большие расстояния по сильно пересеченной местности. Компактность сезонных пастбищ для лошадей давала возможность племени не расплываться. Все это использовалось феодальной родоплеменной знатью в своих классовых корыстных интересах.

В этой связи интересно сопоставить и сравнить локайцев с карлуками. Последние, хотя и были кочевниками-скотоводами, но жили с соседями в мире, если не считать неизбежных в старых условиях столкновений из-за пастбищ. Чем объяснить, что карлуки, живя бок о бок с локайцами, и, будучи, как и они, скотоводами-кочевниками, не занимались грабежом, хотя, по признанию даже локайцев, среди карлуков встречалось немало джигитов, личной храбростью и удачью не уступавших локайским. Полагаем, что объяснить это можно опять-таки конкретными историческими условиями, особенностью культуры и быта.

Карлуки жили в этих местах с очень давних времен. Они считались коренными жителями и не противопоставляли себя соседям, а наоборот, уже давно жили в тесном культурно-экономическом общении с таджиками, даже вступали с ними в родственные отношения (женились на де-вчушках-таджичках) и вели выгодный для обеих сторон натуральный обмен.¹

¹ До сих пор почти каждая карлукская семья имеет родичей среди горных таджиков в районе летних пастбищ и до сих пор существует обмен, нередко принимающий форму подарков: таджики снабжают карлуков на летовке хлебом, что избавляет последних от необходимости привозить его издалека с собой, сухофруктами, а карлуки, наоборот, снабжают таджиков молочными продуктами и шерстью, или подарками из городских магазинов и базаров.

После узбекского движения карлуки оказались в числе притесняемых и родовая знать их не имела доступа к власти, не стремилась к чинам и после подчинения Бухаре.¹ Карлуки до сих пор не без гордости подчеркивают, что их отцы и деды не занимали высоких административных должностей и ничего кроме своих овец не хотели знать, но зато в ошведстве не имели себе равных.

Действительно, карлуки, наряду с тюрками, барласами и муса-базари, являются выдающимися ошведодами, что было отмечено и первым исследователем ошведства наших районов проф. С. Г. Азаровым: «Техника разведения и ухода у хиссарских ошведов, несомненно, выше других кочевых народов: казаков, кара-киргизов и др.»² Высший уровень техники ошведства давал возможность карлукам обеспечивать себя всем необходимым. Овцы в большом количестве сбывались на внешние рынки: они перегонялись на базары Коканда, Бухары, Самарканды, Карши и Гузара.

Когда локайцы были вынуждены перейти к земледелию, карлуки оставались кочевниками-ошведодами, так как их высокопродуктивное хозяйство уже было поставлено на товарный лад.

Следует еще раз подчеркнуть, что набеги и грабежи организовывались и проводились феодальной родоплеменной верхушкой. Бухарское правительство и наместники эмира использовали в своих интересах набеги и грабежи локайских феодалов. Натравливая их на соседние племена, бухарские власти порой вносили раскол и вражду в среду подавленных нуждой и невежеством трудовых масс различных народностей и племен, чтобы отвлечь их от классовой борьбы. В этом отношении очень характерен один документ, относящийся к 1886 г. В одном из донесений Российскому политическому агенту в Бухаре прямо говорится, что упомянутый выше хиссарский тюряджан (наместник эмира в Хисаре, брат правившего в то время эмира) при попытках отложиться искал опору в племени локай и при этом, чтобы привлечь на свою сторону племенную верхушку, позволял им безнаказанно грабить своих же родичей, а последних, т. е. рядовых локайцев, натравливал на грабеж соседних племен, чтобы отвлечь их от борьбы против собственных феодалов. «Каковы бы ни были замыслы тюряджана, — читаем в донесении, — население, повидимому, совершенно не сочувствует ему, а тюря пользуется известностью скупца и притеснителя народа. Пока у тюряджана остается еще поддержка у кочевников племени Локай, старшины которых поощряются к обирательству подведомых им родичей, а последние представляют грабить, барантовать остальные слабейшие племена. Особенно пострадало от такой политики тюряджана кочевое племя Марка, представитель которого Смон-бий выказал открытое неповиновение тюряджану и проследовал со своими приверженцами, старшинами в Бухару, где щедро одарен эмиром за свою преданность и потери от набегов локайцев на кочевья Марка».³

По мере оседания локайцев и занятия их земледелием, а также укрепления мирной обстановки, сужался круг участников набегов, и дружинки родоплеменной аристократии локайцев выродились в мелкие, чисто уголовные разбойничьи шайки. Весьма важно заметить, что в состав этих

¹ То же отмечает А. Д. Гребенкин в отношении зерафианских тюрков: «В военной службе у татар тюрки не были и не могут назвать никого из среды себя, кто бы имел чины бухарские» (Гребенкин А. Д., *Узбеки*, стр. 96). То же мы можем сказать относительно а тюрков Южного Таджикистана.

² Азаров С. Г. и Бригис О. И., *Ошведство Таджикистана*, М., 1930, стр. 62.

³ ЦГА, УзССР, фонд 3, оп. 2, д. 3, л. 126.

разбойничьих шаек входили в основном байские саивы, грубовавшие мирным трудом и искавшие легкой наживы. Например, в Гиссарском Локае накануне установления Советской власти разбойничья шаика, члены участников которых, по Лытко, к 1926 г. доходило до 50—70 человек, возглавлялись конокрадом и бандитом Ибрагим-беком из рода Эсен-ходжа. Он был сыном крупного бай-чиновника и, как пишет Ф. И. Лытко, «имел в кишлаках сообщников из богатых элементов, подкупая их подарками из награбленной добычи. Благодаря этому он имел возможность скрывать свои следы. Бывший правитель Локая Абдулрашид-бей (глава рода Эсен-ходжа — Б. К.) сам сознался, что до революции Ибрагим-бек нередко давал ему слява (подарок)».¹ «Басмачи» грабят главным образом купечество, избегая затрагивать интересы правителей-беков в баев. Ибрагим-бек был бывшим эмирским офицером, бежавшим от смертного приговора за какое-то преступление. Впоследствии, во время гражданской войны, бежавший из Бухары и пытавшийся обосноваться в Восточной Бухаре последний бухарский эмир Сеид-Алими хан назначил Ибрагим-бека «главнокомандующим войск ислама»,² простив ему прежние преступления, и Ибрагим-бек в течение нескольких лет возглавлял басмачество в Локае.

В начале нашей полевой работы некоторое время мы находились в заблуждении, предполагая, что локайцы уже давно занимались земледелием, так как даже старики на вопрос об освоенных занятиях в прошлом, неизменно отвечали, что они «аслы дыйкан», т. е. «истинные земледельцы», так сказать, «коренные земледельцы». Земледельческие навыки, определенные сложившиеся традиции и большая любовь к хлебопашеству как бы доказывали правдивость их слов.

Но постепенно, по мере накопления материала, мы пришли к заключению, что локайцы начали заниматься земледелием примерно с середины XIX в., а значительные размеры оно приняло у них с 70-х годов прошлого столетия. Материалы по истории отдельных кишлаков дают наглядные примеры, подтверждающие это заключение. Маматаул Имамбердиев, 1877 г. рождения,³ говорил в 1949 г., что по словам его деда, локайцы начали обрабатывать землю 74 года тому назад. «Когда впервые вспахали землю у Кайнара, мне было 12 лет, значит это было 36 лет назад; 50 лет тому назад возник кишлак Урта-Кайнар, а кишлаки Шурча и Нарын образовались 70 лет назад», — говорил он. Куандик Алмишев,

¹ Лытко Ф. И. Басмачество в Локае, стр. 48.

² До революции слово «басмачи» означало бандит, разбойник, грабитель.

³ Лытко Ф. И. Ук. соч., стр. 48.

⁴ Гафуров Б. Г., Проломов Н. Н. Талашский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины, Сталинабад, 1944, стр. 170.

⁵ В связи с этим небезинтересно вспомнить следующие слова известного русского ученого В. В. Григорьева: «Но едва ли существовал когда-либо какой-нибудь народ, который, при удобстве местности ему принадлежавшей, в сельскохозяйственно-устойчивой бы совершению нужд земледелию. Кроме известных выгод от этого занятия, обращаясь к нему заставлял нередко кощенилов и необходимость — необходимость продолжать постыдный образ жизни вследствие гибели стада и табачных и табаководов, моголов и других бедствий, вызвавших смерть в открытых степях, где он питается исключительно подвижным скотом. И тогда кощеник, под влиянием тех или других обстоятельств, становится, вполне или отчасти земледельцем. Он быстрее овладевает всеми потребными для того искусствами, а не уступив в рабочести старому пастуху-завоевцу степи — Б. К. В. Григорьев добавляет: «Это видели мы собственными глазами во время разведки по киргизским степям Оренбургского Ведомства с 1853 по 1861 год» (1) «История народа саха», (116, 187), стр. 66).

⁶ Уроженец кишлака Бам Кайнар Ясарского района.

ныне покойный, родом из Шурчи, также говорил, что кишлак Шурча возник 70 лет назад. Дед Имамбердиева имел коней и овец и кочевал между Дангарой и Бальджуаном. Куандык Алишев рассказал, что его дед жил в северной части Яванской долины, на Сары-Хамыше, а потом в Нарыне, и уже при отце Куандыка он перекочевал в кишлак Шурча. Дед умер 75 лет. Во времена его детства Яванская долина была покрыта непроходимыми зарослями (дженгель). По мнению того же осведомителя, локайцы начали заниматься земледелием лет 100 тому назад, но еще не были вполне оседлыми.

В двух километрах на запад от районного центра Дагана-Киик расположен большой локайский кишлак Оби-Киик. Д. Н. Логофет, проезжавший по долине Дагана-Су, в начале XX в., следующими словами описывает этот кишлак, называя его еще аулом:¹ «Несколько глинобитных сакель, два, три загона для скота и огромное число войлочных белых юрт занимали значительную долину, поражая своей разбросанностью».²

Локаец Каюмов Алым из рода Бадраглы, уроженец и житель кишлака Оби-Киик, сообщил нам, что его дед жил в кишлаке Халпа-Булак, расположенном на адырах к западу от кишлака Оби-Киик. Последнего кишлака тогда еще не было. Позже, лет 70 тому назад, образовался Оби-Киик, куда перекочевал и дед Каюмова. Отец Каюмова, умерший в 1940 г. в возрасте 66 лет, родился уже в кишлаке Оби-Киик.

Жена Каюмова, женщина 38 лет, подтвердила, что ее дед тогда жил в кишлаке, расположенном на адырах. Отец ее рассказывал ей, что во времена его детства в долине, где теперь расположен Оби-Киик, были одни заросли и водились там кабаны и косули (киик). Лишь 70 лет назад локайцы спустились ниже и стали обрабатывать долину. Локаец Куатов Бегияр, 67 лет, уроженец кишлака Биринчи Джалтыр-Кепе Леурского сельсовета Кокташского района, ссылаясь на рассказы стариков, говорил, что кишлаки Биринчи и Иккинчи Джалтыр-Кепе основались лет 100 тому назад. С тех пор, как Куатов себя помнит, эти кишлаки стояли на одном и том же месте, их население занималось хлебопашеством.

Молодой локаец из Кокташа Бабаяров, основываясь на рассказах своей тетки, умершей несколько лет тому назад в возрасте 102 лет, указал, что когда его тетка была ребенком, локайцы не знали хлебопашества. Один из ее родственников имел четырех кобыл, одну из которых он обменял на три батмана пшеницы (один батман около 2-х центнеров). Пшеницу будто бы прорастили в воде и каждый росток разделили пополам, чтобы было больше и посеяли. Снятый урожай весь оставили на семена. Таким образом будто бы в Локае распространилось хлебопашество. Сошлемся еще на Розиеву Ихбаль, 60 лет, которая родилась в кишлаке Баглы-Шаршар Карамендинского кишлачного совета Дагана-Киикского района. Ей было 10 лет, когда родители переехали в долину Дангары и основали кишлак Кош-Булак. До этого долина Дангары была пастбищем и совсем не вспахивалась. Родители нашей осведомительницы посеяли для себя немного пшеницы на западном склоне адыров. Другой локаец (1888 г. рождения) из этого же кишлака Кош-Булак подтвердил, что во времена его детства в Дангаринской долине имели посевы далеко не все хозяйства.

Геолог А. В. Печаев, проехавший через Дангаринскую долину в

¹ Слово «аул» бытует наряду со словом «кишлак»; в настоящее время, в связи с переходом к полной оседлой жизни, различия в этих словах не делается.

² Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары, СПб., 1913, стр. 266.

1908 г., в своих путевых очерках пишет: «Из Санг-буда (кишлак на левом берегу Вахша — Б. К.) отправились к востоку. Дорога перестывает несколько невысоких хребтиков с пологими спусками и подъемами и выходит к широкой долине, на которой расположены два-три кишлака и множество юрт. В долине прекрасные пастбища, на них пасутся большие стада рогатого скота, табуны лошадей и косяки верблюдов. Особенно привольно здесь скотоводам весной».¹

Вот сообщение балджуанского докайца Муалла Бабакули, 73 лет, из кишлака Бурденгель Советского района: «Мы жили в кишлаке Курусай и переселились сюда, когда мне было 7 лет. Тогда, т. е. 66 лет назад, эти места были уже заселены докайцами, но пашен было мало».

Особенно убедительными кажутся нам сведения, записанные от 82 летней старухи Тулганай из кишлака Казак Советского района (Джарылкульская долина). Когда Тулганай было 8 лет еще никто из докайцев Джарылкульской долины хлебопашеством не занимался («Куш деган гап жук эди») и ни одного глинобитного жилища не было. Она была выдана замуж 11 лет и помнит, как однажды ее муж Курбан попросил своего младшего брата вспахать участок земли. Брат в течение целого дня пахал, а вечером, когда он вернулся домой, Курбан заметил, что омач (местная деревянная соха) без чугуниного сошника. Выяснилось, что сошник выпал где-то по дороге на пашню, но пахарь не заметил этого, так как не знал, что омач должен иметь металлический наконечник, и целый день пропаралал землю деревянным концом омача. Вспахивали тогда небольшие клочки земли и засеивали бахчевыми культурами. Соскор этой осведомительницы лет 70—80 назад, выбрав место выше современного кишлака Казак (к западу от него), «вырыл яму, достал воду и посеял бахчи. Злаки не сеяли».

Приведем ее рассказ так, как он у нас записан: «Чаю не было. Мы даже не слышали о нем. Работникам, бывало, говорили: «Эй! Разведи курут». Хлеба не давали, они выпивали разведенный курут и уходили. Риса также не видывали. Однажды был засушливый год, урожай был очень мал (повидимому, уже после того, как стали появляться посева пшеницы и ячменя — Б. К.) и 1-2 мешка риса привезли из Хисара. Тогда мы впервые увидели рис. Варка риса появилась недавно. Ели курут и мясо. Хумы и кувшины для воды мы только теперь увидели.² Наши деды ели хлеб маленькими кусочками, не более размера уха».

Далее старуха Тулганай рассказала нам о жилище. Лет 65 тому назад в Джарылкульской долине не было глинобитных жилищ (чонтара), жили в юртах, а бедняки строили себе кепе (шалаш из камыша и травы). Отец некоего Халмурата как-то ездил в кишлак Писта-Мазар, где увидел чонтару, и по возвращении оттуда, построил себе то же. Муж Тулганай решил последовать примеру отца Халмурата. Супруги строили чонтару вдвоем: Тулганай подавала глину, а ее муж возводил стены. Поверхность стен получалась настолько бугристая (не умели срезать и равнять), что пришлось ее и снаружи обмазать глиной, хотя обычно это не принято.

Когда чонтара была готова, то Тулганай никак не хотела переселяться из юрты в нее, так как боялась проесть стадо и опозориться на всю округу. Тогда, чтобы избежать этого, решили в боковых стенах чонтары проделать два проема, чтобы проникал свет.

¹ Вечаев А. В. По горной Бухаре. Путевые очерки. СПб., 1914.

² Хум — большая корчага для хранения зерна. Глиняную посуду используют по употребляют, а лишь деревянную и кожаную. Воду хранят в бочках.

Процесс полного оседания у докайцев протекал гораздо медленнее, чем развитие хлебопашества. Как и многие другие узбекские племена, докайцы почти до самой коллективизации продолжали на лето переселяться в юрты и шалаши, которые обычно ставились на бахчах, в нескольких километрах от кишлака. Баи, имевшие скот, перекочевывали на летовки, оставляя в кишлаке для полевых работ кого-нибудь из родственников и работников.

В начале 90-х годов прошлого столетия капитан Литвиенталь в описании маршрутов по Гиссарскому бекству перечисляет ряд докайских зимовок вдоль левого берега Кафиршиана от Чортака до Кокташа и отмечает: «Как эта зимовка (Кокташ — Б. К.), так и все предыдущие, летом совершенно необитаемы. Жители ее, узбеки рода Докай, с наступлением тепла бросают свои жилища, уходят в горы и возвращаются лишь поздно осенью».¹

Относительно быстрому и массовому переходу докайцев к земледелию немало способствовал, как нам кажется, и тот жестокий погром, который учинили эмирские власти при завоевании края. Капитан Литвиенталь, посетивший Восточную Бухару 20 лет спустя (в 1889 г.) после этого события, описывая зверства захватчиков в покоренном краю, отмечает: «В особенности бухарцы свирепствовали в земле воинственных и свободолюбивых узбеков-лякай; до сих пор страна эта, по словам туземцев, не может поправиться от этого погрома».² Докайцы подверглись гораздо более сильному погрому, чем остальное население завоеванных областей, вследствие того, что эмир стремился всюду окончательно покончить с остатками самостоятельности узбекских племен. Разорение рядовых докайцев, явившееся результатом указанного выше погрома, привело к тому, что многие докайцы, лишившись скота, вынуждены были осесть и добывать себе пропитание земледелием. Нужно ли говорить о том, насколько тяжелым и мучительным для трудящихся докайцев был этот вынужденный процесс оседания и перехода к земледелию.

Кроме отмеченных изменений в экономике докайцев, укажем еще на развитие товарно-денежных отношений. Относительно быстрый рост товарно-денежных отношений в Восточной Бухаре после включения ее в состав Бухарского ханства оказал влияние на экономику различных племен и народностей, населяющих ее.

Таможенная реформа, согласно которой русская таможенная черта с 1 января 1895 г. была перенесена на пограничную линию Бухары и Афганистана, превратила Бухару во внутренний русский рынок. Вся бухарско-афганская пограничная линия от г. Керки до Дарваза включительно, была занята постами пограничной стражи особой Амударьинской бригады. Это привело к сильному увеличению торговых связей между Бухарой и Россией.³ Правда, это не сразу коснулось восточных бекств. Б. Литвинов, посетивший Гиссар в 900-х годах, пишет: «Дешевизна цен в этом городе (Гиссаре — Б. К.) на продукты земледелия оказалась просто сказочная; например: 10 снопов клевера — 2 пули (1/2 копейки), 12 пудов пшеницы — 10 тенет (по тогдашнему 2 рубля) и т. д. Сбыт хлеба из Гиссара очень невелик, и все богатство этого поистине благополучного края вследствие бездорожья и дальности до Аму-Дарьи обречено оставаться неиспользованным. Население, имея огромные запасы зерна

¹ Литвиенталь, Маршруты по Гиссарскому и Кабанджанскому бекствам, Сборник материалов по Азии, вып. LVII, СПб., 1891, стр. 352.

² Литвиенталь, Ук. соч., стр. 314.

³ История народов Узбекистана, т. II, стр. 395.

и трав, бедствует, не имея возможности выменять свое добро на нужные для него продукты. Ництожная сравнительно с запасами края торговля идет вдоль реки Сурхана, через Патта-Кисар (Термез) или через Джар-Тепе, Дербент, Гузар и Шахрисябз в обход тяжелого в 10,5 тыс. футов перевала Лянгары Мардан, стоящего на прямом пути из Яккабика в Гиссар.

Таким образом, иметь ситцевый халат в Гиссаре значит обладать незаурядными запасами пшеницы, лакированные сапоги представляют из себя целое состояние и пр. Можно себе представить, какое поле деятельности представляют из себя эти края для всякого рода торговцев, меновщиков и пр., если бы эти последние завязали с ними торговые сношения, и как тяжело населению платить зякет, херадж и аминюва, если от властей поступит требование уплатить подати звонкой монетой, а не хлебом. Вот если бы помочь населению Гиссара сбывать свои недостатки в Термез; теперь это не представит такого затруднения, как 10—12 лет тому назад».¹

Опасения русского наблюдателя не замедлили оправдаться: вскоре налоги стали взиматься в денежной форме, и это в сильной степени способствовало вовлечению в товарно-денежные отношения широких слоев населения и, одновременно, усилению процесса обнищания и закабаления трудящихся.

Рост товарно-денежных отношений углубил хозяйственную специализацию отдельных племен Южного Таджикистана. Небольшая группа локайцев продолжала заниматься коневодством, расширив его, придав ему торговый характер и поставляя лошадей русским военным властям и на рынки Туркестанского края (Ура-Тюбе, Самарканд, Фергана и др.). Основная же масса локайцев, перейдя к хлебопашеству, уже к десятым годам текущего столетия становится одним из основных поставщиков зерна не только для всего Южного Таджикистана, но и на внешний рынок.

Основными покупателями локайского хлеба были соседние кочевые племена. Осенью крупнейшие овцеводы карлуки Яванской долины закупали (частично выменивали на кошмы и шерсть) основной излишек хлеба локайцев той же долины. Хлеб Яванской и Кникской долин шел, кроме того, на юг. Его вывозили на лошадях в Кобаднан и Курган-Тюбе, где сбывали дурменам, туркменам и казахам. Часть хлеба выменивалась на овец и шерсть.

Хлеб гиссарских локайцев шел и на север, в Гиссарскую долину, где выменивался на рис у племени марка, которое, как отмечалось, в основном занималось скотоводством и рисосеянием и у которого своего хлеба не хватало.

Гиссарские торговцы часть своих товаров также обменивали на хлеб.

Излишек хлеба бальджуанских локайцев также шел на юг, где было много кочевых племен и народностей, которые или вовсе не имели своего хлеба (узбеки племени сарай, арабы и др.), или же им своего хлеба не хватало (катаганы). По сообщению старика Куандыка Фаизова из кишлака Казак, локайцы правобережья Ях-Су два раза в год, весной и осенью, возили хлеб в Куляб для обмена на шерсть и кошмы у узбекских племен катаган и сарай, приезжавших в Куляб из Сарай-Камара (ныне Кировабад).

Но не только местным племенам был нужен локайский хлеб. Некто

¹ Дитвинов Б., Очерк Гиссарского края, Туркестанские ведомости, 1910, № 233, стр. 2.

А. Г., ратуя за таможеню на месте русской заставы Сарай (ныне Киров-абад), писал в 1911 г.: «Но не в заграничной торговле (с Афганистаном — Б. К.) лежит будущее Сарая, — это будущее в вывозе хлеба через Сарай из Бальджуана и Куляба, и в настоящее время гарнизон в Термезе покупает хлеб в Кулябе, но дело это не организовано. Следовало бы высшей администрации края при посредстве политического агента в Бухаре разработать вопрос о том, как создать хороший верблужий транспорт от Куляба до Сарая (от Сарая хлеб сплавлялся на каюках по Аму-Дарье — Б. К.). Там теперь возят грузы лишь киргизы (казахи — Б. К.), недавно туда переселившиеся, а между тем есть и у местных узбеков очень много верблюдов».¹

Вскоре Сарай действительно превратился в крупный таможенный и торговый пункт, через который стал проходить не только локайский хлеб, но и локайский хлопок, т. к. локайские баи не преминули воспользоваться выгодами хлопководства.

О вывозе хлеба далеко за пределы Восточной Бухары писал еще в 1904 г. А. Е. Снесарев: «...в Кулябе и Бальджуане мы находим два хлебородных бекства, питающих Хиву, города по Аму и многие места Бухары. Количество свободного хлеба в этих двух бекствах должно быть очень значительно, считая при этом и казенное зерно».²

В 1907 г. Д. Н. Логофет писал в газете «Среднеазиатская жизнь»: «По отношению к хлебной торговле (в Восточной Бухаре — Б. К.) главными пунктами являются города Гарм, Бальджуан, Ховалинг и Куляб, а также базары в кишлаках: Сарае, Сары-Машме и Пошине. В эти пункты зерновые запасы всего населения поступают на базары, а оттуда впоследствии вывозятся двумя направлениями или через Гиссар, Гузар, в Карши и Бухару на верблюдах или же на каюках от Сарая, причем в Термез и Керки, кроме вывоза на каюках, хлеб идет также и на верблюдах через Кабадлан и Ширабад».³ И далее: «С августа месяца в Восточную Бухару начинают прибывать скупщики, приезжающие сюда из Керков, Термеза и Хивы. Скупив большую партию (хлеба — Б. К.), отправляют на верблюдах в Сарай и далее на каюках по Аму-Дарье или прямо на Гиссар, Карши и Бухару».⁴

По мере превращения Туркестанского края в хлопковую базу России, вывоз хлеба из восточных бекств Бухарского ханства, естественно, быстро рос. Росла доля и локайского зерна в вывозном хлебе. По свидетельству Ф. И. Дьютко, для сплава локайского хлеба по реке Вахш от переправы Кзыл-Кала до Аму-Дарьи существовал каючный транспорт, в 1920 г. доходивший до 200 с лишним каюков. Грузоподъемность каждого каюка была в среднем 2,5 тонны.⁵ Тот же автор приводит сведения (повидимому, приблизительные и распросные), что до революции Гиссарский Локай вывозил ежегодно до 40 тысяч тонн хлеба.⁶

Восточная Бухара издревле славилась как поставщик скота, в частности баранов, но доля локайских овцеводов в этом была незначительна.

¹ А. Г., Кишлак Сарай на Пиндже, Туркестанские ведомости, 1911, № 264, стр. 4.

² Снесарев А. Е., Восточная Бухара, СПб., 1906, стр. 57.

³ Логофет Д. Н., Хлебная торговля и запасы Восточной Бухары, Газета «Среднеазиатская жизнь», 1907, № 24, стр. 2.

⁴ Там же, № 27, стр. 2.

⁵ Дьютко Ф. И., Ук. соч., стр. 44.

⁶ Локай — совреманные Ковташский, Давань Кинковский, Яванский и Кубышевский районы; подавляющее большинство земледельческого населения составляли локайцы.

Главными предметами ввоза в Восточную Бухару были: мануфактура (преимущественно русский ситец), мелкий красный товар, скобяные изделия, железо и т. п. предметы первой необходимости. Афганские купцы привозили индийский чай, индийскую кисею и материал на чалмы.

«Торговлей в Локае занимались исключительно таджики, — пишет Ф. И. Лютко, — локаец к торговле относится брезгливо».¹ Торговлей занимались также местные евреи и армяне, но богатые локайцы, пренебрегая кочевническими традициями, не упускали и здесь возможности обогащения: тот же автор отмечает в дальнейшем, что «В 1913 г. отец бывшего главаря басмаческой банды из Исан-ходжинского племени, Ассадуды, имел оборот около трех миллионов рублей».²

Однако все это вовсе не означает, что натуральное хозяйство у локайцев было разрушено полностью. Задавленные бесчисленными налогами, чудовищными поборами хищного чиновничества, баев, ростовщиков и духовенства, трудящиеся Восточной Бухары, колонии Бухарского ханства, из года в год нищали и поэтому покупательная способность основной массы населения была чрезвычайно низка. Изделия собственного производства и обмененные у соседей удовлетворяли только самые насущные и убогие потребности населения.

В заключение остановимся на вопросе политического положения локайцев в Бухарском ханстве.

Существует мнение, что племя локай представляло собою ту силу, на которую правители Бухары опирались на юге Восточной Бухары для подавления народных восстаний и что поэтому локайцы резко враждебно относились к Советской власти и были наиболее активными участниками басмаческого движения. По этому поводу необходимо отметить следующее.

При завоевании Бухарой восточных бекств, локайцы, как и остальное население этих областей, оказали упорное сопротивление, за что подверглись жестокому погрому, как уже было отмечено выше. Это зафиксировано рядом сообщений: о локайцах Вальджуана, «славящихся своей строптивостью и малою покорностью бухарскому правительству», упоминает Н. Минаев.³ Ф. И. Лютко пишет, что «свободолюбивый Локай не мирился с утратой своей независимости. По рассказам 80-летнего старика Али-токсаба, в 80-х годах прошлого столетия был убит первый назначенный эмиром в Локай бек Мухаммади. После этого эмир неоднократно назначал беков, но безуспешно. По рассказам того же Али-токсаба, приблизительно в 90-х годах, во время поголовного восстания Локая, был убит бек Саиди».⁴

Эмирские власти в свое время убедились, что карательными мерами они не смогут подчинить локайцев, поэтому они прибегли к испытанному методу заигрывания и подкупа племенной феодальной знати, как мы указали выше. Можно привести еще некоторые сведения из литературы:

«Бухарские правители заигрывают с бадахшанцами, — читаем у М. А. Варыгина, — по соображениям быть может политического или экономического свойства, точно так же, как с отважным родом узбеков — локайцами. Локайцы, недовольные Бухарой, одно время подняли знамя восстания, на усмирение которого были посланы казаки. Они и теперь не

¹ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 43.

² Там же, стр. 49—50.

³ Минаев Н., Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879, стр. 196.

⁴ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 46.

отрешились от мысли устроиться самостоятельно, почему у них идет глухая вражда с победителями, которые их иначе не зовут, как бунтовщиками. Несмотря на то, что обстоятельства благоприятствуют бухарцам, они не смеют наложить свою тяжелую руку на непокорных, зная, что могут потерять навсегда часть населения, возбудить ропот в остальных, а поэтому оставили локайцев в покое, сняв с них подати за разведение лошадей... Подобными льготами бухарцы видимо хотят приручить к себе свободолюбивое население, найти в них союзников и покорных слуг, но сколько бы не старались, им не добиться желаемого результата».¹

Действительно, народы Восточной Бухары (таджики и тюркоязычные племена) не покорились и постоянно вели упорную борьбу против поработителей как мангытских, так и своих собственных. Однако класс эксплуататоров быстро понял всю выгоду союза с завоевателями для еще большей эксплуатации своих соплеменников и поэтому, как пишет Б. Г. Гафуров, «Своей опорой эмират сделал здесь старую родовую аристократию племен (так называемые саркарда — родовые вожди у кочевников), старое военно-служитое сословие (сипо и наукары), духовенство, крупных землевладельцев и богатеев-баев».²

Достигалось это тем, что классовой верхушке кишлака давались бухарские чины. Эти чиновники, облеченные двойной властью (авторитет и власть главы рода или родового подразделения и власть государственная, данная от эмира) и двойным состоянием (прежнее богатство и танхо, данное эмиром), приобретали большую силу и нещадно эксплуатировали подвластное население. Большие возможности по отношению к своим соплеменникам в этом смысле им открывали старые патриархально-родовые пережитки.

Среди чиновничества локайские саркарда действительно занимали особое положение. Для того, чтобы держать в покорности беспокойное локайское племя и создать себе опору, своего рода карателей, для борьбы с другими непокорными народами, в частности с таджиками, эмирское правительство производило локайцев в большом числе в наукары и, кроме того, им в танхо выделялось в два и более раз больше хозяйства, чем наукарам других племен, «например, в нормальных условиях караул-бег³ получал 6 кошей,⁴ а караул-бег локайцев 15 и т. д.»⁵ В результате локайские крестьянские хозяйства почти все были розданы в танхо своим же наукарам и фактически были крепостными последних, а локайская служилая знать и чиновничество использовались эмирскими властями в качестве карателей для подавления народных восстаний. Один старейший локаец из бывшего Бальджуанского бекства говорил нам, что «беком был мангыт, но фактически всегда правили локайские «оқ уйли» («имеющие белые юрты» — так назывались локайские крупные наукары, зимой живущие в центре бекства и составляющие свиту бека).⁶

Из всего вышесказанного становится понятным, почему локайская племенная феодальная верхушка особенно рьяно и долго боролась против Советской власти и, умело, вероломно и хитро используя пережитки пат-

¹ Барыгин М. А., Опыт описания Кулябского бекства, стр. 791.

² Гафуров Б. Г., История таджикского народа, изд. 2, Госполитиздат, 1952, стр. 404.

³ Караул-бег — один из бухарских чинов.

⁴ Кош — пара рабочих волов или земля, обрабатываемая парой волов, или хозяйство, имеющее одну пару волов.

⁵ Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, Сталинабад — Ташкент, 1930, стр. 13.

⁶ Полевая запись от 11 августа 1948 г.

риархально-родовых отношений, нередко прибегая к насилию, заставляла забитых и темных соплеменников участвовать в басмаческом движении. Недаром басмаческие шайки создавались по родовому признаку и во главе их становились «родовые вожди» или представители духовенства. Особо следует отметить роль ишанов — главарей суфийских орденов, которые имели многочисленных мюридов среди населения, мюридов, которые под страхом страшной кары обязаны были беспрекословно выполнять волю своего пира («духовного наставника»), не задумываясь идти на любые преступления. Панисламизм, насаждавшийся заклятыми врагами трудящихся, играл выдающуюся роль в басмачестве, отравляя своей реакционной идеологией сознание рядовых локайцев.

Главари шаяк апеллировали к «традиционной удали, воинственности и молодечеству» локайских джигитов. Во главе «войск ислама» для «священной войны с неверными» бежавшим в Афганистан эмиром был поставлен упоминавшийся выше Ибрагим-бек, локаец из рода Эсен-ходжа, сын крупного бая и чиновника, конокрад и разбойник, ставленник англо-американского империализма.¹

Нетрудно представить, в какой тяжелой и чрезвычайно сложной обстановке, в отмеченных локайских районах пришлось вести борьбу за укрепление Советской власти. Более десяти лет (с короткими перерывами) продолжалась жестокая вооруженная борьба с басмачеством. В огне этой борьбы перековывались и росли люди. В прошлом забитые, неграмотные, раздражаемые межплеменной враждой, разоренные народные массы под руководством Коммунистической партии и братской помощи великого русского народа в лице Красной Армии, партийных и советских работников превращались в сознательных строителей нового социалистического государства. В процессе этой жестокой борьбы происходило и восстановление разрушенного хозяйства и колхозное строительство.

Народы Таджикской Советской Социалистической Республики, в том числе и локайцы, благодаря ленинско-сталинской национальной политике, благодаря повседневной заботе и помощи Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства добились больших успехов в области хозяйственного и культурного строительства. В обращении III-го чрезвычайного съезда Таджикской Советской Социалистической Республики ко всем трудящимся Таджикистана, принятом на заседании от 19 октября 1929 г., говорилось:

«Мы ставим перед собой совершенно ясную задачу.

Мы хотим и сможем превратить Таджикистан, ранее нищую, отсталую, разоренную басмачами страну, в цветущую социалистическую республику.

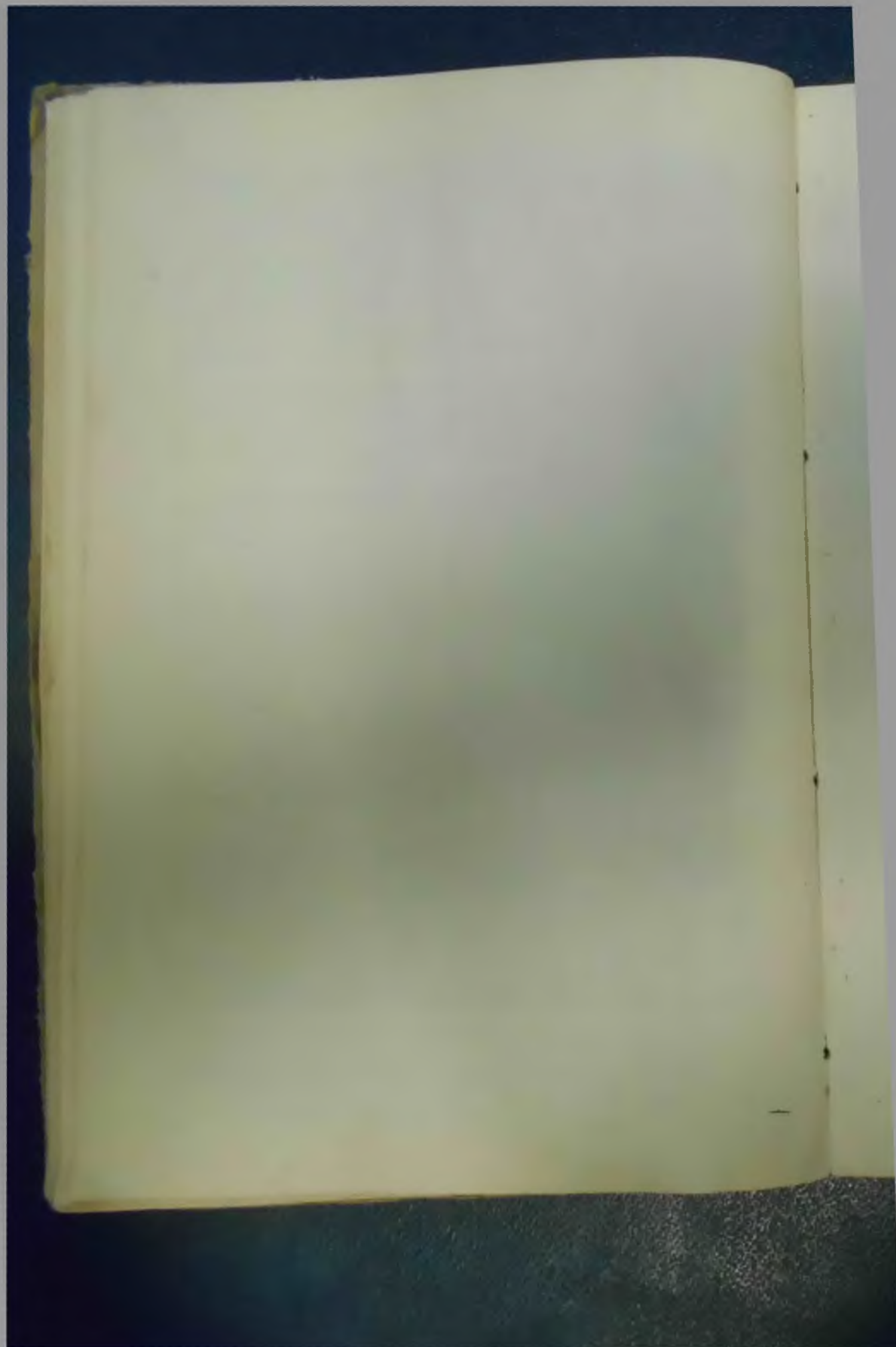
Мы хотим и сможем воспитать в нашей республике новых советских граждан, совершенно свободных от темноты и рабских пережитков прошлого — наследие времен хана и Российского самодержавия».²

Трудящиеся Таджикистана с честью выполнили эту задачу.

История советского и колхозного строительства — одна из самых славных и замечательных страниц в истории народов Таджикистана. К изучению ее и освещению приступили историки Советского Таджикистана.

¹ См. Иркаев М., Борьба трудящихся Таджикистана за разгром басмачества, Материалы к истории таджикского народа в советский период (сборник статей), Таджикгосиздат, 1934, стр. 115—186.

² Фаньян Д., К истории советского строительства в Таджикистане. Сборник документов, ч. I, Сталинабад, 1940, стр. 146.

II. ЖИВОТНОВОДСТВО КАК ОСНОВНАЯ ОТРАСЛЬ ХОЗЯЙСТВА ЛОКАЙЦЕВ ДО РЕВОЛЮЦИИ

Общая характеристика

Ведущей отраслью хозяйства локайцев в прошлом было животноводство. Хлебопашество же стало получать широкое распространение лишь с последней четверти прошлого столетия.

Экстенсивное кочевое скотоводство у локайцев было тесно связано с местными природными условиями, от которых оно в значительной степени зависело. Поэтому позволим себе остановиться на описании физико-географических условий, в частности на описании пастбищ¹.

Хозяйственная деятельность локайцев протекает на территории Южно-Таджикостанского низкогорья. В отгонном животноводстве использовались пастбища, расположенные и вне этой области, в зонах среднегорья и высокогорья.

Южно-Таджикостанское низкогорье лежит к югу от Гиссарской долины, долины реки Иляка (левый приток Кафирниган) и нижнего течения Оби-Ангноу и простирается до реки Пянджа—Аму-Дарья.

Эта область вся пересечена невысокими (не выше 1800—2000 м над уровнем моря) хребтами, разделенными долинами различной ширины. Хребты простираются параллельно друг другу с северо-востока на юго-запад. В южной части они имеют почти меридиональное направление, а на севере, плавно изгибаясь к северо-востоку, приобретают почти широтное направление. Таким образом, эти горные цепи образуют пологие дуги, обращенные выпуклостью на северо-запад. Северо-восточные концы их, все повышаясь, направляются к хребту Петра Первого, а южные упираются в долину Пянджа — Аму-Дарьи, причем, некоторые из них, постепенно понижаясь, сливаются с долиной реки.

¹ Для описания природных условий, помимо личных наблюдений автора, привлекались следующие работы: Таджикистан (физико-географический очерк), Л., 1936; Васильев П. А., Таджикистан, Сталинабад, 1947; Советский Таджикистан, Сталинабад, 1950.

Описание пастбищ дается на основании следующих работ: Советкина М. М., Пастбища и сенокосы Средней Азии, Ташкент, 1938; Дарин И. В. и коллектив авторов, Кормовые растения естественных сенокосов и пастбищ СССР, М., 1937; Морозова О. И., Пастбища и их использование, Сб. «Советский Таджикистан», Сталинабад, 1950; Саверкин А. П., Состояние летних высокогорных пастбищ Гиссарского хребта и пути их улучшения и использования, Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, т. 28, Сталинабад, 1951.

За постоянные консультации при непосредственном знакомстве с пастбищами Таджикистана автор приносит свою глубокую благодарность профессору О. И. Морозовой.

Долины между этими хребтами на севере или узки, или замкнуты, а на юге они расширяются и сливаются с долинами Вахша и Пянджа — Аму-Дарья.

Южный Таджикистан, огражденный высокими горными хребтами от холодных и приносящих осадки северо-восточных ветров, но открытый в сторону одной из великих пустынь Средней Азии — Кара-Кум, относится к числу самых теплых областей Советского Союза и отличается сухостью климата.

Лето в Южном Таджикистане сухое и знойное, длится 4—5 месяцев. Осень (октябрь, ноябрь) теплая, безветренная и большей частью ясная. Зима теплая, сплошной снеговой покров лежит недолго, особенно на южных склонах адыров. Иногда массы холодного арктического воздуха прорываются на территорию Южно-Таджикистанского низкогорья, поэтому минимальные зимние температуры низки. Правда, морозы бывают не каждый год и обычно держатся всего несколько дней. Весна ранняя (наступает иногда в конце февраля), короткая с обильными осадками. Во второй половине мая обычно начинается уборка ячменя на высоте Яванской долины.

Большую роль в создании климатических условий играют вертикальная зональность и, в результате сильной расчлененности местности, микроклиматические особенности.

С продвижением на северо-восток, в связи с повышением местности и удалением от пустыни Кара-Кум, жара слабеет, продолжительность лета сокращается, а зимой сплошной снеговой покров лежит дольше.

Осадки приносятся преимущественно западными и юго-западными ветрами. Наибольшее количество (более половины) осадков падает на весну (март, апрель). В это время они выпадают в виде теплых дождей и ливней. Зимой, хотя осадков выпадает меньше, но количество дней с осадками бывает гораздо больше. Выпадают они в виде дождя и снега. После сухого лета и ясной осени, часто без капли дождя в течение 3—4 месяцев, первые дожди начинают перепадать лишь в ноябре. Обычно в начале ноября проходят небольшие дожди, а затем снова устанавливается ясная и очень тихая погода, которая держится нередко до декабря и даже января.

Зимой и весной, когда часты облачные дни в Гиссарской долине, можно наблюдать, как облака, прикрывающие небо Гиссарской долины, доходят только до гребня гор, ограничивающих долину с юга, а далее к югу от гребня гор виднеется безоблачное небо.

В Южном Таджикистане большую часть года преобладают затишье или ветры, не достигающие значительной силы. Наиболее характерным из ветров, достигающих довольно большой силы является юго-юго-западный ветер, дующий со стороны Афганистана и называемый в литературе, а также среди русского населения «афганцем» (местное название его «даур» или «чангыт», иногда произносят «жангыт» или же описательно «ветер Имам Саиб»¹). «Афганец» приносит сухую мглу, как бы желтый густой туман, состоящий из мельчайших частиц пыли, взвешенных в воздухе. Продолжительность «афганца» от нескольких часов до нескольких дней, но мгла и после прекращения ветра держится еще довольно долго.

¹ Хазрет-Имам Саиб — населенный пункт в Северном Афганистане недалеко от границы, против Файзабад-калы.

Летний «афганец» бывает двух видов: один горячий (гарм-силь), а другой, наоборот, приносящий некоторую прохладу. Первый очень вредно влияет на растительность, обжигает ее. К счастью, он дует редко, даже не каждый год. Зимой «афганец» дует редко и не имеет значительной силы, но сопровождается сильными снежными метелями.

В долинах между гор текут такие значительные реки, как Кафиририган, Вахш, Кзыл-Су и Ях-Су, а также их притоки — Дагана-Су, Яван-Су и Таир-Су. Несмотря на наличие стольких рек, районы локайского расселения бедны водой, так как локайцы селились преимущественно на адырах, вне долин больших рек.

Река Кафиририган лишь на небольшом участке, перед поворотом на юг, примыкала непосредственно к району локайского расселения и до установления Советской власти вода ее почти не использовалась локайцами, если не считать небольших участков поливной люцерны.

Жители Леурской долины (единственной долины, открывающейся на север), по которой протекает речка Сасык-Су, с соленой, непригодной для питья водой, ездили за пресной водой на Кафиририган, или брали ее из родника Галау-Кудук у одноименного кишлака.

На правом берегу Вахша, незадолго до выхода его из горных теснин, стоит кишлак Санг-Туда со смешанным локайско-таджикским населением. У этого кишлака издавна имелись небольшие участки поливных земель.

После выхода Вахша из гор, на правом берегу его была расположена болотистая низменность Арал-Тугай, т. е. «Тугайный остров», окруженный протоками этой реки. «Остров» этот, как говорилось в разделе о расселении, был локайской землей и там имелись орошенные поля.

Реки Кзыл-Су и Ях-Су протекают по локайской территории в среднем своем течении и до советской власти использовались в очень незначительных размерах для полива рисовых полей и посевов люцерны.

Речки Дагана-Су, Яван-Су и Таир-Су — грунтового питания, их сильно минерализованная вода пригодна только для водопоя скота и то не во все сезоны года. Они использовались и для орошения, но поливные участки были чрезвычайно малы. Водой Дагана-Су, например, до революции орошались небольшие участки под хлопком.

Эти речки летом почти пересыхают. Они текут по широким долинам, прорезав глубокие русла в толще лессовых отложений, по дну оврагов, глубина которых местами доходит до 15—20 м. В речки эти впадает множество мелких ручьев, большую часть года представляющих собой сухие, глубокие и узкие овраги, наполняющиеся мутными бешеными потоками лишь во время весенних ливней.

На территории локайского расселения большую роль играют родники, так как они обычно являются единственным источником водоснабжения. Далеко не все родники имеют воду, годную для питья. Большинство из них имеют так же, как вышеназванные речки, соленую воду, поэтому население многих локайских кишлаков пресную воду привозит на ослах, нередко за 5—10 и более км (рис. 5). Летом в некоторых родниках количество воды сильно уменьшается. Иногда воду набирают кружкой, спустившись в глубокий колодец и часами ожидая, когда наберется столько воды, чтобы можно было ее зачерпнуть. Некоторые родники совсем пересыхают. Зимой жители многих кишлаков растапливают снег. Для сбора воды весенних дождей на склонах гор сооружаются специальные огороженные водоемы (кок) (рис. 6). Эту воду употребляет население, так как для скота весной достаточно бывает воды в соленых источниках.

Рис. 5. Доставка питьевой воды в глиняных кувшинах. Фото Н. В. Темнова.

Рис. 6. Искусственный водоем для сбора талых вод. Фото Н. В. Темнова.

В результате недостатка воды локайские кишлаки были так непокожи на утопающие в садах кишлаки речных долин: в них не было ни садов, ни огородов, в лучшем случае можно было встретить несколько покрытых пылью тутовых деревьев. Но эти места издревле привлекали человека своими пастбищами и пахотными землями.

Природные условия Таджикистана позволяют содержать скот круглый год на подножном корму. Пастбища по своим природным особенностям и характеру использования делятся на 3 различные группы: а) осенне-зимне-весенние пастбища предгорно-низкогорных районов; б) проходные пастбища среднегорных районов; в) летние пастбища субальпийского и альпийского поясов.¹

Южный Таджикистан расположен в зоне пустынных и полупустынных низкогорных пастбищ и является главным массивом весенне-зимне-осенних пастбищ для отгонного животноводства не только Южного, но и всего Центрального Таджикистана, и только северо-восточная часть его располагается в зоне проходных пастбищ. Локайцы всю территорию к югу от гребня хребтов Ранген-Тау и Яван-Тау называют чўл — пустыней, степью, зимовочными местами, в отличие от северных склонов тех же хребтов. Северные склоны называются джайляу — летовки.

В Южном Таджикистане типично-зимних пустынных пастбищ немного: небольшие площади юго-запада заняты травостоем со значительным количеством зимних кормов — полыни, кустарниковых и полукустарниковых солянок, саксаула белого и черного. Зимовка же локайцев в основном производилась на пастбищах типично-весенних, т. е. дающих максимальное количество корма в весенний период, а на зиму здесь остается минимальное количество кормов. Это — горные полупустынные эфемерные пастбища на высоте 800—1000 м.

Среди эфемеров этого пояса господствуют многолетники: осока пустынная — ранг (*Carex pachystylis* Gay.) и мятлик луковичный — конгур-баш (*Poa bulbosa* L.), но к ним в обилии примешиваются многие однолетние эфемерные злаки: костры, дикie пшеницы, ячмени, а также бобовые: эспарцеты мелкие, люцерны и многочисленные астрагалы.

Следует отметить, что под влиянием постоянного выпаса в этом высотном поясе, т. е. в верхней части полупустынного пояса, сформировалась растительность преимущественно сорнякового характера, с преобладанием однолетних злаков, вооруженных грубыми крепкими остями. Однолетним злакам сопутствуют бобовые однолетники и сравнительно небольшое количество видов однолетнего разнотравья. Эти растения очень хорошо поедаются на ранних стадиях развития, но уже в конце первой половины весны делаются все менее и менее съедобными.

В период перегона скота на летние пастбища в этом поясе еще достаточно корма, но если задержаться до начала июня, уже корма недостаточно, несмотря на наибольшее количество растительной массы (15—25 ц/га). Существенным недостатком пастбищного юга Таджикистана с хозяйственной точки зрения является крайняя неустойчивость урожаев, которые колеблются в пределах от 1 до 10 ц/га на одном и том же участке.²

Заканчивая описание пастбищ, используемых для зимовки скота, следует остановиться на речных долинах. Нижние широкие части долин

¹ Морозова О. И., Пастбища и их использование, Советский Таджикистан, Сталинабад, 1950, стр. 38.

² Морозова О. И., Устное сообщение.

таких рек, как Кафирниган, Вахш, Кзыл-Су и Ях-Су, были заросшими тугайной растительностью: турагой (разнолистный тополь), джидой (лох), гребенщиком (тамарикс) и др., а также гигантскими травянистыми растениями — злаком эриантусом, диким сахарным тростником, осокой, камышом и солодкой.

Рис. 7. Зимние пастбища Низовья реки Тавр-Су. Фото В. А. Ранова.

Иногда в Южном Таджикистане бывают снежные зимы. Адыры покрываются довольно глубоким снегом и животные (лошади и овцы) не могут тебеневать, т. е. доставать себе корм из-под снега. В старое время, когда не делались запасы сена, в такие годы скот сгонялся в туган, где древесно-кустарниковая растительность и высокие травы выступают из-под снега и, поэтому, бывают доступны животным. Зимой в туган загоняли скот и в засушливые годы, когда на других пастбищах бывал плохой урожай трав.

Выше зоны зимовочных пастбищ (1000—1700 м) в высоких частях Ранген-Тау и других хребтов распространены пырейно-разнотравные, своеобразные степные пастбища. Пырейно-разнотравные пастбища являлись основным летним пастбищем для конского поголовья и отчасти крупного погатого скота локайцев.

За пределами расселения локайцев ими использовались проходные пастбища среднегорья (частично и на своей территории) и высокогорные пастбища субальпийского и альпийского поясов.

Верхние зоны осенне-зимне-весенних пастбищ являются, в то же время, проходными для нижележащих полупустынных и пустынных зон.

Исключительно проходные пастбища расположены на высоте 1200—2400 м преимущественно в Центральном Таджикистане, а в Южном Таджикистане они распространены только в северной и северо-восточных частях его. В этой зоне значительные пространства были заняты под бо-

гарными посевами. Здесь преобладают розарии (заросли шиповника). В верхних частях к ним примешиваются различные кустарники: жимолость, барбарис и каратана (дикая акация). В этих зарослях развиваются многолетние злаки (ежа, луковичный ячмень), люцерна, вика тонколистная. На южных склонах преобладают юган зонтичный,¹ а также неподаемые виды многолетнего разнотравья. Эта растительность (за исключением неподаемых видов) в зеленом еще состоянии используется скотом при перегоне на летние высокогорные пастбища.

При обратном движении поголовья осенью на проходных пастбищах, а местами и на осенне-зимне-весенних, скот выпасается по жнивью убранных хлебов. Здесь скот ест и оставшиеся зеленые растения (сорняки, развившиеся после уборки культур), и осыпавшееся при уборке зерно. У работников животноводства стернь считается очень ценным местом для выпаса, способным сохранять высокую упитанность, полученную животными при летовке на высокогорье.

Летние пастбища субальпийской и альпийской зон вплоть до 40-х годов текущего столетия использовались локайцами только для выпасания овец, но за последние годы на них стала перегоняться и значительная часть конского поголовья локайских колхозов. Эти пастбища целиком расположены за пределами районов локайского расселения.

На пастбища субальпийской зоны (2400—3400 м над уровнем моря) скот доходит в течение июня. В этой зоне растительный покров представлен двумя основными типами: 1) луговые субальпийские сообщества в местах со значительным увлажнением и 2) степные субальпийские сообщества на более засушливых участках.

Первый тип представлен преимущественно лисохвостовыми или мятликовыми лугами с примесью других многолетних злаков — рисовидок, местами ежи. Все это крупные злаки, дающие травостой высотой до метра. Обычно эти луга очень засорены крупными сорняками (кузиния, шульха — конский щавель, крестовик джунгарский, бузульник, эремурус).

Второй тип, т. е. пастбища со степной субальпийской растительностью, представлены типчачковыми или ковыльными сообществами. К типчаку местами присоединяются мятлик, ковыль, костер и кузиния.

Низкотравные альпийские луга располагаются на высоте 3200—3800 м. Растительность представлена низкорослыми полукустарниками и многолетними травами, а также низкими мелкодернястыми злаками (высота 5—6 см). Они менее всех других видов пастбищ засорены. Сюда стада приходят не раньше половины июля и остаются до конца августа.

Богатейшие пастбища Таджикистана хищнически эксплуатировались в течение многих веков и тысячелетий. Южный Таджикистан, в частности страна Хутталъ (нынешняя Кулябская область), славился в древности своим скотоводством.² В средние века также многотысячные отары и табуны паслись на этих пастбищах. В мемуарах Бабура неоднократно встречаются упоминания о стадах в 30—40 тысяч овец у богатых феодалов Хисара, Чаганлана (долина реки Дурхан-Дарын) и Хутталя.

Хищническое использование вело к постоянному вырождению пастбищ, к замене высокоценных кормовых растений несъедобными сорня-

¹ Юган в зеленом виде не поедается, но скормливается в виде семя ошам и козам. Есть указание, что лошади при поедании югана сплепнут (Сяверкин А. П., Ук. соч., стр. 21).

² Белевичский А. М., Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. и. в., Материалы и исследования по археологии СССР. № 15. М.—Л., 1950, стр. 121.

ками. В результате этого, в наследство от прошлого, животноводство Таджикистана получило настолько засоренные пастбища, что они даже теперь дают низкий процент поедаемого корма.

Наши геоботаники-пастбишники, зоотехники и колхозные животноводы не ограничиваются, конечно, одной констатацией плачевного состояния пастбищ. Они разрабатывают и энергично проводят в жизнь мероприятия по восстановлению и улучшению пастбищ.

Вооруженные передовой мичуринской агробиологической наукой, они в ближайшем будущем не только восстановят, но и улучшат обширные пастбища Таджикистана и создадут условия для дальнейшего роста поголовья скота и повышения его продуктивности.

Весь прежний (дореволюционный) образ жизни локайцев свидетельствует о том, что животноводство являлось их основным и древним занятием. Вплоть до середины прошлого столетия оно носило экстенсивно-кочевой характер: локайцы вместе со скотом кочевали по сезонным пастбищам, летом подымаясь в более высокие части гор, а осенью спускаясь в предгорья и долины. Скот круглый год находился на подножном корму. Поэтому благосостояние локайцев зависело от природы, в основном от погоды. В те годы, когда погода благоприятствовала росту трав, когда зима бывала короткой и теплой, хорошо размножался скот, росло благосостояние скотоводов и, наоборот, в те годы, когда засуха сжигала траву, или зима выдавалась затяжная и снежная, или наступала гололеда, начиналась массовая гибель скота.

Рациональные средства борьбы с неблагоприятными природными условиями в основном сводились к искусству выпаса.

Локайцы разводили лошадей, мелкий и крупный рогатый скот, ослов и в очень незначительном количестве верблюдов.

Среди всех видов животноводства преобладающим было коневодство. У различных авторов в статьях и заметках, посвященных Восточной Бухаре, неоднократно встречаются упоминания об «огромных табунах» у локайцев.¹ Статистических данных о количестве скота у локайцев в дореволюционное время не имеется. А. Е. Снесарев приводит общий подсчет голов скота в Кулябском и Бальджуанском бекствах, «переданный туземцем»,² но эти цифры нам ничего не говорят, т. к. в Бальджуанском бекстве из 14 амлякдарств, приведенных А. Е. Снесаревым, только 6 имели локайское население, да и то не сплошное.

Распросные цифровые данные, показывающие количество поголовья скота в Локае³ на 1919 г., дает Ф. И. Лютко, но эти цифры также не могут дать правдивой картины, т. к. объединяют данные по разным племенам и народностям (локайцы, таджики, карлуки и др.), живущим на указанной территории, хозяйство которых имело неодинаковое направление. Но все же приведем цифры Ф. И. Лютко, чтобы иметь некоторое

¹ Маев Н., Очерки Гиссарского края, Туркестанские ведомости, 1875, № 10, стр. 35; Лилленталь, Гиссарское и Кабадианское бекства, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (в дальнейшем будем называть «Сборник материалов по Азии»), вып. LVII, СПб., 1894, стр. 318; Снесарев А. Е., Восточная Бухара, СПб., 1906, стр. 63; Логофет Д. Н., В горах и на равнинах Бухары, СПб., 1913, стр. 266; Варыгин М. А., Опыт описания Кулябского бекства, ИРГО, т. LII, вып. X, стр. 794 и др.

² Снесарев А. Е., Ук. соч., стр. 62.

³ Ф. И. Лютко под Локаем понимает территорию вывешних районов центрального подчинения: Кокташского, Яванского, Дагана-Кникского, Куйбышевского, правобережной части Курган-Тюбинского и северо-восточную часть Микоянабадского.

представление хотя бы о том, сколько примерно скота было у населения на указанной относительно небольшой территории на 1919 г.:¹

Лошадей рабочих	—	5 000	голов
Лошадей в табунах	—	51 000	»
Коров	—	15 000	»
Баранов	—	5 000 000	»
Коз	—	2 500 000	»

Этот же автор дает следующую характеристику насыщенности скотом отдельных хозяйств: «До 1919 г. в некоторых табунах Локая насчитывалось от одной до двух тысяч коней. Самый бедный бай и скотовод имел 100—150 коней. Некоторые овцеводы имели стада баранов до 5000 голов. В общем на каждый двор в Локае в этот период приходилось по три коровы».²

По данным же наших информаторов, относящимся к тому же периоду, что и сведения Ф. И. Лютко, т. е. к десяткам лет текущего столетия, в это время в занятиях всех слоев населения земледелие все более вытесняло скотоводство и начинало занимать ведущее место, но несмотря на это, поголовье скота, в частности лошадей, у отдельных баев было достаточно велико. Зажиточные локайцы имели до 100—200 лошадей, столько же или менее овец, несколько десятков коз и коров. Численность лошадей отдельных байских табунов доходила до 300—400 и более голов. Хотя Ф. И. Лютко, как мы видели выше, и говорит, что в отдельных табунах насчитывалось от одной до двух тысяч лошадей, нам ни разу не приходилось слышать о владельцах более тысячи лошадей.

Самым богатым из гиссарских локайцев считался Матам-бай из кишлака Гарау Яванского района. Он имел 1000 лошадей. Среди кулябских (бальджуанских) локайцев самым богатым был Халбаба из рода Чыркыравык, житель кишлака Сельбур. Он имел 900 лошадей и 3000 овец. Одним из богатейших был Амирали-бай из подразделения Бай-толыш рода Турт-ата, житель кишлака Бача-Мазар Советского района. Он имел 500 лошадей, 10 000 овец и 50—60 верблюдов. Ута-бай из рода Кзыл-бай имел 30 отар овец.

Такие баи, у которых было много овец, а тем более верблюдов, были исключением среди локайцев. Владельцы 3000—4000 овец были довольно редки. Как овцеводы славились карлуки. Среди них встречались владельцы 20—25 тысяч овец. Верблюдоводами были кунграты. Локайцы прежде всего были коневоды. Наиболее известным коннозаводчиком был Джуракул-токсаба из подразделения Ак-сары рода Эсен-ходжа, уроженец кишлака Чолташ Кокташского района. Он поставлял лошадей русским отрядам для военного ремонта. Славились кони яванских баев Мулла-Якуба и Мулла-Джала.³ Несколькими табунами владел Кума-бай из подразделения Кулумбет рода Эсен-ходжа, уроженец кишлака Гомсу Дангаринского района. Хотя поголовье его было немногочисленно, но отличалось породистостью.

В тех хозяйствах, где земледелие имело широкие размеры и носило товарный характер, коневодство отошло на второй план. Например, Мухаммади-бий из кишлака Беш-Булок (наиболее влиятельный человек из мергенов, подразделения рода Бадроглы) имел 80 пар рабо-

¹ Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 41.

² Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 41.

³ Мулла-Джала из кишлака Беш-кене — бывший владелец известного производителя сорок первого конного завода, по кличке «Красавчик», павшего в 1940 г.

чих волов и обрабатывал соответственное количество земли, прорыл канал на Арал-Тугае и там возделывал хлопок, который сдавал русским предпринимателям. Кроме того, он имел 500 овец и 200—300 лошадей. В долине Дагана-Су жил Тюрахан-бай. Он имел значительные посевы, собственную мельницу, 50—60 дойных коров, столько же ослов и 200—300 лошадей.

Хозяйством среднего достатка считалось такое, в котором имелось 2—3 пары рабочих волов, 5—6 дойных коров, сотня овец и коз, десяток лошадей и несколько ослов. Что касается верблюдов, то у рядовых локайцев их не было.

Весьма значительную прослойку у локайцев составляли бедняки. К ним могут быть причислены владельцы нескольких десятков овец и коз, одной-двух коров, одного осла и ездового коня, иногда еще одного вола. Такие хозяйства не могли прокормиться собственным скотом и находились в кабальной зависимости от байских хозяйств. Немало было батраков совершенно лишенных скота и других средств производства. По приблизительным подсчетам Ф. П. Лютко, они составляли 30% населения Локая.¹

Итак, ведущей отраслью дореволюционного скотоводства локайцев было коневодство, второе место занимало овцеводство. Что касается разведения крупного рогатого скота, то оно стало расширяться только с переходом к земледелию. Казалось бы, что до перехода к земледелию, когда основную пищу составляли молочные продукты, разведение молочного крупного рогатого скота должно было занимать выдающееся место. Однако этого не случилось в силу ряда определенных причин. Прежде всего разведение крупного рогатого скота в условиях кочевого и воинственного образа жизни упирается в проблему обеспечения его кормом. Как известно, крупный рогатый скот не может тебеневать, а заготавливать для него в необходимом количестве корм в описанных выше условиях не представлялось возможным. Разведение его при кочевом образе жизни затруднено также и малой подвижностью этого вида скота.² Недаром локайцы, как и казахи, относились даже с некоторым пренебрежением к крупному рогатому скоту.³ По выражению локайцев, его «за скотину не считали» («Молго хисобламас эди»). Кроме того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что вследствие низкой продуктивности местной породы в отношении молока разведение коров не являлось особенно выгодным в смысле обеспеченности хозяйства достаточным количеством молока. С этой целью было гораздо выгоднее разводить крайне неприхотливых и весьма подвижных коз, вследствие чего козоводство у локайцев, особенно среди бедных слоев населения, было довольно развито. Кроме того, молоко давали и овцы, разведение которых составляет одну из характерных черт кочевого скотоводства. Наконец приходится иметь в виду и подверженность крупного рогатого скота в условиях жаркого климата различным кровепаразитарным заболеваниям.

С расширением земледелия положение изменилось: с одной стороны, земледелие давало корм для зимнего стойлового содержания крупного рогатого скота (в виде соломы, отрубей и жмыха); с другой стороны,

¹ Лютко Ф. П., Басмачество в Локае, стр. 31.

² Подобная картина наблюдалась и у других кочевых скотоводческих народов, в частности, у казахов, как это наглядно показано в работе проф. Л. П. Потанова «Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни» (Сборник МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 48—49).

³ Там же.

скот этот получил новое применение — он стал необходимой тягловой силой для полевых работ.

В связи с изложенным возникает ряд вопросов. Было ли коневодство ведущим занятием локайцев еще в отдаленном прошлом или оно получило широкое развитие только после того, как локайцы заняли бассейн правых притоков Аму-Дарьи, область, которая еще в древности, за много веков до их прихода туда, славилась лошадьми, «подобных которым нет ни в одной из других стран»?¹

Почему высокопродуктивное гиссарское овцеводство не заняло большого места в хозяйстве локайцев-кочевников?

Для того, чтобы ответить на это нам придется обратиться к вопросу о происхождении породы локайских лошадей и гиссарской овцы. Это необходимо еще потому, что попытки выяснить эту проблему исследователями-зоотехниками без привлечения исторических, археологических и этнографических материалов привели авторов к ошибочным выводам.

Локайцы разводили не очень крупных, но выносливых верхово-вьючных лошадей, сильных, ловких и довольно резвых. Эти лошади под названием локайских или гиссарских были известны далеко за пределами Восточной Бухары.

Локайские коневоды обычно считают, что их деды вывели локайскую лошадь из Балха (поскольку локайцы считают себя выходцами из Балха), что карабаирская, локайская и афганская лошади представляют одну породу и что в настоящее время локайская лошадь «испорчена» примесью крови киргизской лошади.²

Как дореволюционные, так и первые советские наблюдатели считали локайскую породу разновидностью карабаирской или киргизской.³

Вопрос о происхождении локайской лошади, как самостоятельной, отличной от карабаира, породы впервые поставлен Г. Г. Хитенковым, первым исследователем локайской лошади.⁴

В своих изысканиях Г. Г. Хитенков опирался на два непереложных для него положения:

1. Когда локайцы пришли в Среднюю Азию вместе с другими узбекскими племенами во главе с Шейбани-ханом, они привели и свою узбекскую лошадь монгольского корня.

2. Локайцы на новых местах продолжали разводить эту же породу, т. к. они при занятии новых земель вытеснили коренных жителей вместе с их скотом.

Исходя из этих положений, Г. Г. Хитенков, для выяснения происхождения локайской лошади, сопоставляет исторические данные ее с данными ряда других конских пород, «которые на протяжении истории могли быть в соприкосновении с нею, или же могли быть непосредственными ее родоначальницами».⁵ Однако эти сопоставления не дали никаких достоверных данных для указания исходной породы или хотя бы той породы, которая оказала наибольшее влияние на формирование локайской

¹ Беленицкий А. М., Историко-географический очерк Хутгалия..., стр. 165.

² Записано от известного локайского коневода, ныне покойного, Куандыка Алишева из кишлака Шурча Яванского района.

³ Шахназаров А. И., Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908; стр. 331; Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб., 1911, стр. 126—127; Кологривов Ю., О карабаирской породе лошадей, Практическая ветеринария и коневодство, № 8—9, 1925, стр. 72—80.

⁴ Хитенков Г. Г., Локайская лошадь, Конские породы Средней Азии, М., 1937, стр. 220—233.

⁵ Хитенков Г. Г., Ук. соч., стр. 223.

лошади. Не будучи в состоянии прийти к определенным выводам на основании нипологических данных, Г. Г. Хитенков обращается к естественно-географическим и историко-этнографическим материалам. Отмечая горный рельеф страны, изолированность ее и удаленность от торговых путей, а также разбойничий образ жизни локайцев. Г. Г. Хитенков приходит к следующему выводу: «Многовековой отбор по силе, выносливости и резвости в соединении с горными условиями табунного содержания, некоторое прилитие крови арабских лошадей, а также возможно улучшение номутской лошадию и карабаирами и создали из не крупной узбекской лошади монгольского корня то, что мы сейчас наблюдаем: прекрасную верхово-вьючную лошадь».¹

В статье М. Е. Массона «К истории происхождения локайской лошади» с большой обстоятельностью опровергается приведенный выше вывод Г. Г. Хитенкова. Основываясь на обширном и разнообразном историческом материале, М. Е. Массон приходит к выводу, совершенно отличному от Г. Г. Хитенкова. При этом М. Е. Массон исходит из трех основных положений:

И 1. Территория, на которой в настоящее время разводится локайская лошадь, с очень отдаленных времен (первые сведения относятся к 360 г. до н. э.) славилась своими лошадьми. В средние века лошади этих областей были известны под названием хуттальских или хутталяиских по имени страны Хутталь (она занимала территорию между Вахшем и Пянджем). Эти лошади, «подобных которым нет ни в одной из других стран», вывозились «во все страны», в том числе и в культурные оазисы Средней Азии».²

И 2. Локайцы не узбеки по происхождению и, несомненно, пришли на территорию современного их обитания задолго до узбеков XVI в., возможно даже в VI—VIII вв., поэтому нет оснований считать локайскую лошадь узбекской (монгольского корня). V

И 3. Нет оснований допускать, что завоеватели (будь то монголы, узбеки или другие), расселяясь по равнинным и предгорным частям Средней Азии, вытесняли отсюда коренных ираноязычных жителей вместе с их скотом. Наоборот, можно думать, «что, обосновавшись на новых местах, пришельцы освоили разведение уже существовавших здесь пород горных лошадей, как более приспособленных к местным условиям географической среды».³

Исходя из этих основных положений, М. Е. Массон приходит к выводу, что «локайская лошадь несет в себе кровь издревле славившихся хуттальских верхово-вьючных лошадей горного типа, очевидно родственных также бадахшанским и другим лошадям верховьев Аму-Дарьи и известным еще до арабского завоевания».⁴

Этот вывод М. Е. Массона поддерживает и А. М. Беленицкий в статье о хуттальской лошади.⁵

Прежде, чем высказать свою точку зрения на генезис локайской ло-

¹ Там же.

² Массон М. Е., Ук. соч., стр. 53—55. Многочисленные извлечения из исторических источников о замечательных хуттальских лошадях, а также примеры викториментного прославления их в средневековой арабо-персидской поэзии приведены в статье А. М. Беленицкого «Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании» (Советская этнография, № 4, 1948, стр. 162—167).

³ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 57.

⁴ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 57.

⁵ Беленицкий А. М., Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании, Советская этнография, № 4, 1948, стр. 167.

шад, обратимся еще к интересной статье проф. В. О. Витта.¹ В этой статье для нас представляет особый интерес следующее подытоживающее высказывание:

«Все данные говорят о том, что в наиболее чистом виде искомого кастронопута какой бы то ни было метизацией, лошади древнего Востока представлена ахал-текинской породой. Намутская лошадь Туркмении хотя и близка к ахал-текинской, но все же несколько от нее отжигается. Карабапры и докайны, чрезвычайно ценные породы наших среднеазиатских республик, образовались от скрещивания древних исконных пород Средней Азии с породами, введенными туда завоевателями-монголами».²

Как видим, концепция М. Е. Массона, с одной стороны, близка к точке зрения В. О. Витта и как бы уточняет ее, называя ту древнюю исконную породу, которая явилась родоначальницей докайской лошади, но с другой стороны, концепция проф. М. Е. Массона, исходя из сравнительных данных Г. Г. Хитенкова и неузбекского происхождения докайцев, молчаливо предлагает отрицание влияния лошадей монгольского корня на докайскую.

Напротив, В. О. Витт, как нам кажется, несколько преувеличивает роль лошадей тюркско-монгольских завоевателей в образовании докайской породы.

Генезис докайской лошади представляется нам в следующем виде.

Хуттальские лошади, славу которых исторические источники фиксируют вплоть до монгольского завоевания,³ с приходом тюрко-монгольских племен не должны были исчезнуть бесследно, вытесненные в горы вместе с коренным населением. Кочевники-скотоводы (будь то тюрки до и послемонгольского времени или узбеки XVI в.), неоднократно занимавшие эти издревле славившиеся скотоводством области по верхнему течению Аму-Дарьи, знали цену лошади и, разрушая земледельческую культуру, не должны были уничтожать или изгонять культурные породы лошадей и других видов скота. Наоборот, как заметил М. Е. Массон,⁴ они должны были заменять постепенно свой малоценный и неприспособленный к местным условиям скот местными культурными породами.⁵

Лошади пришельцев также не могли моментально исчезнуть и, несомненно, должны были в какой-то степени повлиять на местные породы, в частности на хуттальскую лошадь, но это влияние не должно было быть существенным, т. к. в результате поглотительной метизации (в чем нельзя сомневаться, принимая во внимание выдающиеся качества хуттальской лошади и ее приспособленность к местным условиям) пришлые породы должны были быстро раствориться в коренной. Это подтверждается хотя бы тем, что одно-полтора столетия спустя после узбекского завоевания лошади Южного Таджикистана попрежнему славятся в сопредельных странах и также, как тысячелетия тому назад, они вывозились в соседние страны.

¹ «Лошадь древнего Востока». Она помещена в сборнике «Кожские породы Средней Азии» первой и является как бы введением ко всем последующим статьям, в том числе и к статье Г. Г. Хитенкова о докайской лошади. К сожалению, эта работа недостаточно учтена Г. Г. Хитенковым.

² Там же, стр. 32.

³ Белецкий А. М., Хуттальская лошадь... стр. 165.

⁴ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 57.

⁵ Следует подчеркнуть, что природные условия Южного Таджикистана значительно отличаются от других мест Среднеазиатского Междуречья, не говоря уже о степях к северу от Сыр-Дарьи.

В этом отношении примечательны слова французского врача Франсуа Бернье, прожившего ряд лет в Могольской Индии во времена Аурангзеба в XVII в.: «Индостан нуждается даже в большом количестве лошадей: известно, что из Узбекистана он получает ежегодно более двадцати пяти тысяч, из Персии, через Кандагар, их также привозят немало, а некоторое количество прибывает из Эфиопии, Аравии и Персии морем — из портов Мокхи, Бассоры и Бендер-Аббаса».¹ Далее, описывая армию Аурангзеба, Бернье пишет: «Здесь же Кобат-хан, или главнокомандующий кавалерией, тщательно осматривает лошадей новых всадников, поступающих на службу. Если лошади оказываются тюркской породы, т. е. из Туркестана или Татарии, и достаточно рослы и крепки, им ставят на бедро раскаленным железом государево клеймо и клеймо эмира, под команду которого всадник зачисляется».² Так же, как много веков тому назад, послы из Средней Азии в дар правителю Индии привозили коней — в 60-х годах XVII в. узбекские послы привозили Аурангзебу среди других подарков «...очень красивых лошадей (хотя обыкновенно татарские лошади скорее хороши, чем красивы)... Аурангзеб не преминул выразить удовольствие за щедрость ханов и преувеличенно похвалил красоту и редкость фруктов, лошадей и верблюдов...».³

Среди ввозимых Индией из Узбекистана лошадей, несомненно, большое место принадлежало лошадям с территории современных Северного Афганистана и Южного Таджикистана. Во-первых, потому что эта территория еще в предреволюционные годы среди административных кругов продолжала называться Узбекистаном, как земли узбекских кочевых племен.⁴ Во-вторых, вплоть до нашего времени Индия ввозила лошадей из Афганистана,⁵ а в самой афганской армии существенное место занимали лошади узбекского племени катаган,⁶ «легкие, хорошие, рослые».⁷ Локайские лошади вывозились в конце прошлого столетия в Бадахшан, и отсюда перепродавались в Кабул.⁸

Что касается локайцев, то нам думается, они потому и заняли северную половину современного Южного Таджикистана, что были прежде всего коневодами,⁹ и поэтому могли оценить как достоинства местных

¹ Бернье Франсуа, История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, Перевод с французского, М.—Л., 1936, стр. 184.

² Там же, стр. 214.

³ Там же, стр. 129.

⁴ Семенов А. А. Очерк поселенно-позатного и палогового устройства бывшего Бузарского ханства, Труды Среднеазиатского Государственного Университета, серия II, вып. I, Ташкент, 1929, стр. 15.

⁵ Рейснер М. Г., Афганистан, Экономико-географическая характеристика, М., 1946, стр. 50.

⁶ Гродиков Н. И., Через Афганистан, Путевые записки Генерального Штаба войсковых войск, СПб. 1880, стр. 50.

⁷ Несарев А. Е., Афганистан, М., 1921, стр. 120.

⁸ Февраев И., Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Канды-Вавч и до Керки, Военный сборник, 1895, № 10, стр. 429.

⁹ В этой связи интересно указать на одно место из преданий казахов, приведенных Н. И. Гродиковым: «Размножившись и разбогатея, киргизы начали распространяться во все стороны; причем, заняли: Великая орда (улу юз) — юг, около названных мест, Средняя орда (орта юз) — места, удобные для табунов, а Малая орда (киши юз) — местности, пограничные с Россией». (Разрядка мана—Б. К.) (Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области, Ташкент, 1889, т. I, стр. 2—3). Напомним, что сопоставление локайских этнонимов с казахскими дало наибольшее число совпадений среди племен Средней орды. На ведущую роль коневодства у казахов Средней орды имеются указания и в историко-этнографической литературе (например: Руденко С. И., Очерк быта северо-восточных казахов, Казах, Сборник III, Л., 1930, стр. 12).

пастбищ, так и достоинства местных лошадей и не заметили пополнили ими свои табуны. Привлекая к уходу за этими лошадьми местных коневодов, они быстро освоили специфику местного коневодства, а также внесли, несомненно, и свои методы в технику разведения, выращивания и содержания лошадей; что касается тех лошадей, которых привели локайцы с собой, то они должны были, конечно, сыграть некоторую, хотя бы и весьма незначительную, роль в формировании современной локайской лошади, как отмечалось выше. Эти лошади вряд ли были однородны: в табунах завоевателей, наряду с лошадьми из Дешти-Кыпчака, должно было быть немало лошадей среднеазиатских пород, захваченных узбеками по пути следования, на что имеются указания в письменных источниках.¹

По представлению Г. Г. Хитенкова, лошади из Дешти-Кыпчака, т. е. лошади самих узбеков, были мелкими мохнатыми монгольскими лошадьми.² Нам кажется, что это мнение ошибочно. Как известно, современные лошади казахских степей хотя и монгольского корня, но несколько видоизменены под влиянием среднеазиатских верховых пород.³ Это видоизменение, как нам думается, не есть результат лишь послезубекского периода, а гораздо более длительного времени, т. к. тесная экономическая и политическая связь между казахской степью и Средней Азией существовала с очень отдаленных времен и никогда не прекращалась.

В этой связи интересно заметить, что такой тонкий наблюдатель, как Бабур, нигде не говорит о лошадях своих врагов узбеков, в то время, как лошади моголов из крайних восточных областей Моголистана сразу обратили на себя его внимание. Вот как описывает он свиту своего дяди, младшего моголистанского хана, прибывшего к ташкентскому хану с далекой окраины, граничащей с современной Монголией: «Люди младшего хана были все наряжены по-могольски — в могольских шапках и атласных халатах, шитых золотыми блестками. У них были могольские колчаны, седла из зеленой шагрени и могольские кони. Все это было под стать их необычайному наряду».⁴ Хотя Бабур и не говорит, каков был внешний вид этих коней, но мы вправе предполагать, что это были монгольские кони и они Бабуру, так хорошо знавшему лошадей узбеков и моголов западных областей Моголистана, показались необычными.

Для нас представляет интерес одно место из известного сочинения «Тарихи Рашиди» Мухаммед-Хайдера, современника и близкого родственника Бабура, а именно, описание посещения моголистанским ханом Султаном-Сандом казахского хана Касыма осенью 1513 г. на берегах реки Чу. Султан-Санд на всю жизнь запомнил чрезвычайно радужный прием, оказанный ему ханом Касымом, и любил рассказывать своим приближенным о двадцатидневном пребывании у Касыма в качестве гостя: «После первого нашего свидания, Касим обратился ко мне со словами: «Мы жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, главное наше

¹ Мукминова Р. Г., Ук. соч., стр. 73.

² Хитенков Г. Г., Ук. соч., стр. 222.

³ Калинин В. И., Яковлев А. А., Коневодство, М., 1947, стр. 111.

⁴ В результате исследования лошадей Пазырыкских курганов, проф. В. О. Витт пришел к весьма интересным выводам, которые в данном случае наводят на мысль, что лошади казахских степей, наоборот, генетически приближаются к среднеазиатским лошадям, но постоянно, в течение длительного времени испытывали влияние лошадей монгольского корня. (Витт В. О., Лошади Пазырыкских курганов, Советская археология, т. XVI, М.—Л., 1952, стр. 188 и сл.).

⁵ Бабур Захириддин, Бабур-Намэ, Перев. М. Салье, Ташкент, 1948, стр. 128.

богатство состоит в лошадях: мясо и кожа их служат нам лучшей пищей и одеждою; а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него готовится; в земле нашей нет ни садов, ни зданий; полюбоваться скотом, который пасется — вот цель наших прогулок: подем же в табуны, поглядим на лошадей, и кетати проведем несколько времени в приятном сообществе». Когда мы приехали, хан показал мне весь свой скот, и сказал: «У меня есть две лошади, которые одни стоят всего табуна». Их привели. Хан (Султан-Сайд — Б. К.) часто говаривал потом, что он в жизни не видал подобных лошадей. Касим, когда привели лошадей, обратился к хану и сказал: «Степнякам без коня жизнь не в жизнь; эти два коня для меня — самые надежные из всех; обоих подарить не могу; но вы — дорогой гость — выберите себе любого, только другого оставьте мне». При этом Касим описал достоинства обеих лошадей. Хан взял себе одну, ее звали Оглан Турук; действительно, подобной лошади мне не случалось видеть никогда, — восклицает автор сочинения. Касим отобрал еще из табуна несколько лошадей для хана.¹

Надо полагать, что эти два коня не были выращены в табунах самого хана Касыма, а, как показывает кличка «Оглан-Турук», были туркменского происхождения и достались Касыму в виде военной добычи или дара от какого-нибудь вассала, который, в свою очередь, мог добыть их на войне (разумеется, возможно также, что Касим купил их или выменял).

Наличие таких коней у хана Касыма не говорит, конечно, что подобные выдающиеся лошади часто встречались и оказали существенное влияние на конское поголовье племен Дешти-Кыпчака. Однако у султанов и родоплеменной знати, которым в основном доставалась военная добыча, лошади среднеазиатских пород должны были быть и они не могли не повлиять на лошадь казахских степей, так как при табунном пастбищном коневодстве скрещивание различных пород было неизбежно.

Итак, мы полагаем, что лошади завоевателей узбеков (стало быть и локайцев) XVI в. значительно отличались от настоящих монгольских лошадей и скорее всего были близки к современным казахским лошадям. Они-то и внесли, повидимому, некоторую грубость, которая наблюдается у части локайских лошадей.

Следует учесть еще один существенный момент при изучении генезиса локайской лошади. С приходом локайцев основное направление коневодства не изменялось. Локайцам также была нужна верхово-вьючная лошадь горного типа и отбор локайцами велся в этом направлении. Естественный отбор, роль которого в суровых условиях табунного содержания велика, совпадал с искусственным отбором.

В связи с этим общим направлением локайского коневодства следует отметить, что локайцы охотно шли на метизацию своих лошадей с близкими по типу лошадьми современного Северного Афганистана (бадахшанскими, андойскими и др.), которые так же, как хутталльская, с древних времен были известны как прекрасные верхово-вьючные горные лошади. Однако скрещивать своих лошадей с туркменскими и в частности ахалтекинской породы, локайцы не очень стремились, считая последних мало-сильными. Локайцы свою лошадь относили к так называемому типу «жабы» или «ябу», противопоставляя ее типу туркменских лошадей,

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1886, стр. 165—166. Интересно заметить, что Мухаммед-Хайдар в дальнейшем издании Касыма называет Узбекистаном и казахов еще называет *убоками*.

называемому «тобычак». Термины эти широко известны среди тюрко-монгольских народов: под термином «джабе» понимается некрупная, но плотная и крепкая лошадь верхово-вьючного типа;¹ под термином «тобычак» или «тобырчак» разумеется большая красивая лошадь.²

По словам некоторых локайских коневодов, в дореволюционное время коневод Тюрахан-бай, имевший около двухсот лошадей, ставил в косяки туркменских производителей типа «тобычак» и имел от них крупных хороших лошадей. Такие единичные случаи всегда были возможны, но они, идя вразрез с общим направлением локайского коневодства, не должны были оставить заметного следа в породе.

Ошибку Г. Г. Хитенкова в вопросе о происхождении локайской лошади повторяют специалисты по овцеводству в отношении гиссарской породы овец. Наши пока еще очень скромные преимущественно этикографические материалы привели нас к мнению, отличному от установившегося в зоотехнической литературе относительно происхождения этой породы.³

В Южном Таджикистане издавна разводится порода курдючных овец, известная в настоящее время под названием гиссарской. Овцы этой породы представляют значительно обособившуюся ветвь курдючных овец. От других пород они отличаются прежде всего своей выдающейся величиной, а также внешним видом. Это — самая крупная в мире овца. Кроме того, гиссарские овцы отличаются большой скороспелостью, крепостью и выносливостью. Недостатком же породы является малый выход шерсти и грубость ее.⁴

Проблему происхождения курдючных овец, а равно и вопрос о месте их выведения и первоначального разведения, нельзя считать окончательно

¹ «байо» — простая худая лошадь, вича (в Кавказстане «байо» — взрослые дикие коньки — виходцы, лучший вьючный скот в горах, превосходящее (верблюдов)». Будагов Л., Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 320; полковник Н. И. Гродеков называет «эбу» вьючных лошадей в афганской армии. (Через Афганистан, СПб., 1880, стр. 5).

² В советском коневодстве лошадей типа «джабе» называется казахская лошадь, встречающаяся на юго-западе и юго-востоке Казахстана в предгорьях и долинах, плотную, хорошо набирающую осенью жир, лошадь. Она, наряду с работягой, считается как наиболее ценное животное. Калинин В. И., Яковлев А. А., Коневодство, М., 1947, стр. 112.

³ «Топчи» — жирная и красивая лошадь, в уйгурском: большая лошадь из «индийских стран». Будагов Л., Ук. соч., т. I, стр. 742.

⁴ «Топчи» — 1) жирная красивая лошадь. Радаев В. В., Опыт словаря турецких наречий, т. III, вып. IV, стр. 1230. «توپچی موریر» — «топчи» — арабская лошадь». Монгольский словарь «Мушаддидат аль-Адаби», ч. I—II, М.—Л., 1938, стр. 369. «тобырчак»: 1) Хорошая большая лошадь; большой конь. Юлдаши К. К., Киргизско-русский словарь, М., 1941, стр. 304.

² Киржанова Б. Х., К истории происхождения гиссарской овцы. Доклады Академии наук Таджикской ССР, вып. VII, Сталинабад, 1953, стр. 45—50.

³ Живой вес гиссарских маток в возрасте 4,5 лет в среднем составляет 98 кг, колебаниями от 64 до 126 кг. Вес баранов того же возраста в среднем 130 кг с колебаниями от 98 до 192 кг. Подробную характеристику гиссарской породы см. Азаров С. Г. и Бригиде О. И., Овцеводство Таджикистана, М., 1930; Лебедев И. Г., Производственная характеристика гиссарских овец в сопоставлении их состояния в целях селекции на мясо-сальные и шерстяные качества. Животноводство Таджикистана, Сталинабад, 1943; Любавский А. В., Гиссарские овцы, М., 1949; Иванов М. Ф., Курс овцеводства, М., 1950; Князкин П. Ф., Курдючное овцеводство в Узбекистане, Ташкент, 1952; Лебедев И. Г., Гиссарские овцы и пути их совершенствования, Сталинабад, 1952.

но решенными. В последнем посмертном издании учебника академика М. Ф. Иванова «Курс овцеводства», отредактированном видными советскими учеными, высказано мнение, что образование курдючных овец произошло в Средней Азии.¹

Некоторые исследователи полагают, что курдючные овцы приведены в Среднюю Азию из Центральной Азии монголами в XIII в.²

Относительно происхождения той ветви курдючных овец, которая нас интересует, ничего достоверно неизвестно. Среди специалистов-зоотехников установилось мнение, впервые высказанное покойным С. Г. Азаровым, первым исследователем гиссарских овец. Вкратце оно сводится к следующему.

Гиссарские овцы имеют общий корень с другими курдючными овцами, от которого дали обособившуюся ветвь. Обособление и выработка выдающихся качеств происходило в пределах Таджикистана в течение последних 400—700 лет, благодаря весьма благоприятным физико-географическим условиям и высокому мастерству овцеводов.

Свое заключение относительно сроков выведения этой породы С. Г. Азаров, а за ним и остальные исследователи обосновывают следующим положением: гиссарские овцы, по их словам, называются местным населением *узбекскими* и разводятся преимущественно *узбекскими* племенами. При этом здесь имеются в виду так называемые полукочевые узбекские племена, которые, как известно, переселились из Дешти-Кыпчака в Среднюю Азию, в том числе и в Южный Таджикистан, в начале XVI в. Не сомневаясь в том, что эти племена привели своих овец, исследователи-зоотехники и делают вывод о том, что гиссарская порода овец была создана в течение последних 400 лет.³

Что касается срока в 700 лет, то он опирается на приведенную нами легенду, бытующую среди локайцев, об их происхождении от одного из чингизидовых военачальников.

С. Г. Азаров рекомендует называть гиссарскую породу даже локайской «по имени локайского рода, обладающего лучшими стадами этой породы».⁴

Согласно нашим неоднократно проверенным материалам, гиссарская овца вовсе не называлась в прошлом узбекской и узбеки — выходцы из Дешти-Кыпчака, которых имеют в виду зоотехники, среди племен Южного Таджикистана никогда в прошлом не считались выдающимися овцеводами.

Гиссарская овца местным тюркоязычным населением называлась (нередко называется и до сих пор) «тюрки кой», а горными таджиками, как любезно сообщил нам Н. Н. Ершов, — «гусфанди тюрки», что в обоих случаях значит «тюркская овца».

Объясняется это тем, что в дореволюционное время эту породу овец разводили преимущественно славившиеся как выдающиеся овцеводы племена тюрк, карлук, барлас, муса-базари, калыта-той и мугул (мугул).

¹ Иванов М. Ф., Курс овцеводства, М., 1950, стр. 18.

² Азаров С. Г. и Бригис О. И., Ук. соч., стр. 62 и 66; Лебедев И. Г., Производственная характеристика..., стр. 60—61; Литовченко Г. Р., Вопросы овцеводства Монгольской Народной Республики, Труды Монгольской комиссии, вып. 43, М., 1953, стр. 9.

³ Под узбеками, как уже говорилось выше, мы разумеем именно эти так называемые полукочевые узбекские племена, которые вошли в состав узбекского народа, прошедшего длительный и сложный путь этнического развития, одним из последних компонентов и передали ему свое имя.

⁴ Азаров С. Г. и Бригис О. И., Ук. соч., стр. 61.

объединяемые местным населением в одну группу под общим именем «тюрк». Овцеводство для них являлось главным, порой единственным занятием.

Как мы пытались показать в разделе о происхождении локайцев, эти племена в бассейне верхнего течения Аму-Дарьи жили задолго до тех узбеков, которых имеют в виду зоотехники, и вплоть до недавнего времени как по языку (разные диалекты узбекского языка), так и этнографически существенно отличались от узбекских племен, переселившихся из-за Сыр-Дарьи в XVI в.

В дореволюционное время среди узбекских племен Южного Таджикистана (Локай, дурмен, кунграт, катаган, марка и др.), конечно, встречались крупные овцеводы, но это занятие не считалось их спецификой, в то время как для доузбекских тюркоязычных насельников, особенно для карлуков (самоназвание каллык), разведение гиссарской овцы было специфично. Недаром, например, в народе говорились «Карлук создан богом для овец», «Карлук — мать овец», «Карлук знает язык овец».¹

Следует отметить, что А. Е. Снесарев, посетивший Восточную Бухару в 1904 г., называет эту породу также тюркской.²

Для гиссарских овец местным населением, преимущественно узбеками, иногда употребляется еще название кора куй (простые овцы). Оно, согласно П. Ф. Кияткину и по нашим материалам, бытует и среди узбеков Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР.³

Наименование «узбекская овца» (узбеки кой) употребляется теми или в разговоре с теми, кто недостаточно сведущ в тонкостях родоплеменного деления. Это и ввело в заблуждение С. Г. Азарова и других зоотехников. Яркой иллюстрацией сказанному может служить следующий факт. Как отмечалось выше, С. Г. Азаров ошибочно рекомендует называть гиссарскую породу локайской. Исследователь, будучи недостаточно знакомым с историей и этнографией впервые им посещаемого края, не смог увидеть различий между племенами и все тюркоязычное население Яванской долины принял за локайцев, в то время как экспедиция, начальником которой он был, обследовала стала карлуков овец: кишлак Парча-Сай и другие кишлаки восточной половины Яванской долины, где в основном работала экспедиция, населена карлуками. Они-то и обладали лучшими стадами. Локайцы же занимают западную половину Яванской долины и в их животноводстве в прошлом (вплоть до коллективизации, а следовательно, и в те годы, когда проводил свои обследования С. Г. Азаров) овцеводство всегда занимало второе место, уступая первое место козоводству. Как мы пытались показать, разведение известных локайских лошадей было специфично для хозяйства локайцев и подлинными овцеводами они себя никогда не считали, всегда подчеркивая превосходство племени тюрк и карлук в этом деле.

Что касается наименования «гиссарская овца», то оно в прошлом употреблялось в городах, отдаленных от мест разведения этой породы, в таких, как Бухара, Самарканд, Кожанд, Гузар, Карши и др., на рынках

¹ В этой связи не менее интересно заметить, что в овцеводческом союзе «Гиссар» с начала его организации и по сей день чабанами работают исключительно карлуки. Выражение «знает язык» в узбекском языке, употребляется в смысле «знает все тонкости мастерства», «полностью овладел мастерством».

² Снесарев А. Е., Восточная Бухара. Сборник материалов по Азии. вып. 78. СПб., 1906, стр. 59. В тексте «тюркской» — явная опечатка.

³ Кияткин П. Ф., Ук. соч., стр. 14.

которых отары этих овец пригонялись из «Хисара» (Гисар). В этих городах под Хисаром нередко разумели не только Гиссарское бекство, но и другие, прилегающие к нему области, т. е. всю Восточную Бухару.

Таким образом, основание для предположения о четырехсотлетнем или семисотлетнем «возрасте» гиссарской породы овец нельзя считать научным, так как оно базировалось на неправильном понимании позднего термина, а также явилось следствием путаницы, допущенной при знакомстве с определенными группами населения. Не потомки десятикыпчакских узбеков, пришедших в начале XVI в. из-за Сыр-Дарьи, а доузбекские тюркоязычные племена занимались в основном разведением гиссарских овец в Южном Таджикистане в дореволюционное время.

Данные письменных источников также подтверждают наши этнографические наблюдения в части широких размеров овцеводства у доузбекского населения Южного Таджикистана. Например, Захриддин Бабур в известных мемуарах, описывая свои скитания по Хисару (Гиссарская долина), Чаганиану (долина Сурхан-Дарьи) и Хутталю (область между Вахшем и Пянджем) накануне завоевания этих областей Шейбани-ханом, неоднократно упоминает о стадах в 30—40 тысяч овец у отдельных феодалов упомянутых владений.¹

Для разрешения проблемы происхождения курдючных овец, в частности гиссарской породы, первостепенное значение имеет изучение костей домашних животных, обнаруживаемых при археологических раскопках. К сожалению, этот материал для Средней Азии далеко недостаточен. Однако, несмотря на скудость его, можно высказать некоторые предположения, основываясь на работах археологов.

Согласно данным Семиреченской археологической экспедиции, в Семиречье, т. е. в северо-восточной части Средней Азии, уже во времена усуней (III в. до н. э. — II в. н. э.) была известна курдючная овца.² Семиречье в тот период поддерживало тесные культурные связи с южными частями Средней Азии, в частности с Бактрией, что весьма важно для нас, так как в состав последней входила территория нынешнего Южного Таджикистана.

В середине II в. до н. э. под натиском гуннов начались передвижения кочевых народов Средней и Центральной Азии. В числе различных кочевых племен, которые во главе с да-юэчжи при поддержке оседлого земледельческого населения Средней Азии разгромили Греко-Бактрийское царство, была и часть усуней. Эти кочевые племена поселились в основном в бассейне верхнего течения Аму-Дарьи, т. е. в Бактрии, которая впоследствии стала называться Тохаристаном по имени одного из племен.³

Во все последующие века продолжается приток в интересующие нас области Средней Азии кочевых скотоводческих народов с севера и северо-востока. И все они не могли миновать Семиречья. Оно лежало на их пути.

В V в. эфталиты разгромили царство Великих кушан, а в середине VI в. эфталиты в свою очередь были разгромлены тюрками, кочевниками-скотоводами из Южной Сибири. Центр западного тюркского кагана-

¹ Бабур Захриддин, Бабур-Нама, Ташкент, 1948.

² Труды Семиреченской археологической экспедиции, «Чуйская долина», составлены под руководством А. Н. Бернштама, Материалы и исследования по археологии СССР, № 14, М.—Л., 1950, стр. 61.

³ Гафуров Б. Г., История таджикского народа в кратком изложении, т. I, Госполитиздат, 1962, стр. 73—74.

та, в состав которого вошла вся Средняя Азия, находилась в Семиречье.

Карлуки, которые для нас представляют особый интерес, были выходцами из Западного Алтая¹ и являлись также кочевым скотоводческим народом. Они в 766 г. заняли Семиречье и Фергану и господствовали в этих областях почти 200 лет. Но часть карлуков покинула Алтай значительно раньше основной массы и, как мы отмечали, уже в начале VIII в. обитала в бассейне верхнего течения Аму-Дарьи.

Как известно, кочевые скотоводческие племена в захватываемые и занимаемые области передвигались с семьями, со всем скотом и скарбом. Таким образом, есть все основания предполагать, что курдючные овцы могли попасть в Южный Таджикистан с пришедшими сюда племенами еще в период II в. до н. э. — VIII в. н. э.

Кроме всего сказанного, еще следует иметь в виду, что связь Семиречья с южными и юго-западными частями Средней Азии (в особенности с Согдом, который непосредственно примыкал к Тохаристану), проявлялась не только и не столько в переселении в эти области кочевых населения Семиречья и прилегающих областей. Она прежде всего проявлялась в торговле. Торговые связи приняли особенно широкий размах, начиная со второй половины VI в., когда Согд, как и вся Средняя Азия, вошел в состав западного тюркского каганата с центром в Семиречье и когда не только кочевники передвигались в Согд (и дальше на юг), но и множество согдийских колоний появилось по всему Семиречью. Тесный культурный взаимообмен между Согдом и Семиречьем продолжался во все последующие века вплоть до монгольского нашествия.

Вместе с тем не следует забывать и другой возможности: гиссарская овца могла иметь и более ранние местные корни. В Гиссарской долине и Южном Таджикистане археологические раскопки только начинаются, поэтому костным материалом наука пока почти не располагает. Однако известно, что в некрополе Туп-хона (неподалеку от Гиссара) в погребении Д (III в. до н. э.) Согдийско-Таджикской археологической экспедицией при раскопках были обнаружены кости барана.² Но, к сожалению, они не подвергались более тщательному изучению и ближе не определены, поэтому нет смысла останавливаться на исторических данных, вполне допускающих такое предположение.

В связи со всем сказанным интересно отметить, что в таджикском географическом сочинении X в. «Худуд ал-Алам» неизвестного автора говорится, что в Левакенде (город в Вахшской долине) разводили овец особой породы, называвшейся вахшской.³ Хотя автор и не говорит, в чем была особенность этой породы, но это указание для нас весьма важно, так как оно говорит о существовании в Южном Таджикистане различных, evidentemente существенно отличающихся друг от друга, пород овец.

Таким образом, мы видим, что курдючная овца вообще не должна

¹ Бичурин Н. Я. (Накинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1960, стр. 347.

² Дьяконов М. М., Работы Кафранганского отряда, Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, М.—Л., 1960, стр. 155 и 163.

³ Беленицкий А. М., Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г., Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, М.—Л., 1960, стр. 141.

была дожидаться монголов, чтобы распространиться по всей Средней Азии и дойти до ее крайних южных и юго-восточных пределов.¹

В вопросе о том, что способствовало созданию в Южном Таджикистане выдающейся мясо-сальной породы овец, мы полностью присоединяемся к мнению С. Г. Азарова и других зоотехников, а именно: гиссарская порода овец была создана в результате совпадения направлений естественного и искусственного отборов.

Овцеводство этой области издревле носило не столько потребительский, сколько товарный характер. Потребителями в основном были богатые земледельческие области Мавераннахра с их многочисленными городами. Отдаленность рынков сбыта от районов разведения гиссарских овец, как совершенно справедливо полагал С. Г. Азаров, делал нерентабельным вывоз шерсти вьюком по трудным горным дорогам; было гораздо выгодней перегонять на внешние рынки живых овец, где они высоко ценились благодаря величине и исключительным вкусовым качествам их мяса и сала.

Это обстоятельство заставляло овцеводов вести искусственный отбор в направлении выведения мясо-сальной скороспелой и выносливой породы. Все исследователи гиссарской овцы подчеркивают высокое мастерство местных овцеводов. Так, например, С. Г. Азаров указывает, что техника разведения и ухода гиссарских овцеводов стояла выше других кочевых народов — казахов, киргизов и др. Это подтверждается и нашими этнографическими материалами по овцеводству карлуков.

Естественный отбор зависел от условий внешней среды, которые сводились к следующему: 1) овцы круглый год могли содержаться исключительно на подножном корму; 2) летние пастбища были очень удалены от зимне-весенних (на 500 и даже более км), вследствие чего вырабатывались крупные и выносливые животные на прямых и сухих ногах, с крепкими копытами; ягнята должны были быстро расти, чтобы через 1—2 месяца после рождения наравне со взрослыми животными совершать дальний горный переход на летние пастбища; 3) зимовка на скудных пустынных и полупустынных пастбищах была возможна только при наличии больших запасов жира; роскошные же летние высокогорные пастбища позволяли делать подобные жировые накопления; отсюда способность овец этой породы быстро нагуливать жир, в особенности в курдюке; 4) при теплом климате и дальних переходах не было необходимости в длинной, густой и тонкой шерсти.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что эта высокопродуктивная и, несомненно, культурная порода овец создавалась в Южном Таджикистане не дештыкпчакскими узбеками в 400 лет, а в течение весьма длительного времени, причем в ее создании участвовали многие поколения различных народов (ираноязычные племена древности,

¹ В этой связи интересно отметить, что в Хорезме, согласно В. И. Цалкину, исследованному соответствующие материалы из раскопок Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, разводилась в античное время мелкая порода овец, которая постепенно вытеснялась крупной породой, весьма сходной с современной туркменской курдючной овцой. Остатки мелкой овцы оказались обильными в таких памятниках, как Джанбас-кала (IV в. до н. э. — I в. н. э.), Топрак-кала (III в. н. э.) и прослеживались вплоть до Тешик-калы (VIII в. н. э.). Но на городище Шемаха-кала (XIII—XIV в. н. э.) остатки мелкой породы целиком отсутствовали, уступив место крупной породе — см. Цалкин В. И., Фауна античного и раннесредневекового Хорезма (по материалам С. П. Толстова), Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 224.

тюрки, карлуки, барласы и др., а также и более поздние пришельцы — узбекские племена).

Следует подчеркнуть, что изложенное выше мы рассматриваем лишь как материал для решения проблемы происхождения гиссарской породы овец, так как решающее значение в этом вопросе будут иметь не историко-этнографические и не узкозоотехнические данные, а совокупный анализ всех этих данных на основе изучения костей домашних животных древности, которых, к сожалению, в Средней Азии найдено еще далеко недостаточно.

В связи с вопросом происхождения локайской лошади и гиссарской овцы нам остается рассмотреть еще один вопрос, который выше был поставлен: почему высокопродуктивное гиссарское овцеводство не заняло ведущего места в хозяйстве локайцев?

Локайцы, как нам представляется, застали на территории современного Южного Таджикистана далеко зашедшую хозяйственную специализацию племен и разрушить эту специализацию они не могли; наоборот, стали со временем одним из звеньев ее. Будучи истари прежде всего коневодами, локайцы, как мы уже отмечали, заняли места, удобные для разведения лошадей и продолжали заниматься наиболее близкой для них отраслью животноводства, а конкурировать в овцеводстве с местными богатыми овцеводческими племенами, хозяйство которых было поставлено на товарный лад, они не могли.

Кроме того, овцеводство в значительных размерах в условиях современного Южного Таджикистана невозможно без перегона поголовья на высокогорные летние пастбища, которые большей частью расположены далеко за пределами локайской территории. Эти пастбища были в руках богатых местных овцеводческих племен, с которыми локайцы были во враждебных отношениях и которые, поддерживаемые горными таджиками (среди последних также встречались богатые овцеводы), имели полную возможность не пропускать локайцев на эти пастбища. Поэтому можно высказать предположение, что локайцы после прихода на новые места продолжали долгое время разводить овец в незначительных размерах только для удовлетворения своих самых насущных потребностей и, возможно даже, разводили овец не гиссарской породы, а своих обычных мелких курдючных овец (в настоящее время в районах, смежных с районами гиссарского овцеводства, распространена так называемая киргизская курдючная овца). Со временем, когда стали устанавливаться более или менее мирные отношения с соседями, овцеводство у локайцев стало расширяться, причем они стали разводить и гиссарскую овцу. Интересно заметить, что локайские бай-овцеводы занимали пастбища, преимущественно расположенные вблизи локайской территории. Хотя правители Каратегина и Дарваза и племенная знать киргизов отдавали пастбища всякому, кто больше платил, овцеводы не так легко уступали раз занятые пастбища, и из-за них вплоть до Советской власти происходили кровопролитные столкновения.

Коневодство

Восточная Бухара до установления Советской власти не знала колесного транспорта; даже обычных в Средней Азии двухколесных арб здесь не было. Транспортными животными были лошади и ослы. У локайцев ослы использовались только под вьюк, а лошадь — под вьюк и для верховой езды.

Все сельскохозяйственные работы совершались на волах.

В дореволюционной сельскохозяйственной литературе нам известно только одно упоминание о локайской лошади, причем она названа разновидностью карабаирекской породы.¹

Краткую характеристику экстерьера локайской лошади находим у русских офицеров, посетивших Восточную Бухару. Один из них пишет: «Благодаря любезности бека, я имел случай осмотреть здесь (в Бальджуане — Б. К.) несколько сот лошадей, чтобы составить себе представление о местной породе, славящейся своими верховыми качествами. В общем — красивые лошади, с легкой головой, с довольно толстыми прочными ногами и хорошо развитой грудью; в большинстве случаев они имеют вистлый зад и не производят впечатления сильных и пригодных для продолжительной работы лошадей».² Другой офицер, А. Е. Снесарев, в военно-географическом очерке Восточной Бухары о локайской лошади говорит следующее: «Между породами узбекских лошадей есть удивительные, имеющие известную репутацию во всей Средней Азии, как, например, лошади Локай, по имени одного узбекского колена. Мне приходилось видеть несколько экземпляров в Ховалинге и у Кулябского бека и статьи их мне показались очень солидными; особенно хороши грудь, ноги, спина и сильная мускулатура, голова массивна и несколько тяжела, зад оставляет желать лучшего».³

Краткую характеристику двух разновидностей локайской лошади («гиссарская» и «киргизская-локайская») дает Д. Н. Логофет.⁴

О том, что локайские лошади «с широкой грудью и крепкими ногами... высоко ценятся в Средней Азии» говорит проф. Н. Г. Маллицкий.⁵

Еще в недалеком прошлом конь в жизни рядовых локайцев занимал выдающееся место. Он был необходимым при перекочевках, при выпасе скота, при сражениях. Высоко ценился конь среди феодальной верхушки — организатора грабительских набегов на мирное соседнее население. Видимо в этих кругах возникла локайская поговорка: «Если имеешь один день жизни — был бы конь, если имеешь два дня жизни — была бы жена» («Бир кун умринг боса, от боса, эки кун умринг боса, хотни боса»).

Локайцы настолько любят и идеализируют лошадей, что даже теперь иногда говорят, что для их отцов и дедов конь был будто бы дороже жены и детей.

Едва ли можно сомневаться в том, что в описанных выше дореволюционных социально-экономических условиях сильный и выносливый конь, неприхотливый и горячий, с его способностью привязываться к хозяину имел весьма важное значение в жизни локайцев. Локайский конь обладает действительно высокими качествами. О выдающихся качествах своих коней локайцы рассказывают много, с увлечением и нередко с преувеличениями. Рассказы о выдающихся конях передаются от поколения к поколению.

¹ Шахназаров А. И., Сельское хозяйство в Туркестанском крае, стр. 331. В работах более поздних авторов (Колосовский В. П., Лошади Туркестана. Ташкент, 1910; Шавров Н., Среднеазиатские породы лошадей. Сельский хозяин, № 7—49, 1914) локайская лошадь не упоминается.

² Бронников Н., Поездка в Горнюю Бухарию (Путевые наброски), Туркестанские ведомости, № 29, 1896, стр. 119.

³ Снесарев А. Е., Ук соч., стр. 63.

⁴ Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 126—127.

⁵ Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, стр. 129.

Рис. 8. Чоля локайской породы с седлом локайцем. Фото П. Г. Чучева.

На обычную локайскую лошадь выючат 130—140 кг груза. Но нередко она свободно идет по горным дорогам и с грузом в 150—160 кг, проходя до 80 и более км в сутки. Ускоренным шагом она проходит до 8—9 км в час, а переменным аллюром 13—16 км в час. Локайцы уверяют, что хороший конь может пройти без отдыха из Явана в Регар и обратно (примерно 180 км) за одни сутки, причем по сильно пересеченной местности. Известный локайский коневод из Яванского района ныне покойный Кулидык Алишев говорил нам, что он дорогу от своего кишлака (Шурча) до летовки Тубчак на хребте Петра Первого (более 300 км) проделал верхом в 3 дня, имея с собой 3 пуда ячменя. При этом надо отметить, что на этом расстоянии в 300 км нужно совершать подъем с 400 м над у. м. до 3500 м.

Проф. М. Е. Массон для иллюстрации выдающихся качеств локайской лошади приводит случай из периода гражданской войны, «когда целый отряд, преследовавший басмачей, прошел из Сталищабада в Кулиб и обратно за две суток, причем проделавшие этот, почти 300-километровый горный пробег, лошади оказались к концу похода в полном порядке».¹

Локайская лошадь обладает хорошей резвостью и может скакать на большие расстояния: скачки, например, устраивались обычно на дистанцию в 20—30 км. Она обладает еще рядом таких исключительно ценных качеств, которые делают ее незаменимым боевым конем в горных условиях. Одним из таких качеств является способность ее галопом брать крутые подъемы и не убаюляя хода, совершать очень крутые спуски. Другим замечательным свойством локайской лошади является ее привычка к соленой воде и способность долгое время обходиться совсем без

¹ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 48.

воды. После соответствующей подготовки локайской лошади бывает достаточно 3—4 кг ячменя, смешанного с саманом, в сутки. Во время походов в течение нескольких суток локайская лошадь может обходиться несколькими горстями ячменя. Она обладает хорошей памятью и хорошо ориентируется на местности, ночью идет также быстро, как и днем.

Локайская лошадь горяча и обычно, кроме хозяина, никого к себе не подпускает. Движения локайской лошади на шагу и в галопе легки и свободны. Рысь у нее не развита, так как в горах обычно ездят быстрым шагом или галопом.

Лучшей тренировкой и испытанием для коня являлось козлодранье, самая распространенная и любимая конноспортивная игра у локайцев. В этой игре конь закалялся, приучался к ловкости, совкости (подвижности и гибкости) и управляемости.

Локайцы к экстерьеру своих лошадей предъявляют два рода требований: одни требования предъявляются для козлодранья, а другие — для скачек. (Улугзашар)

Для козлодранья требуется сильный и смелый конь. Для этого, по словам локайцев, он должен иметь высокий рост,¹ короткое туловище, короткую поясницу, широкую грудь, широкий зад, длинную шею, сухую голову, прямые, ровные и сухие ноги, небольшую мускулатуру.

Для скачек требуется легкий, стремительный конь. Для этого он должен быть небольшого роста, с короткой поясницей, сухой головой, небольшими крепкими мускулами и прямыми сухими ногами.

Особой любовью у локайцев пользуются следующие масти лошадей: серая, которая до посеждения (т. е. в молодом возрасте коня) называется кзил — буквально «красная», а после посеждения называется тарлан или буз-тарлан — сивая; буланая — сари кора-жол и вороная — тим-кора, причем особенно желательно, чтобы вороной конь был со звездой на лбу и «чулками» на всех четырех ногах — тим-кора, манглайн кашка, турт оғи ола-пафча.

Не любят масти саловую — сари ок-жол и пегую — ола (кора-ола — чернопегая, сари-ола — желтопегая).

Приведем еще некоторые локайские термины для обозначения различных мастей: кора — карая, тури — гнедая, кора тури — темногнедая, вернее караковая, аччик тури — светлогнедая, жеран — рыжая, куа — темносерая (неседущая к старости), ок-буз — светлосерая, белая, бурул — чалая, куло — саврасая.

Среди локайцев живет много различных легенд и преданий о приручении человеком лошади и о происхождении локайской породы. Приведем некоторые наши записи.

Во времена пророка Сулеймана (Соломон) лошади водились только в диком состоянии. Дев (злой дух) решил подарить Сулейману коня, но поймать дикого коня было не легко. Дев знал, что все дикие лошади приходят на водопой к определенному озеру и в это озеро он насыпал несколько мешков лекарства, которое лишает сознания. Лошади, напившись воды из озера, упали без чувств. Дев взял одного коня и потом привел Сулейману.²

¹ Высота в холке равна у локайских жеребцов $145,68 \pm 0,49$, а у кобыл $142,49 \pm 0,26$ (по Хитенкову).

² Эта легенда записана в кишлаке Тап-Булак Даггаринского района 4 марта 1950 г. от Тагайназара Шерова.

Нам думается, что эта легенда с участием библейского персонажа заимствована от таджиков, и, повидимому, имеет книжные истоки, что подтверждается широкой распространенностью в Средней Азии легенды о приручении лошади Сулейманом с помощью дева.¹

У таджиков было распространено представление о коне, как о самом дева. Такое же представление имеется и у локайцев. Если, например, табушник или конюх заболел, будучи среди лошадей, то говорили, что он не избавится от этой болезни и умрет от нее, так как считали, что болезнь эту насылает конь — дев. Смерть от такой болезни считалась дьявольской, греховной (харом). Если, например, человек умирал, упав с коня, то говорили, что он умер греховной смертью, упав с дева («Харом уади, даудан жиглип уади»). Упомянутый выше Шероф Тагайназар сообщил и другое поверье, что конь не является воплощением дева, а у пророка Исхака был конь, отцом которого был дев и теперь, согласно поверью, могут встретиться кони, ведущие свое происхождение от этого коня. Что касается самого дева, то он страшен настолько, что если даже тень его упадет на человека, человек гибнет. Искандар (Александр Македонский) заговорил дева и бросил за горы Каф (Кухи Каф) и дев боится выходить оттуда, т. е. думает что Искандар до сих пор жив.

Среди народов Южного Таджикистана с очень отдаленных времен распространены легенды о населяющих источники и озера чудесных конях. А. М. Беленицкий приводит отрывок из сочинения арабского географа середины IX века ибн Хордадбега «Книга путей и государств», в котором ибн Хордадбег передает услышанный им от одного балхского кушца рассказ объезжника лошадей правителя Хутталя — ибн-ал-Хариса ибн Асада о происхождении знаменитых хуттальских скакунов.² Согласно легенде, у верхних ворот города Хутталя был источник Назкуль размером 400 на 400 локтей. Во времена правления царя по имени Бяк на берегу этого источника произошел следующий случай. Пастух царских лошадей каждый день в полдень пригонял их на водопой к этому источнику. Однажды он заметил среди своих лошадей коня, который представился ему страшным видением, так как конь спустился в источник. Некоторое время спустя из источника снова появился тот конь, а с ним кобылицы и много таких же жеребцов. Все они смешались с царскими лошадьми. И от этих жеребцов, вышедших из источника, родились жеребята у кобылиц царского табуна. Они были «крупные, превосходные, красивые станом». Пастух доложил царю о случившемся. Царь прибыл к загонам пастуха, велел поймать и объездить одного жеребенка от того жеребца. «И поймал он арканом одного из жеребят и, оседлав его, объездил. И он (конь) точно летал между небом и землей, послушный узде, легкий в беге. И когда он (наездник) вернулся и слез с него и расседлал его, то все те лошади ушли с пастбища вместе с теми жеребятами, которые пришли с ними, но исключая тех, которые родились (среди табуна). И вернулись остальные в источник. И до сих пор не появлялось из источника ни одной лошади больше. От (оставшихся) пошла порода хуттальских скакунов».³

Так же, как 1000 лет тому назад жители Хутталяна, ныне некоторые старые локайцы считают своих лошадей потомками сказочных жеребцов.

¹ Например, легенда об основании г. Хазараспа, приведенная Сазоновой М. В. в работе «К этнографии узбеков Южного Хорезма» (Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 279).

² Беленицкий А. М., Историко-географический очерк Хутталя, стр. 119.

³ Беленицкий А. М., Ук. соч., стр. 120.

живущих в источниках. Не только от локайцев, но и от таджиков,¹ кардуков и киргизов нам неоднократно приходилось слышать рассказы о жеребцах, живущих в водоемах. Все значительные озера старики считают населенными жеребцами. Приведем один из рассказов.

На хребте Петра Первого на высоте 3500 м над уровнем моря есть небольшое живописное озеро Джашиль-Куль — «Зеленое озеро». Летом 1950 г. конеферма колхоза «Правда» Дагана-Кинкского района летовала неподалеку от этого озера. Во время пребывания на ферме я посетила Джашиль-Куль. Старик-конецод, заведующий фермой, Чаубай-ака Юлдашев спросил о моем впечатлении, когда я вернулась. Я выразила восхищение и сказала, что искупалась в озере. Чаубай-ака сказал задумчиво: «В этом озере не купаются. В нем живут серый жеребец и белый верблюд-самец. Возможно, они не тронули тебя потому, что ты гостья», и рассказал следующую легенду, услышанную им от местных киргизов.

Один старик киргиз ехал на кобыле по берегу Джашиль-Куля. Как раз настало время молитвы. Старик, спешившись и совершив омовение водою озера, стал молиться, а кобылица паслась возле. Пока старик молился, из озера вышел сивый жеребец (тарлан-ат), покрыл кобылицу и снова опустился в озеро. На другой год кобылица принесла жеребенка. Жеребенок этот рос необыкновенно быстро: в один день стал как годовалый, а в два дня — как двухлетний и мог перескакивать через свою мать. Он оказался тулпаром (крылатым). Весть о чудесном жеребенке дошла до эмира и он назначил старику большую сумму на содержание жеребенка.

На другой год старик, в надежде получить еще одлого тулпара, опять отправился на берег озера. Отпустив кобылу с жеребенком пастись, он начал молиться. Из озера опять появился жеребец и увел с собою жеребенка обратно в озеро. Старик остался ни с чем. Эмирские чиновники долго мучили старика вопросами, подозревая, что он продал чудесного жеребенка другому правителю.²

В разделе о происхождении локайцев мы приводим легенду о слепом сыни, его брате мергене и об их чудесном тулпаре, который дал начало породе лошадей катаганского рода Борка. Некоторые локайцы считают этого тулпара редоначальником и локайских лошадей.

Все конское поголовье локайцев, за исключением ездовых лошадей, находилось круглый год на подножном корму и под открытым небом. Для того, чтобы скот постоянно имел в достаточном количестве свежий и питательный корм, приходилось перегонять его на соответствующие сезонные пастбища. Соблюдать смену сезонных пастбищ могли только состоятельные люди, владевшие по крайней мере 3—4 десятками голов лошадей. Даже люди среднего достатка, не говоря уж о бедняках, были вынуждены выпасать своих лошадей круглый год вблизи кишлаков. Только некоторым удавалось присоединить своих лошадей к табуны богатого родственника, или же для этого несколько хозяйств объединялось.

Выше говорилось, что зимние пастбища, в основном являлись и ранне-весенними. Они располагались в южной части локайской территории и представляли собой широкие части долины, обращенные на юг, и южные склоны адыров. Эти места почти не покрываются снегом и уже во

¹ Беленицкий А. М., Хутальская лошадь в легенде и историческом предании, стр. 164.

² Полевая запись от 6 июля 1950 г.

второй половине февраля на них начинает появляться зелень. Лошади, отошедшие за зиму, быстро поправляются и входят в период выжеребы и случки упитанными. Широкие части Леурской, Киникской, Яванской, Дангаринской и Джарыпкульской долин никогда не вспахивались и оставались под пастбища на период выжеребы, т. к. там нет крутых склонов и обрывов, опасных для маленьких жеребят.

Весенние пастбища локайцев располагались в различных местах.

Жители кишлаков, расположенных на северных склонах хребта Ранген-Тау (ныне Кокташский район) и на самом Ранген-Тау, перегоняли лошадей на зиму на юг, в долину Дашти-Киник (ныне Дагана-Киникский район) и в невысокие адыры Донгуз-Адыр на востоке долины. На этих же пастбищах лошади оставались и ранней весной. Например, упомянутый бай-коннозаводчик Джуракул-токсаба из кишлака Чолташ Кокташского района, зимой и ранней весной держал свои табуны на урочище Эшма в южной части Донгуз-Адыра.

Эти же места, т. е. Дашти-Киникская долина и адыры по обеим сторонам ее, являлись зимне-весенними пастбищами и для скота самих жителей этой долины, а также для скота жителей южных склонов Ранген-Тау.

Яванские локайцы ранней весной отгоняли свои табуны в урочище Акташ, расположенное в широкой части Яванской долины, к югу от трех кишлаков Кайнар. Богатые яванские локайцы в конце февраля или в начале марта угоняли свои табуны еще дальше на юг и юго-запад, в Кобадан (Микоянабадский и Шаартузский районы), где на настоящих зимних пастбищах весна наступала еще раньше.

Локайцы Дангаринской долины на весну перегоняли табуны в южную широкую часть этой долины, а также в окрестные горы. Табакчи-Тау, Терекли-Тау, Чал-Тау и др. Некоторые коневоды перегоняли лошадей далее на юг и юго-запад. Например, Кума-бай из кишлака Гомсу ранней весной перегонял поголовье в Батрабад (урочище к востоку от Курган-Тюбе и к западу от гор Табакчи-Тау), на ровное и пустынное плато.

Локайцы, живущие на адырах и в долинах между долиной Дангары и долиной Кзыл-Су, т. е. локайцы Кангурта, Бальджуана и Кзыл-Мазара, весной держали свои табуны в южной части хребта Джилан-Тау — в обширном урочище Алимтай, богатом широкими, обращенными на юг, долинами и пологими холмами, а также в южных отрогах гор Терекли-Тау. Известный бай Халбаба из кишлака Сельбур (один из самых южных локайских кишлаков в долине реки Кзыл-Су), владевший 900 лошадьми, зимой и весной вплоть до поспевания ячменя держал их в южной части Дангаринской долины вблизи кишлака Куюгу Бульён.

Локайцы, живущие на гряде между Кзыл-Су и Ях-Су, перегоняли свои табуны в южную часть этой гряды, недалеко от кишлака Сартез, а также на Алимтай и юг Дангаринской долины.

Уход за лошадьми на ранне-весенних пастбищах сводился к следующему: выбор выпасов, т. е. мест с подросшей хорошей травой и пастыба на этих местах (наблюдение за тем, чтобы лошади не разбрелись), водопой один раз в сутки, а при обильных дождях и один раз в два дня, охрана от волков.

Ранняя весна в Южном Таджикистане — это период дождей. В это время бывают сильные ливни. Дождь идет почти непрерывно иногда целыми неделями. Табуны раньше находились под открытым небом. Если поблизости были естественные укрытия вроде нависшей скалы, то лошади загонялись туда. Узкие ущелья, где прячутся лошади во время зим-

них буранов и ветров, весной не могут быть использованы, т. к. по дну их во время ливней обычно текут стремительные потоки мутной воды, порой настоящие сели,¹ несущие большие и малые камни.

На весенних пастбищах протекают два наиболее важных момента в коневодстве — выжеребка и случка.

Выжеребка в табунах в основном происходит в марте-апреле. Опытный табунищик следил за каждой жеребой маткой, знал характер каждой и при необходимости оказывал своевременную помощь при родах, а также следил, чтобы волки не разорвали беспомощного жеребенка. В это время ночи становятся уже теплыми и подсосные матки с жеребятами-сосунами все время находятся на выпасах. Но иногда весной бывают холодные дни и даже снегопады. В такое время, если поблизости было селение, пастушеская землянка или шалаши, то новорожденного жеребенка вносили в помещение, а специальных помещений не строили.

Случной сезон начинался в апреле и кончался в мае-июне, продолжаясь, таким образом, 2—2,5 месяца. В благоприятную для роста трав дождливую весну случка проводилась на ранне-весенних пастбищах. Если весна выдавалась сухая и ранние травы быстро выгорали, то для проведения случки поголовье перегонялось в более высокие места адыров, на типично весенние пастбища. К середине случного сезона, в июне, табуны уже находились на летних выпасах. В период случного сезона особенно важно обеспечить маток и жеребцов кормом в достаточном количестве и высокого качества. Жеребцов локайцы в косяки кобылиц выпускали исключительно хорошо унитанными и не подкармливали в случной сезон концентратами. Наличие прекрасного зеленого корма на пастбищах, по наблюдениям Г. Г. Хитенкова, позволяло жеребцам без излишнего исхудания успешно покрывать кобыл.

Случка проводилась исключительно косячная (косяк — уйур). На одного жеребца подбирались от 15 до 30 маток в зависимости от возраста, упитанности, энергии и других качеств жеребца-производителя и от наличия маток. Нередко встречались случаи, когда выделяли до 40 кобылиц.

В косяки пускали жеребцов с 3—4 лет. По словам некоторых табунищиков, четырехлетние жеребцы уже обладают способностью хорошо оплодотворять и в их косяках яловые кобылы встречаются редко. Но пятилетние жеребцы, по их наблюдениям, почему-то не дают полного оплодотворения всех выделенных кобылиц, в таких косяках нередко бывали случаи яловости. Шести-семилетние жеребцы считаются вполне созревшими и дают большое потомство. Кобылицы в косяки ставились в двух-трехлетнем возрасте.

У рядовых локайцев обычно никакая племенная работа не велась, не производилось деление на косяки и половозрастные группы, все поголовье, принадлежащее одному хозяину, паслось вместе, поэтому нередко происходили слишком ранние случки: жеребчики 2—3 лет уже покрывали, а кобылки даже годовалые покрывались. Покрытие незрелых особей вело, конечно, к ухудшению, измельчанию породы. Такое же явление нередко наблюдалось и в табунах баев.

Те из баев, которые специально занимались конеразведением, уделяли большое внимание при составлении косяков не только отбору жереб

¹ Сель — наводнение на горной реке, вызванное ливнем в горах. Селевой поток несет камни, грязь, песок.

нов-производителей, но и подбору маток. При этом исходили из следующих основных правил:

1. Как жеребцы, так и матки должны быть здоровыми.
2. Жеребец должен быть проверен как хрюший производитель.
3. Хорошие матки должны покрываться только хорошими жеребцами.
4. Нельзя допускать кровосмешения.

Локайцы не вели письменных родословных своих лошадей, но родословные выдающихся лошадей прекрасно помнили, причем, лошадям за редким исключением, не давались клички, а называли их по масти и меткам с добавлением имени хозяина. Выбору производителя уделялось самое большое внимание. Отбор велся на силу, резвость и выносливость. Хорошего жеребца выменивали нередко на 15—18 кобыл. Каждый коневод неохотно продавал или выменивал хорошего производителя. Никогда бы не обменивались жеребцами на период случки, чтобы не допускать кровосмешения в своих табунах. Совершенно недопустимым считалось покрытие жеребцом своих дочерей, изредка допускали влукер. По словам некоторых табунщиков, хороший жеребец не покрывает свою мать, сестер и дочерей, узнавая их по запаху. Некоторые даже считают, что если жеребец покрывает свою мать, то заболевает и даже может пасть.

Г. Г. Хитенков, наблюдавший глазами специалиста подбор локайцами производителей, пишет по этому поводу следующее:

«Экстерьер, красота форм при выборе племенного жеребца для косяков не играют почти никакой роли. Если жеребец завоевал себе славу на козлодранье, то при любых его экстерьерных недостатках он широко будет использован как производитель. Копкара (козлодранье) требует от лошади смелости, силы, выносливости, резвости накоротке, верткости (ловкости), поводливости, т. е. тех именно качеств, которые требуются от хорошей верховой лошади. Как видим, отбор в локайском коневодстве шел чрезвычайно рационально и не только по внешним формам, но и по внутренним качествам. Копкара, несомненно, сыграла громадную роль в совершенствовании локайской лошади. Кроме того, что локайцы предпочитают выбирать жеребцов-копкаристов для своих косяков, отбор ведется также по способности «держаться телом» и нагуливать жир. Локайцы считают, что жеребец при любой работе не должен быстро худеть и «перенадаться».¹

Косяки первые 5—6 дней старались держать подалыше друг от друга, чтобы жеребцы не встретились и не дрались и, кроме того, чтобы кобылы не перебетали из косяка в косяк, т. е. нередко при составлении косяков, как рассказывают табунщики, разлучаются «подруги»² и они в первое время тоскуют, ржут, ищут друг друга. Только тогда, когда кобылы нового косяка привыкнут друг к другу и к жеребцу, можно допускать сближение косяков, оставляя расстояние между ними до 0,5—1 км.

Итак, ранней весной табуны выпасались в южных частях известных нам долин (Киникской, Яванской, Дангаринской) и в самых южных частях локайской территории. Постепенно, по мере выгорания этих пастбищ, табуны, перегонялись все выше и к середине весны, в апреле, уже были в средней и северной частях указанных долин и в окрестных невысоких адырах, т. е. на том уровне, на котором располагается основная масса

¹ Хитенков Г. Г., Локайская лошадь, стр. 234.

² Табунщики считают, что у лошадей тоже бывают пламенные связи, или даже «дружат» — «буур босад»,

локайских кишлаков. На этих пастбищах они оставались до конца весны. Во второй половине мая в этой зоне трава начинает выгорать, наступает знойное сухое лето и табуны перегонялись на летние пастбища (джайлау).

Как уже говорилось, локайцы не перегоняли лошадей на летние высокогорные субальпийские и альпийские пастбища, а оставляли их в высоких частях своей территории, в основном на пырейно-разнотравных «степных» пастбищах, расположенных на невысоких хребтах Южного Таджикистана. Эти пастбища не только богаты травами, которые хорошо поедаются лошадьми (пырей, дикая люцерна и др.), но и достаточно снабжены водой. На этой высоте несколько умеряется летний зной.

На территории гиссарских локайцев лучшими летовками считались высокие части гор Ранген-Тау (1400—2000 м над уровнем моря).

На территории нынешнего Дангангского района летовки для конского пастовья располагались в горах Себистан-Тау¹ (к северу от долины; дорога из Туткаула в Кангурт переваливает через этот хребет), Сарсарак (тянется с севера на юг вдоль восточного берега среднего течения реки Вахша) и Чал-Тау (тянется также с севера на юг, но расположен юго-восточнее Сарсарака).

Бальджуанские локайцы на лето отгоняли свои табуны в горы Бальджуана и Хиватинга. Горы Бальджуан-Тау тянутся с севера на юг, служа водоразделом рек Кызыл-Су и Ях-Су, и заселены локайцами. Более высокие части этих гор, такие урочища, как Мурат-Багыш и Узун-Охур² считались лучшими летовками для лошадей. На урочище Мурат-Багыш летовал, например, самый богатый коневод Бальджуанского бекства упомянутый выше Хаабаба.

Эти лучшие летние пастбища до революции были заняты крупными баями, которые выезжали туда со всем скотом (за исключением овец, стоявших далее на север, на высокогорья) и семьями, оставив внизу в кишлаках работников для уборки хлебов. Байские табуны выпасались на этих пастбищах в течение 5—6 месяцев, т. е. до тех пор, пока в более низких осенне-зимних пастбищах не подымется растительность после первых осенних дождей и ночных рос. Хозяева среднего достатка, если и выходили (нередко объединившись) с табунами на эти летовки, то они оставались там не более 50 дней (июнь-июль), так как им уже не хватало воды и свежего корма на пастбищах. В знойный летний период в родниках воды становилось меньше, а поить лошадей приходилось 2 раза в день (утром и вечером). Кроме того, нужно было чаще поливать люцерну, которая сеялась баями у родников, чтобы иметь постоянный свежий корм коням, выделенным для стойлового содержания.

Основная масса локайцев использовала как летние пастбища более нижнюю зону, преимущественно северные склоны адыров. Например, склоны Ранген-Тау, обращенные в сторону Гиссарской долины, служили летовкой не только для кишлаков, там расположенных, но и для кишлаков Кинкской и Яванской долин и прилежащих к ним адыров.

Расширение посевных площадей в этой зоне, начиная с 90-х годов XIX в., привело к тому, что не только бедняки, но и многие хозяйства среднего достатка были вынуждены оставлять своих лошадей и летом в зоне зимовочных пастбищ — «чул», т. е. круглый год пасти свой скот в

¹ Костенко Л. Ф., Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения, т. II, СПб., 1880, стр. 150 (по Маеву).

² Там же, стр. 151.

дolinaх и предгорьях вблизи своих кишлаков, где травы остаются зелеными только до июня (лишь в дождливую весну — до июля), а затем засыхают и твердеют. Такие грубые травы вызывают выкидыши у жеребых маток. В летнюю жару в источниках остается очень мало воды и она бывает особенно горько-соленая и вызывает поносы у жеребят.

Мы уже указывали на недостаток воды в районах локайского расселения. Вопрос водопоя является наиболее острым вопросом летнего сезона. Большинство родников летом представляют собой небольшое болотце. Для того, чтобы можно было использовать воду родника, приходилось не просто очищать его, но и рыть неглубокий (2-3 м глубины) колодец. Стены колодца обкладывались камнем или устраивалась труба («чегем»). Чтобы предохранить от засорения и чрезмерного испарения; обычно над колодцем устраивался навес из ветвей и глины. Иногда к склону горы у родника пристраиваются из камня и глины две стены и тогда навес имеет вид землянки или грота. Край колодца обкладываются камнем, а для стока воды устраивался каменный или деревянный желоб. Площадка вокруг колодца часто бывала обычно плохо вымощена или даже совсем не вымощена и поэтому около колодцев и родников от постоянного присутствия большого количества скота бывало грязно.

Рис. 9. Водопой. Родник и каменные корыта—ахур. Фото Н. В. Темнова.

У каждого такого колодца были устроены ахуры¹ — каменные корыта. Родники обычно бывают у подножья склона, в ущелье, и поэтому вокруг имеется много больших валунов, принесенных селевыми потоками. Выдалбливая и отшлифовывая, их превращали в корыта. Из родника или колодца воду доставали кожаным ведром на длинной деревянной

¹ Ахур — ясли, в данном случае для водопоя. Очень часто в Южном Таджикистане встречаются названия кишлаков и урочищ. Таш-Ахур (каменные ясли), Улу-Ахур (длинные ясли) и т. п.

ручке. Некоторые валуны имеют такую высоту, что лошади могут идти, не сгибая шеи. У каждого родника нередко бывало несколько таких ахуров, но несмотря на это, чтобы напоить один табун требовалось не менее 2—3 часов времени.

Почти во всех родниках было очень много иньяков, которые приносят большой вред, попадая в ротовую и носовую полости, и даже в дыхательное горло лошадей, вызывая большую потерю крови, иногда приводя даже к смерти животного через удушье.

Водопой из соленых родников избавлял от необходимости давать лошадям соль.

На летних пастбищах производилось изъятие жеребцов из косяков (в июле-августе) и перевод их на стойловое содержание, а из косяков (уйур) составлялись табуны (сурук).

В тех хозяйствах, где было много лошадей и в какой-то мере велась племенная работа, табуны составлялись по половозрастному признаку. Подсосные кобылы с жеребятами составляли отдельный табун (кулунли бийе) или несколько табунов, смотря по числу лошадей в данном хозяйстве. В этот табун входили не только жеребята сосуны (кутун, осенью — жабаги), но и жеребята рождения прошлого года, т. е. годовалые (тай). Последние обычно до двух лет ходили за матерями, так как отъема их не производили, считая, что жеребенок будет тосковать по матери и это, отразится на его развитии: кобылица после второй выжеребки сама отбивала прежнего жеребенка; а если оставалась яловой, то кормила его до двух лет.

В отдельный табун выделялись молодые кобылицы по третьему году (гунажин) и по четвертому году (дунажин), а также взрослые яловые кобылы (субай байтал).

Жеребчики по третьему году (гунаи) и четвертому году (дунаи) составляли также отдельный табун. Кастрицию жеребчиков не производили.

В летний период повседневные обязанности табунщиков сводились к следующему: рано утром нужно было отыскать и собрать табун (после объединения косяков в табуны, в каждом из которых могло быть до 300 голов, это дело становилось трудоемким); пригнать табун на водопой, напоить, а после водопоя снова отогнать на выпаса; в течение дня следить, чтобы лошади не слишком разбредались, не заходили на чужую территорию; отыскать еще непопавшие и невытоптанные участки пастбищ; вечером снова пригнать на водопой, а на ночь вновь отогнать на выпаса. Ночью обычно табуны не стереглись.

Помимо этих повседневных и обычных для всех сезонов обязанностей, летом у табунщиков были и другие обязанности, требующие также много труда и забот. Выше говорилось об изъятии жеребцов из косяков и составлении табунов. Помимо этого, летом объезжался молодежник. Ловля лошади, выделение ее из табуна, отбивка лошадей в табуны требуют от табунщика умения, большого навыка, ловкости, выносливости и силы. Само собой разумеется, что табунщик должен быть отличным наездником, а конь под ним должен быть неутомимым, быстрым и увертливым.

Ловля лошади из табуна производилась укрюком, который у локайцев называется «курук». Он представляет собой тонкий и легкий деревянный шест длиной до 3 метров с петлей из тонкой волосяной веревки (салма жин), причем один конец веревки привязывается к тонкому концу шеста, а второй конец — примерно к середине шеста. Курук, так же как седло и аркан, является основным орудием труда табунщика и всег-

да находится при нем. Если курук не бывает в действии, то закладывается под левое бедро сидящего верхом табунщика.

При ловле лошади обычно несколько табунщиков сдерживают табун, а вооруженный куруком, уловив подходящий момент, накидывает петлю на шею намеченной лошади и, чтобы лошадь не высвободилась, 1—2 раза поворачивает в руке шест. Далеко не всегда удается с первого раза поймать одичавшего коня.

Ездить верхом и возить вьюки на молодняке начинали с двух-трех лет, за исключением тех случаев, когда жеребенок еще при рождении дарился мальчику, который и начинал седлать его с пяти-шести месяцев.

До заездки дичок ходил все время в табуне неприученный. Поймав его с помощью курука, надевали недоуздок и ставили на прикол на 1—2 дня и оставляли без корма. После такой «обтяжки» дичка в течение 1—2 дней обучали ходить в поводу, воя его за старой лошадей. Некоторых из них (более смирных) сразу седлали и скакали на них. Необъезженный конь обычно всеми способами старался скинуть седока. Если седок сильный и крепкий джигит, то коню довольно скоро приходится покориться, но иногда при объезде всадники получают увечья.

Проехав некоторое расстояние шагом, табунщик покоренного коня снова ставил на прикол, а узду коротко привязывал за переднюю дугу седла. Спустя несколько часов, он снова садился на коня и скакал, а затем снова ставил на прикол, на длинном аркане, чтобы конь мог пастьись или же, если обучение происходило у кншлага, то одевали ему торбу (мешок) с саманом, приучая к корму.

В течение 3—4 дней объезжаемую лошадь держали под седлом. На ней ездили табунщики собирать табуны, гонять на водопой. Вечером перед ужином табунщик, закончив все свои разъезды, расседывал объезжаемого коня и пускал пастьись, предварительно спутав его передние ноги тонкой, но крепкой волосяной веревкой. Кроме того, чтобы на другое утро легче его было поймать, на шею надевали длинную веревку, конец которой оставляли волочиться по земле. После 3—4 дней такого обучения лошадь становилась более смирной, привыкала к седлу и седоку, и тогда ее пускали в табун.

В мае на весенних или летних пастбищах производили стрижку молодняка — годовалых и двухлетних жеребят; кобылиц же продолжали стричь до первой жеребости. Стригли обычно гриву и челку, а хвост оставляли.

В табунах баев осенью жеребят в возрасте 6—7 месяцев таврили. Каждый бай имел свое тавро.¹ Тавро выжигалось на бедре.

С наступлением прохладных осенних дней, в конце октября и начале ноября, когда возможны небольшие дожди и легкие ночные заморозки, табуны спускались снова в зону долин и предгорий, т. е. на те же зимне-весенние пастбища. Специальных осенних пастбищ не было.

Осенью нужно было не только поддерживать летний пагуз, но, по возможности, максимально поправить лошадей («нажировать» их, как говорят животноводы), чтобы они переносили зиму в хорошо упитанном состоянии. При благоприятной погоде, когда время от времени перепали дожди и бывали ночные росы, возобновлялся рост трав, прибавлялась вода в родниках (становилась менее соленой), поддерживать скот в теле было нетрудно.

¹ Для обозначения тавра докайцы не употребляют слова «тавта», а называют тавро таджикским словом «дог», т. е. буквально «пятно». Родовых тамг, как мы уже отмечали в разделе о происхождении докайцев, у них давно уже не было.

Зимние пастбища располагались в долинах (Кинкская, Яванская, Дангаринская, Джарынкульская),¹ а также на прилегающих к ним адырах. На этих пастбищах зимовал скот не только кишлаков этой зоны, но и кишлаков, расположенных в зоне летних пастбищ. Например, Кинкская долина с окрестными горами Газималек (восточные предгорья его), Джетим-Тау и Донгуз-Адыр считались землей рода Бадраглы, но для зимовки допускался скот и дожайцев рода Эсен-ходжа, живущих в Леурской долине, Рангоне и Фахрабаде, на землях которых летовали бадраглинцы.

Южные склоны адыров и долины быстро оттаивают в зимние солнечные дни, которых в Южном Таджикистане бывает немало. Лошади пасутся на этих склонах. Если склоны и покрываются снегом, то лошади легко разгребают тонкий слой свежего снега.

В зимнее время работа табушника сложна и тяжела: в любую погоду верхом приходится отыскивать хорошие выпасы; затем отыскивать и собирать сами табуны, один раз в день или через день поить, нередко разбивая лед застывшего ручья, чтобы достать воду; в бурные и ветреные дни загонять лошадей в узкие ущелья и сая (овраг), чтобы укрыть от ветра и стужи, и удерживать там их, наконец, защищать от волков.

Если работа чабана при овечьей отаре немислима без овчарок, то при табунах собак обычно не держали. Только про Матамбая говорят, что он для охраны своих 1000 голов лошадей держал восемь собак. По словам табушников, лошади плохо сопротивляются волкам. Обычно, когда жеребенок спит, растянувшись на траве, мать пасется возле, но зимой кобыла ни на один шаг не отходит от спящего жеребенка, не пасется, а стоит над ним, охраняя его. Если нападает волк, кобыла погами и головой отбивается из последних сил, ограждая жеребенка, и уступает только когда совершенно обессиливает. Тогда ловкий зверь все же выхватывает его. Потом мать долго не хочет уходить от места гибели своего жеребенка и часто вновь и вновь убегает туда, отделившись от табуна.

Табушники убивали волков укрюком или стремением, отсегнутым от седла и висевшим на путлище.²

В зимний период табуны на ночь оставлялись на выпасах без присмотра, «уловая на бога».³ Но если волки начинали приносить особенный урон, то мирахуры⁴ стояли на ночь все табуны одного кишлака в одно место и сами оставались охранять их и бить волков. Место обычно выбиралось вблизи кишлака, и охрану старались сочетать с развлечением: разводили костер, варили мясо, кипятили чай, и таким образом, за поздним ужином, в оживленной беседе проводили ночь, чутко прислушиваясь в то же время к каждому подозрительному движению в табунах.

Зимой ездовые лошади находились полностью на стойловом содержании, а из табунных подкармливались лишь больные и слабые лошади, преимущественно из молодняка. Подкармливали высушенной люцерной и ячменем пополам с саманом. Относительно же остальных лоша-

¹ По словам восьмидесятилетней старухи Тулганай из кишлака Казак Советского района, во времена ее детства и молодости аулы Джарынкульской долины, проводив там осень, после снятия бихчей перекочевывали на зиму южнее, в кишлаки Сельбур и Чимчик. (Полевая запись от 18 августа 1948 г.).

² Путлище — ремень, на который привешивается к седлу стремя.

³ «Таваккая квалп қолдиручи эдик: ажали жетса уладида» — «Оставляя, уловая на бога, если придет смертный час, все равно умрет», — говорил нам один старый дожайец, выражая тем самым психологию фаталиста, столь типичную для мусульманина.

⁴ Мирахур — табушник.

деи, а также других видов скота, докайцы продолжали придерживаться древнего представления своих предков о том, что «шкура скота на земле, если скот будет зависеть от человеческих рук (получать корм с рук), то его насытить невозможно» («Молнии ризки жерда, кулга коратаандаи кейни молни туйкарыи булмайд»).¹

Если погода во все сезоны года была благоприятной, то лошади, привыкшие к суровым условиям круглогодичного табуинного содержания, легко переносили недолгую зиму, но не всегда гладко шла жизнь скотовода, не всегда погода благоприятствовала росту и размножению его табунов. Передко выдавались засушливые годы. Особенно губительными были те, когда засуха продолжалась весь год. Весна наступала рано, уже в феврале, и не бывало обычных для этого сезона обильных осадков, и уже в апреле выгорали весенние пастбища. Наступало знойное лето без капли дождя в течение шести и более месяцев. Редкая и низкая растительность на летних пастбищах также быстро выгорала. Исчезала вода в колодцах. Лошади шиняли сухую и жесткую траву, и у жеребих матерей бывали выкидыши. Ослабевшие жеребята заболели лишаями и чесоткой. Они не находили молока в вымени матерей. Возникали различные болезни скота. Бывало так, что и осень выдавалась засушливая, до самого декабря не бывало дождей; не возобновлялся рост трав, поэтому скот входил в зиму худым, истощенным, и докаец с тревогой и отчаянием ожидал наступления зимы, самого страшного сезона.

Такие годы бедствий бывали особенно губительными, если при затянувшейся засушливой осени сразу наступали морозы и выпадал снег на высохшую голую землю. Тогда ожидалась гибель всего скота. Перегон в тугай речных долин не спасал положение, так как эти тугаи не могли обеспечить кормом и собою часть скота всего Южного Таджикистана и большей части Центрального Таджикистана, зимовавшего в этих местах.

Не меньшую, чем засуха, опасность представляла саранча, которая в иные годы уничтожала подчистую не только хлеба, но и травы. Старики вспоминают, что лет 60 тому назад был такой страшный год, когда от бескормицы погибло огромное количество скота.

Немало бед приносили и многоснежные морозные зимы, когда снег выпадал настолько толстым слоем и лежал так долго, что скот не мог тебеневать. В такие зимы скот опять-таки перегонялся в тугай, где высокая трава и кустарнички выступали из-под снега.

Старики рассказывают про одну такую страшную зиму, когда в течение будто бы сорока суток шел снег и лежал слоем, толщиной в полтора метра. Это было в год свиный,¹ повидному, в 1911 г. В ту зиму у яванского коневода Матам-бая из тысячи лошадей осталось десять, остальные все погибли.

В описываемых районах часто бывает и гололедница (джут), когда растительность покрывается ледяной коркой, затрудняющей тебеневку, но лед в этих районах держится недолго, и поэтому джут не представляет большой опасности. Годы тяжелого джута бывают очень редки. Проф. С. Г. Азаров, в бытность свою в Южном Таджикистане в 1928 г., слышал от старых овцеводов, что в девятисотых годах была гололедница, когда ледяная кора продержалась около месяца и погибли десятки, а может быть и сотни тысяч животных.²

¹ Среди докайцев еще продолжает бытовать счет годам по двенадцатилетнему животному циклу.

² Азаров С. Г., Бригис О. И., Овцеводство Таджикистана, М., 1930, стр. 124.

Бедственные годы, подобно описанным выше, бывали печальны. Обычно имевшееся у локайцев конское поголовье более или менее обеспечивалось подножным кормом в течение всего года.

Итак, пастбища всех сезонов для лошадей были расположены на локайской территории, на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. Расстояние между крайними точками перегона с ранне-весенних на летние пастбища обычно составляло несколько десятков километров и только в некоторых районах около сотни километров или немногим более. Большую часть года (весна, осень, зима) табуны проводили в средней части локайской территории, в зоне широких долин и предгорий, где располагалась основная масса локайских поселений. Ранней весной табуны перегонялись в южные части локайской территории, а летом — в северную гористую часть.

Бедняцко-средняцкие хозяйства в большинстве случаев держали свои табуны круглый год вблизи кишлаков. Само население также не кочевало, за исключением баев и их семей, а круглый год жило в кишлаках, лишь на лето переселяясь в юрты или камышовые шалаши, поставленные на бахчах в 2—3 км от кишлака. От одних сезонных пастбищ на другие вместе с табунами переходили лишь табунщики — мирахуры.

В средняцких хозяйствах, в которых общее количество лошадей доходило максимум до двух-трех десятков, обязанности табунщика выполнял кто-либо из членов семьи; взрослый сын, зять или даже сам глава семьи. В зажиточных и байских хозяйствах нанимали специальных табунщиков, или заставляли работать бедных родственников, осиротевших племянников и т. п. «призираемых» лиц, которых всегда было достаточно в байских домах.

Осенью, зимой и весной, когда пастбища располагались относительно близко, табунщики были тесно связаны со своими домами. Обычно табунщик рано на заре, сев верхом и вооружившись куруком, отправлялся на поиски табуна. Собрав табун, проверив наличие всех лошадей и их состояние, он поил их и вновь отгонял на выпасы, а затем возвращался домой завтракать. Там занимался делами своего хозяйства; обедал и снова отправлялся к табуна, оставаясь там до позднего вечера, ночевать возвращался домой. Если же выпас находился довольно далеко от дома или в табуне было много лошадей (несколько сот голов), то табунщик на обед домой не возвращался, а брал с собой завтрак, обычно лепешку, испеченную из чистой пшеничной или наполовину из ячменной муки, иногда еще кусок мяса, катык (кислое молоко) или кумыс.

Табунщики из кишлаков, расположенных в зоне летних пастбищ в зимне-весенний период находили приют и пищу у своих родичей и знакомых, живущих в кишлаках этой зоны, и наоборот, летом табунщики южных кишлаков находили гостеприимство у родичей и знакомых в кишлаках зоны летних пастбищ. Если на летовку перекочевывал сам бай с семейством, то табунщики кормились у его очага. Пользующийся гостеприимством родича или знакомого обычно не вносил своей доли продуктов, ограничиваясь обычно подарками, гостинцами и кумысом, но мог и этого не приносить, в надежде, что и он когда-нибудь окажется полезным гостеприимному хозяину. В силу живучести пережитков патриархально-родовых отношений локайцы отличались большим гостеприимством и редко бывало, чтобы семья (даже самая бедная) садилась за дастархан (секатерть) без гостя. Что касается тех табунщиков, которые кормились у своих богатых хозяев, то они в свободное от прямых обязанностей время выполняли различную другую работу по распо-

ряжению бая и членов его семьи, а нередко вся семья самого табунищика работала на бая.

Если летние пастбища данного бая находились далеко от кишлаков, то табунищики одного хозяина или даже нескольких хозяев брали с собой продукты и сами готовили пищу. Пекли лепешки из пресного теста (натир) на плоском камне или в горячей золе (кулча), а горячую пищу готовили в медном котле (мис козон).¹ Пищей этой было: жареное или вареное мясо, мучная или (реже) рисовая каша на кобыльем молоке, да изредка плов.

Мясо (баранину или козлятину) варили (хон-шурпо) или жарили (куурмо) без овощей. Если поблизости рос дикий лук, то клали его. Плов варили не только без моркови, но даже без лука. Козинну ели редко.

Если болезнь лошади или несчастный случай с нею (падение с кручи и другие увечья, нападение волка и т. п.) вынуждали табунищиков прирезать ее, то все сало они в топленном виде оставляли для своего потребления (клали его в кашу вместо масла, на нем варили даже плов; оно считается очень «сильной» и «горячительной» пищей), а мяса оставляли для себя лишь столько, сколько можно было съесть в течение 2—3 дней (в зависимости от сезона), остальное же раздавали другим табунищикам или жителям ближайшего кишлака.

Горячую пищу табунищики готовили обычно на ужин, а утром и в обед пили кумыс, зеленый чай с лепешками или с привезенными из дому чегельдеками (чегельдек — жареные в масле или сале кусочки пресного теста). Если было топленое баранье сало, то его подогревали и отпивали несколько глотков и макали в него хлеб.

Все запасы продуктов и посуда (котел, деревянные чашка и ложка) помещались в переметной суме (хурджун) из домотканного грубого шерстяного материала. Табунищики не обременяли себя постелью и палатками. Они спали на земле, подстлав под себя потник и халат, подставив под голову седло и укрывшись чекменем.

Одежда табунищиков не отличалась от одежды остальных локальцев, поэтому опишем ее в разделе о материальной культуре.

Заканчивая описание основных обязанностей табунищиков, а также условий их труда и быта, следует отметить, что большей частью табунищик в какой-то мере бывал и коновалом. Приведем несколько примеров, показывающих различные способы лечения болезней лошадей.

Наиболее частым заболеванием была сбитость спины — джаур,² которая бывает в результате неправильного устройства денчика седла, неудобного вьюка, небрежного седлания и т. п. Джаур лечили следующими способами: присыпали пыльной гриба-дождевика (кар-кулок); накладывали свежесрезанное основание стебля зонтичного растения каурак (ферула воиочая), прикладывали к ране и другие растения (аджик, бир-гартар и др.).

Обычно джауру предшествует опухоль. Чтобы не допустить нагноения и превращения опухоли в джаур, прикладывали горячую прокипяченную салфетку или теплый телячий помет, или же свежеснятую шкуруку

¹ После того, как русские товары стали достигать Восточной Бухары медный котел в быту стал быстро вытесняться чугуниным котлом полусферической формы (қора козон), но у мирахуров и чабанов продолжал употребляться медный котел, так как он был легким, небьющимся и, как говорят табунищики, «пища в нем бывает вкуснее». До сих пор изредка в пастушеских станах можно его встретить.

² Джаур (от арабского) — термин, распространенный и среди русского населения Средней Азии и Казахстана, поэтому мы в дальнейшем оставляем его.

сурка, а также сдвигали седлом, предварительно намывлив опухшее место.

На некоторых летних высокогорных пастбищах встречается ядовитая трава (захарак, қоралак), от которой происходит отравление и гибель животных.¹ Отравившаяся лошадь не может стоять и ходить, у нее не сгибаются суставы и перестает работать кишечник. В этом случае ей немедленно давали соль, насильно засовывая ее в рот и нос, и поили пахтой (сколотинной). После этого лошадь закутывали в кошмы и паласы, садились верхом и начинали погонять. Лошадь сначала шла через силу, затем разогревалась, потела, суставы ее начинали сгибаться и ее пускали галопом. Затем она мочилась с кровью и у нее начинался понос. Таким образом лошадь «освобождалась от яда», по выражению табунщиков, и выздоравливала.

В зоне низкогорий в результате каких-то причин лошади заболели истощением, сопровождавшимся выпадением шерсти на голове. Взрослые лошади выдерживали эту болезнь, а жеребята погибали. Единственным «средством» от этой болезни считалось нашпывание муллы. Табунщики не умели лечить ее.

Бородавку (сугал) на теле лошади удаляли различными способами: срезали, прижигали, туго перевязывали ее под корень конским волосом. Наряду с этим иногда коня водили вокруг мазара² и посыпали бородавку глиной с мазара.

Если в пути лошадь начинала хромать, то говорили, что у нее «дорожная лихорадка» (жуд учуги) и перевязывали больную ногу лошади красной ниткой. Цветной, преимущественно синей, ниткой перевязывали ногу лошади также при нарывах и болячках.

Большую часть заболеваний животных лечили кровопусканием, а если это не помогало, то прибегали к помощи мулл и мазаров.

Причиной большинства заболеваний считали «дурной глаз» и в качестве «профилактики» прибегали к талисманам — тумар. Шейхи мазаров, ишаны и муллы не скупились выдавать бумажки со стихами из корана или других священных книг или даже просто с бессмысленными заклинаниями — разумеется за вознаграждение. Эта бумажка складывалась маленьким треугольником, зашивалась в дощечку плотной материи или кожи и привешивалась на ниточке к челке или гриве лошади, а жеребят им надевали на шею на волосяном шнурке. Предохраняющими талисманами служили и резные кусочки некоторых пород деревьев.

Изредка встречались люди, обладавшие большими познаниями в области народной ветеринарии, именно в той ее части, которая имела рациональный характер и была основана на многовековом народном опыте и наблюдении. Такие люди пользовались большой популярностью и обслуживали обширный район. Одним из таких известных коновалов является и ныне здравствующий старик-карлук по имени Турды из кишлака Мувоскуль (колхоз «Комсомол») Дангаринского района.

Из среды опытных особо наблюдательных табунщиков выходили нередко сыны — знатоки и ценители лошадей, к которым обращались при покупке коня, при выборе из молодняка подающих надежды скакунов, советовались с ними при подготовке коней к состязаниям и козлодранью, они являлись и тренерами коней знати и т. д. В старину роль

¹ Это растение, к сожалению, до сих пор точно не установлено.

² Мазар — могила или «место, куда ступала нога» какого-нибудь «святого». Часто это были места древних культов, связанные с большими деревьями, источниками или камнями причудливой формы.

сынчы, повидимому, была особенно велика, так как во многих узбекских эпических поэмах сынчы является обязательным персонажем, о нем рассказывается немало легенд. Пожилой локаец Хасан-ранс из кишлака Кош-Булак Дангаринского района рассказал нам, например, следующее предание. В некоем государстве правил хан, обладатель многочисленных табунов. Однажды он вызвал к себе сынчы и приказал выбрать лучшего коня из его табунов. Сынчы выбрал одного коня, но сказал при этом хану: «Вот хороший конь, но у него есть один недостаток — он был выкормлен на коровьем молоке». Хан удивился и высказал сомнение в верности слов испытателя. Последний попросил хана вызвать прежнего хозяина коня и убедиться в правильности его определения. Хан вызвал прежнего хозяина коня, который подтвердил, что жеребенок действительно остался сиротой и был выкормлен на коровьем молоке. На вопрос хана о том, как сынчы смог определить это, испытатель ответил: «Этот конь, выйдя из воды, отряхивает воду с задних ног. Пока не тряхнет задними ногами, не идет дальше. Эта коровья привычка передалась ему через молоко».

Верховые лошади локайцев получали постоянный и тщательный уход. Локайцы ездили только на жеребцах. Мужчине ездить на кобыле считалось большим позором. Кастрицию жеребчиков, как мы уже отмечали, локайцы раньше не производили. На кобылах (обычно на еще не жеребившихся — байтал или оставшихся яловыми — субай) ездили только табунишки в маточные табуны, да женщины во время перекочевков или поездок в гости.

Локаец обычно не ездил на любом коне, пойманном из табуна, хотя бы и обьеженном. Прежде, чем сделать коня постоянным ездовым, его к этому долго и тщательно готовили. В результате такой подготовки конь приобретал способность к длительной и напряженной работе и только после этого допускался к скачкам, козлодранью, к участию в аламанах, к длительным поездкам вообще.

Способы такой подготовки были разнообразны в деталях, у каждого были свои приемы и свои секреты, но в основном они сводились к максимальной нажировке, а затем к постепенной подсушке, «охлаждению», как говорят локайцы (сууту), чтобы «жир впитался в жилы», отчего конь становится неутомимым. Этот метод широко распространен среди всех народов Средней Азии.

Приведем два варианта кормления ездовых лошадей¹

С конца мая по сентябрь конь стоит привязанный у глиняной кормушки под навесом или в тени деревьев. На него надевают недоуздок и привязывают его так, чтобы конь мог свободно ложиться, но не мог бы бегать вокруг кормушки. Кормушка сооружается такой высоты, чтобы конь не сгибаясь мог достать из нее корм. С этого дня коня не пасут и совершенно перестают на нем ездить, даже не водят на прогулки. Чтобы коню было мягко лежать, навоз из под него не убирается. В первые дни для «открытия аппетита» ему дается корм в свежем виде (люцерна, стебли белой джугары) или же, если нет свежего корма, дается моченая пшеница. Затем коня начинают кормить исключительно ячменем, смешанным с пшеничным саманом. Этот корм дают в следующих нормах: в первый день 2—3 кг, а в каждый последующий день добавляют к норме предыдущего дня, примерно по килограмму. Это добавление продол-

¹ Первый вариант записан от Хасан-ранса из кишлака Кош-Булак Дангаринского района.

и

жается до тех пор, пока конь не сможет съесть в течение суток весь выданный ему корм и оставить некоторое количество. Эта высшая норма доходит до 16 кг и более в сутки. Остаток навешивают (или считают сколько горстей осталось) и на следующий день уменьшают норму на это количество. В каждый последующий день лошадь не доедает определенное количество корма и на это количество уменьшают ей норму. Убавление продолжается до тех пор, пока конь опять не будет съедать все, что ему выдается. Обычно эта норма составляет 3—4 кг в сутки. Если даже дать ему больше, то он все равно не съедает более указанной нормы.

Норма воды зависит от назначения коня: если он предназначен для козлотранья, то ему полагается три ведра воды в сутки, если же для скачек — одно ведро.

Когда, таким образом, конь останавливается на стойкой норме пищи, его седлают и привязывают коротко, чтобы он не мог ложиться. В таком положении, не снимая седла, его держат недели две, чтобы, как говорят локайцы, «мясо из-под седла разбежалось по телу». После этого конь выводится из-под навеса и коротко, чтобы не мог ложиться, привязывается к глиняной кормушке, сооруженной под открытым небом на ровной площадке с твердым грунтом. Навоз из-под коня постоянно убирается, площадка несколько раз в день поливается водой и чисто метется. Делается это для того, как говорят локайцы, чтобы «мясо с ног коня разбежалось по телу и ноги стали сухими». В это время, в течение двух недель, коня кормят из торбы, чтобы он научился дышать только через нос, что очень важно при скачках.

После всех этих манипуляций считают, что тело коня пошло в требуемые нормы и приступают к «охлаждению», о котором сказано несколько ниже.

Приведем запись о втором способе кормления таких коней.¹

Лошади лето проводят на горных пастбищах. В конце августа коня, предназначенного для состязаний или для постоянной езды, ставят на усиленное питание.

Выкапывается неглубокая яма такого размера, чтобы поставленный в нее конь мог свободно лечь. У одного конца ямы сооружают высокую глиняную кормушку. Коня ставят в яму для того, чтобы он стоял спокойно у кормушки. Навоз из-под коня не убирается. В течение 15—16 дней его кормят люцерной, смешанной с пшеничным саманом, дробными корками и другими свежими кормами. По истечении этого срока совершенно прекращают выдачу свежих кормов и переходят только на ячмень. При этом ячмень никогда не выдается без примеси пшеничного самана, чтобы «конь не прикусывал своего языка», как говорят локайцы. Кормление начинается с одного килограмма ячменя. На второй день утром выдается 0,5 кг, а вечером — 2 кг, т. е. на второй день выдается 2,5 кг ячменя. В последующие дни, ежедневно добавляют по одному кг к норме предыдущего дня. Корм выдается сначала в два приема, но позже, когда суточная норма превышает 6—7 кг, переходят к выдаче корма в 3 приема.

Предельная высшая норма ячменя зависит от самого коня и может доходить до 16 и более кг в сутки. Дойдя до этой предельной нормы, конь сам ежедневно уменьшает количество съедаемого ячменя и, в кон-

¹ Записано от локайца Мурза Карима 55 лет.

не коню, удовлетворяется тремя кг в сутки: 1 кг выдается утром и 2 кг вечером. Эти 3 кг остаются постоянной нормой коня.

На этом заканчивается первый этап подготовки коня к эксплуатации, конь «созревает» (жетинади). «У таких коней мышцы бывают как камень, — говорил осведомитель, — а круи бывает гладким и ровным, как хорошо смазанная плоская крыша («Гуши тошдай, кути томдай турор эди»).

Не только во время специального усиленного кормления, но и во время последующей постоянной сады локайны своих ездовых лошадей совершенно не кормят зелеными кормами, считая, что зеленый корм «разжижает» коня, конь теряет выносливость и быстро устает («От кук ут жеса чарчагич булуди»).

Описанный период подготовки коня специальным питанием продолжается 3—4 месяца — обычно с середины лета (после изъятия жеребцов из косяков в июне-июле) до конца сентября, а то и до середины октября.

Вторым очень важным этапом в подготовке коня к постоянной езде и к состязаниям является «охлаждение» (султу), которое включает в себя и тренинг.

К охлаждению приступают осенью, полное наступление которой определяют по появлению на предутреннем небе Сириуса — Джаркиравик («сверкающий»).

Коня моют с мылом, затем седлают и поверх седла покрывают теплой попоной из войлока или паласа, но с подкладкой из войлока (босилдирик), надевают уздечку, а поводья коротко привязывают к дуге седла, чтобы конь не мог опускать голову («контарип ташлайди») и ставят на прикол под открытым небом. Уздечку снимают лишь на время кормления.

В начале «охлаждения» корм выдается в два приема — утром и вечером. Попрежнему кормят ячменем, но самана добавляют очень мало. Если, например, ячменя дают 8 горстей, то самана 2 горсти. Пить полагается также 2 раза за некоторое время до кормления.

После вечернего кормления (т. е. поздно вечером, а иногда даже в полночь), укрепив седло, джигит садится верхом и совершает небольшую прогулку. В первый вечер он проезжает тихим спокойным шагом не более 1—2 км. В каждый последующий день дистанция увеличивается на 0,5—1 км, причем и рано утром до наступления жары совершают небольшую прогулку. Через 10—15 дней переходят с шага на рысь, при этом дистанция сокращается вновь до 1—2 км, а затем в каждый последующий раз увеличивается на 1—2 км. Со дня перехода на рысь, а затем и на галоп ежедневная норма ячменя начинает выдвигаться в 2—3 приема. Коня еще больше кутают и учащают пробеги, чтобы вызвать обильный пот. Как во время пробегов, так и сразу после возвращения открывают попоны и даже снимают седло и краем ладоги снимают пот со спины и крупа лошади и тотчас вновь седлают и закутывают в войлочные попоны. Локайны считают, что выделение пота способствует «отделению жира от мяса, растапливанию жира и впитыванию его в жилы» и подсушивает коня.

Мы уже отмечали, что у каждого джигита бывают свои мелкие коррективы и добавления к тому, что мы описали. Некоторые, например, считают, что конь в период «охлаждения» должен мало спать и для этого джигит в течение ночи несколько раз встает, подходит к коню и будит его, почесывая и поглаживая.

«Охлаждение» продолжается 30—40 дней. Особенно длительное и тщательное «охлаждение» необходимо для тех коней, которые готовятся к скачкам. Усиленная работа под войлочной попоной продолжается до тех пор, пока конь не потеряет весь свой жир, живот будет подтянут, ноги будут совершенно сухими. Однако докайцы никогда не пересушивают своих коней, как это делали текинцы.¹

По словам одного старого табунщика, в старину «охлаждали» до тех пор, пока помет коня не становился таким твердым, как орехи и сухим настолько, что если его завернуть в платок, то он будто бы не прилипал к платку. Только в таком случае считали коня созревшим для состязаний. Если конь был недостаточно «охлажден», то он, по словам докайцев, быстро «сторал» и терял силу, а во время скачек иногда погибал от разрыва сердца (как говорят докайцы: «конь может разорваться, лопнуть» — «суумаган от жулда жарилни уладн»).¹

Таким образом, конь, прошедший описанную подготовку, в течение всего конно-спортивного сезона, который длился примерно с ноября по март-апрель, мог участвовать в козлодраньи и скачках.

Перед скачками требовалось еще следующее: за 5—6 дней до пайги (скачек) коня кормили 3 раза в сутки — поздно вечером (или ночью), перед утром (или рано утром) и днем. За три раза выдавалось всего 4 кг ячменя с очень небольшим количеством самана. Питье подавалось также 3 раза. Некоторые считали, что пить следует после кормления, но после воды следует дать еще 2 горсти самана. В таком случае конь не будет потеть, так как саман впитывает в себя всю воду. Накануне пайги коня не кормили всю ночь, но усиленно работали, т. е. ездили на нем в течение всей ночи, и только к утру ставили на прикол и через некоторое время пашолак выезжали на пайгу. Если скачки должны были состояться днем, то рано утром давали коню небольшую порцию корма.

Скачки устраивались на большие дистанции — 10—12 и даже 20—30 км. Одновременно в них участвовали до 500 всадников. Для скачек предпочитали 5—6-летних коней, но обычно участвовали и кони более старших возрастов (десяти и даже более лет). Наездниками на скачках бывали чаще подростки, чтобы вес у наездников был не более 50 кг.

После скачек и коня, и наездника «охлаждали». Наездника водили 2 человека, поддерживая под руки в течение примерно получаса. Коня же водили в течение 3—4 часов, а то и более. Затем пробовали рукой задние ноги выше щеток (плюсны): если остыли, то можно было дать горсти 2 самана, а потом напоить. После воды следовало дать еще 2—3 горсти самана, а затем уже дать ячмень, но лучше дать ячмень спустя некоторое время. После кормления вечером следовало совершить прогулку, а затем утром также проехать несколько км.

Существовал еще другой вариант охлаждения после скачек: коня в течение 30—60 минут тихо водили, затем тепло закутывали в кошмы, мыли ноги соленой водой и оставляли привязанным без корма до полуночи. В полночь давали половинную норму ячменя и только после корма поили.

Скачки являлись одним из любимых развлечений докайцев во вре-

¹ Раньше туркменские сеизы (тренеры) иллишине иссушали коня, который из тренировки выходил с подтянутым животом, с резко выступающими ребрами и мочлаками (Шекни В. А. Горелов К. И. Ахал-Текинская лошадь, сб. Конские породы Средней Азии, М., 1937, стр. 60).

мя тоев — пириешты в связи с различными семейными празднествами (во время религиозных праздников скачки не устраивались).

Еще большей любовью, чем скачки, пользовалось козлодранье. Во время этой игры испытывались сила, ловкость, выносливость и прочие качества не только коня, но и джигита. Эта игра отличается большей азартностью, чем скачки, поэтому она не пользовалась одобрением мullah; они считали эту игру делом шайтана, подстрекающего на азартные игры. Если человек умирал, упав с коня во время козлодранья, то смерть его считалась греховной.

Козлодранье локайцы называют «кулок» — козленок. В нем участвуют обычно лошади в возрасте от 4—5 до 10 лет. Хотя кони старше 10 лет и считаются неподходящими («кулоктан чыгын каган»), но нередко они еще не один год продолжают удерживать свою славу. В этой игре могут участвовать от нескольких десятков до нескольких сотен всадников. Вся группа участников называется «хора». Она собирается на большое открытое место. Устроитель тоя (или кто-нибудь другой от его имени), проскакав круг, бросает в кучу всадников зарезанного козла, у которого отрезаны голова и ноги до колен. Начинается отчаянная борьба за обладание козлом. При большом числе участников борьба эта может длиться час и более. Победителем считается тот, кто сумеет вырваться с козлом из кучи и, проскакав круг, бросит козла к ногам хозяина и судей (аксакалов). Победителю выдается приз: I приз — вербакуд (у локайцев он не всегда бывал), II приз — корова, III приз — овец и IV приз — овца (те же призы и на скачках). Если козел еще не разорван на куски и если еще не устали кони и всадники, игра возобновляется.

У локайцев эта игра часто усложняется. Например, козла бросают не просто на землю, а в яму, глубиной до метра, откуда джигит с коня должен достать его. Площадь, на которой проводится игра, условно ограничивается с двух сторон. Рубеж называется «найка» и отмечается ямой или жердью. За этот рубеж, где стоят аксакалы, и следует бросить козла.

После улака коней охлаждают в течение нескольких часов, вези за повод или тихо прогуливаясь верхом.

В поездке локаец проявляет постоянное внимание к своему коню: тщательно подгоняет седло, прилаживает потники, подгоняет подковы, наблюдает все необходимые предосторожности при кормлении и поении.

До перехода к оседлому образу жизни локайцы не имели закрытых помещений для скота и на ночь ездовых лошадей в холодное время года покрывали несколькими войлочными и суконными попонами, а в теплое время — одной попоной. С появлением конюшен, лошадей в дождливое время года стали заводить в конюшни.

Время от времени ездовых лошадей чистили деревянным или железным гребнем и венчиком. Купали очень редко ввиду недостатка воды. Производили расчистку копыт и ковали. Подкова называется «нахал» (от арабского *تعامل* через таджикский), так как кузнецами большей частью являлись и являются таджики, которые вырабатывают подковы на дому, а в базарные дни выносят свою продукцию на базар, где и подковывают лошадей с помощью самого хозяина, который держит ногу лошади. При разравнивании нога лошади ставится на пенек. Подковы бывают без шинов.

Г. Г. Хитенков пишет, что локайцы куют своих ездовых лошадей на все четыре ноги.¹ Наши информаторы говорят (как это и нам прихо-

¹ Хитенков Г. Г., Локайская лошадь, стр. 236

дилось наблюдать), что ни зимой, ни весной нет необходимости ковать лошадей, так как в Южном Таджикистане преобладает лесосовый грунт. В остальное время года куют обычно только тех лошадей, которые несут большую нагрузку, да и то чаще только на передние ноги.

Верховая сбруя (от абзали) служила предметом большой заботы докайцев. Обладание не только хорошим конем, но и добротной нарядной сбруей всегда являлось заветной мечтой каждого джигита. Родители считали делом своей чести как можно лучше снарядить сына коня и нередко накапливали необходимые для этого средства в течение нескольких лет. Комплект верховой сбруи, украшенной металлическими посеребренными накладками и бляхами, по стоимости равнялся одному хорошему коню. Обычно мастеру кузнецу (он же и серебряных дел мастер) давали коня, а он взамен изготовлял сбрую.¹ Деревянный остов (ленчик) седла приобретался у другого мастера, а потники, чепрак и попоны шил третий мастер.²

Верховое снаряжение докайца считают состоящим из четырех основных элементов: седла (эгар), стремена (узанги), узды (жуган) и подхвостник (куйишкон). Все остальное (ремни, пряжки, потники, подпруги и пр.) считается приложением к этим основным элементам.

Седло докайцев — обычного узбекского типа и состоит из деревянного ленчика, двух массивных стремян, висящих на двух путлищах (длина их соответствует правильной кавалерийской посадке), двух подпруг (тушойил: одна ременная имеет пряжку с язычком, а вторая — широкая тканая, с пряжкой без язычка, проходит поверх подстилки и подушки седла так, что внизу обе подпруги приходится на одно и то же место), двух потников (чирги), двух «подушек» из плотного войлока для спины ленчика (жонник). Ленчик покрывается мягкой стеганой подстилкой, иногда еще ковриком или паласом.

Ленчик изготавливается из ивы и состоит из четырех кусков, которые склеиваются с помощью тонких крепких волокон сухожилий и клеи. Затем ленчик обтягивается сыромятной кожей быка или верблюда (ултой, хом тери) и по всей поверхности прибивается мелкими гвоздями.

¹ Ботаник Р. Ю. Рожеви в 1906 г. наблюдал на базьджуанском базаре работу мастеров по изготовлению металлических накладок сбруи и описывает следующим образом. «Базар (в Базьджуане — Б. К.) довольно большой и славится своими изделиями из тисненой кожи (главным образом кожаные части под седлом) и посеребренным железом (серебрит преимущественно пряжки, стремена, уздечки и др. части сбруи). Это последнее искусство очень изящно, и самый способ посеребления весьма своеобразный. Выковав из железа какую-нибудь вещь, мастер наносит на нее зубилом ряд насечек, а потом молоточком наколачивает тоненькую серебряную проволоку, причем, изгибая проволоку, получает различные узоры, а наколачивая ее тесными рядами, получает глянцевые поверхности. Такой способ посеребления очень медленный и дорогой (над парой больших пряжек для подпруги мастер работает 3 дня), но зато результаты получаются весьма хорошие: не раз приходилось видеть высеребренные таким способом пряжки уже совершенно изношенные, но никогда не замечая, чтобы серебро откакивалось. Серебряную проволоку изготовляет сам мастер из курсирующих денег, «тошан» (стоимость 15 коп.), серебро которых отличается мягкостью и чистотой сплава». (Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г., ИРГО, т. 41, вып. IX, СПб., 1908, стр. 624).

² Состоительные родители дарили своему сыну коня в полном снаряжении, когда мальчику исполнилось 15 лет. Подарок этот приурочивался обычно к дню намаза (намаз — два главных религиозных праздника — руза и курбан) и в честь этого семейного события устраивали колюдрание. Весть об этом событии передавалась обычно словами: «Паламба бой улдани олдандирити», что буквально значит: «Такой-то бай сделал своего сына конным».

Все это последний раз подчеркивает то огромное значение, которое имел конь в повседневной жизни докайца, недавнего кочевника.

Рис. 10. Локайская лошадь под седлом. Фото П. Г. Чучева.

Ленчик имеет высокую конусообразную переднюю луку, заканчивающуюся шишкой (эгар коши) и заднюю луку такую же высокую (по ниже узбекских седел в Узбекистане) в виде полукруглого саденья. Конструкция ленчика локайских седел не соответствует форме спины лошади, что заставляет подкладывать два, а то и более толстых потника.

Таким образом, седло со всеми частями получается довольно увесистое. У Г. Г. Хитенкова приводятся следующие сведения: «Вес седла с потником от 8 до 15 кг. В тяжелых седлах главный вес падает на потник, так как ленчик весит 3 кг, а путлища со стременами 1—2,5 кг. Следовательно, потники у седел некоторых джигитов доходят до 10 кг веса».¹

Потники и попоны изготавливаются чаще всего особыми мастерами.

Потник состоит из нескольких слоев: собственно потник, который стелится непосредственно на спину лошади, представляет собой толстую и плотную кошму; на эту кошму кладется подстилка. Она состоит из нескольких слоев кошмы, сверху прикрытых грубым домотканым сукном. Все это простегивается разноцветными шерстяными витками при помощи толстого короткого крючка, насаженного, как шило, на деревянную рукоятку. При простегивании крючком поверхность сукна одновременно вышивается тамбурным швом.

Лет 40 тому назад, когда состоятельные локайцы вели полукочевой образ жизни, женщина имела свое седло и все необходимое к нему. Женские седла имели ту же форму, что и мужские, но больше украша-

¹ Хитенков Г. Г., Ук. соч., стр. 237.

лист. Женщины ткали для своих седел ковровые подпруги. В кишлаке Бурденгель у пожилой женщины приобретена Музеем этнографии и археологии им. М. С. Андреева при Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР совершенно новая, вытканная лет 40 тому назад самой хозяйкой, ковровая подпруга шириной 20 см; ткань ее бумажная, а ворс — шерстяной. На нем выткан геометрический узор, называемый «лошадиное копыто» (от туйюги). Женщина очень бережно относилась к своему седлу, каждый раз после поездки заворачивала его в палас (бўгжом) и ставила в «переднем углу» комнаты,¹ там, где находятся постель, одежда и, вообще, все лучшие вещи.

Особых детских седел не было.

У локайцев употребляются два вида попон: 1) легкая ковровая (без ворса — кзил жулча) или из домотканной шерстяной мешковины (шол), употребляющаяся во время езды в нена погоду или в холодное время года; 2) теплая, выстеганная из кошмы и сукна попона, которой укрывают лошадь летом на ночь, а зимой и днем, даже во время езды (катта жул). Эта попона бывает иногда из легкой ткани, стеганая на вате и закрывает лошадь с головой; делаются отверстия для ушей.

У сыновей крупных баев (байбечче) бывали попоны из тонкого красного сукна, обшитые бахромой из крученных шелковых ниток и богато вышитые. Такие попоны назывались даур. Ими покрывали лошадь, на которой переезжали невесту в дом жениха.²

Непременной принадлежностью всякого наездника является нагайка (камчи). Она состоит из короткого сплетенного из полос кожи (обычно кожи двояго козла) крепкого жгута (сечение примерно 10—15 мм), прикрепленного к рукоятке такой же длины (20—25 мм в сечении). Рукоятка иногда на конце имеет кожаную петлю, в которую продевается кисть правой руки.

К седлу всегда бывает привешена торба, в которой дают лошади корм.

Большое значение коня в повседневной жизни локайцев нашло отражение и в некоторых религиозных обрядах, несмотря на то, что локайцы официально исповедывали ислам. В качестве подтверждения сказанного можно привести погребальный обряд. Обрядовое оплакивание умершего производилось в течение трех дней. В первый день покойника помещали в юрте и все собравшиеся родственники и близкие, мужчины и женщины, ходили вокруг юрты друг за другом и громко причитали, раскачиваясь из стороны в сторону и в такт своим движениям ударяя в ладоши, и били себя в грудь. Женщины накидывали на себя развернутые белые кисейные платки, которые закрывали голову, лицо, плечи и концы платков свешивались почти до земли. Подпоясывались они чалмами. Время от времени выходили из круга три женщины (обычно жена, мать и сестра умершего) и одна из них начинала быстро раскачиваться, громко рыдая и причитая, две другие поддерживали ее за талию. Время от времени первая подпрыгивала и при этом поддерживающие женщины приподнимали ее. Через некоторое время они вновь входили в круг. Если похороны откладывались на следующий день, оплакивание продолжалось всю ночь, но ночью причитали сидя.

После предания покойника земле, не позже следующего дня после

¹ Наиболее почетной считается удаленная от входа часть комнаты — «тур».

² В Музее им. М. С. Андреева хранятся две такие попоны, приобретенные одна в кишлаке Казак Советского района, другая — в кишлаке Оби-Киик Дагана-Киикского района.

его смерти (полагается в тот же день, если человек умер в первую половину дня), оплакивание вышеописанным образом продолжалось, но если умерший был юноша или мужчина в расцвете сил, вместо юрты с покойником, на открытой площадке перед домом или юртой ставили коня умершего.¹

Коня седлали и привязывали к колу посреди двора. Если конь был беспокойный, то его ноги попарно связывали, а узду привязывали к передним ногам. На седло набрасывали всю одежду умершего, вплоть до несшитых вещей, а если умерший не был женат, то и все, что он приготовил для невесты. Если часть вещей он уже отвез невесте, то она возвращала их для совершения этого обряда.

Все близкие начинали причитать и плакать, кружась вокруг коня, как в первый день вокруг юрты с покойником. Жена, мать и сестры время от времени отделялись от остальных и начинали сильнее раскачиваться. Одна из них подходила к коню, брала его за повод и начинала прыгать то вправо, то влево, две женщины, взяв ее за пояс, помогали прыгать. Затем оплакивающая бралась за стремя и прыгала то в сторону головы коня, то в сторону хвоста.

После оплакивания все вещи раздавались присутствующим. Несшитые вещи рвались на мелкие куски и раздавались всем жителям селения вплоть до младенцев.

Приведем несколько поверий, связанных с конем. При продаже коня уздечку или недоуздок не полагалось отдавать покупателю, а вместе с конем отдавался потник. Если приходилось продать любимого или ценного коня, то выдергивали из его челки 4 волоса и прятали.

При покупке коня, когда его приводили домой, то брали камень и постукивали им по земле и по копытам, чтобы копыта и ноги коня были крепкие.

Чтобы пропавшая лошадь нашлась, брали нитку, делали на ней узлы и прятали под расстеленную на полу кошму.

При пропаже коня не обходились без мулл. Они читали молитвы, которыми, как они говорили, «завязывали пасти волкам».²

¹ Если мужчина умирал насильственной смертью (во время войны, цареубийств), то его хоронили там, где он погиб, не обмывая и не заворачивая в саван, а в той одежде, которая была на нем. Если тело погибшего не было найдено, но на месте гибели оставались следы его крови, то погребали эту окровавленную землю. А в кишлаке родные совершали все три дня обряд оплакивания вокруг коня погибшего.

² Если умерший не имел коня, или его конь погиб вместе с ним, или был захвачен врагами, то семья умершего брала коня у родственников.

³ Кроме лошадей, локайцы разводили и ослов. Осел у локайцев называется ешак, ослица — матча, ослинок — тай-хар (от узбекского «тай» — деребенек и таджикского «хар» — осел). У локайцев ездить на ослах для мужчины считалось позором. Ослы служили им исключительно как вьючные животные. В этом ослы были незаменимы и для этого разводились в каждом хозяйстве. На них привозили вьючную воду, собранную на адырах кизяк и каурак и т. д. Все эти работы в основном выполнялись мальчиками-подростками. В сборе кизяка мальчикам помогали и девочки. На ослах возили зерно на мельницу и на базар. Вьючное седло осла (ешак тукуми) состоит из двух подстилок, стеганных на вате (жонтик), двух длинных и узких подушек, набитых сеном (муры) и подруги (ойил). Ослы также содержались почти круглый год на подножном корму, только в зимний период рабочих ослов подкармливали саманом и даже порой ячином. О происхождении ослов локайцы рассказывают следующую шуточную легенду. Осел — потомок шайтана. Бог выбросил из рая на землю сначала Адама, а затем уже Еву. Они упали на разные концы земли и в течение 500 лет не могли отыскать друг друга. Все эти годы шайтан тщетно пытался соблазнить Еву, обещая ей отыскать Адама. Однажды камень, лежавший в стене, ожалился над шайтаном и, приняв образ Евы, вступил с ним в сожительство. От этой связи появился на свет осел. Поэтому он крепкий и выносливый, как камень и ровненький, как шайтан.

Разведение мелкого и крупного рогатого скота

Разведение овец у локайцев в дореволюционное время зависело от специализации хозяйства и его мощности.

Основу бедняцкого хозяйства составляло обычно хлебопашество. Для удовлетворения самых насущных потребностей в молочных продуктах, мясе, сале, шерсти и коже такое хозяйство имело в лучшем случае десятка два овец и столько же коз. Продуктивность тех и других в бедняцких хозяйствах была чрезвычайно низкой, т. к. овцы и козы круглый год выпасались на прикишлячных пастбищах. Пасе стада в таких хозяйствах, как правило, сын-подросток, или же в кишлаке подобные хозяева сообща нанимали пастуха. После уборки хлебов скот нередко пасся и без всякого присмотра. В таких маленьких стадах не практиковалась разбивка животных по полу и возрасту. Овец после окота доили в течение нескольких месяцев, что отражалось на росте молодняка.

В бедняцких хозяйствах прирост не превышал пополнения обычной убыли стада, об увеличении поголовья не могли и думать. Осенью валухов в возрасте 6—8 месяцев продавали для покрытия текущих расходов семьи, а весной продавали овец для выплаты налогов, для приобретения семян и т. д. Такие события, как устройство поминков, обрезания и т. п. также принуждали ликвидировать часть стада. Овцы в описываемых хозяйствах, находясь все лето под палящим солнцем на выжженных и вытоптаных пастбищах, не нагуливали жира и поэтому зимой нуждались в подкормке. Это создавало дополнительные затруднения для бедняка.

В середняцких хозяйствах, которые у локайцев также имели земледельческое направление, количество овец доходило до 200—300 голов. Но и середняки самостоятельно использовать сезонные пастбища также не могли. Поэтому для отгона на летовки и зимовки они или объединялись, или присоединялись к богатому сородичу. Объединение двух-трех хозяев для зимовки называлось куш кутан (соединенный загон), а объединение для летнего выпаса называлось кушимча (соединение). Объединившиеся хозяева нанимали чабанов.

В середняцких хозяйствах прирост стада был весьма незначительным. В этих хозяйствах весной в течение месяца доили овец и молоко перерабатывали на сыр (курут), который заготавливали на зиму.

Зажиточные и богатые хозяйства земледельческого направления имели 500—1000 голов овец. Они имели возможность самостоятельно нанимать чабанов и использовать сезонные пастбища. В этих хозяйствах состав овечьего стада отличался от предыдущих. Весь молочный молодняк оставлялся на племя, а валухи сохранялись до 1,5 годовалого возраста (тохлы) и даже до 3,5 лет, т. е. оставались на 2—3 зимы и только после этого продавались.

Среди локайцев в предреволюционные годы оставалось небольшое число богатых хозяйств, в которых животноводство занимало первое место. В таких хозяйствах бывало не менее 3—4 тысяч овец.¹ Весь молочный молодняк здесь оставался на племя, а валухи выращивались до 3,5 лет. Валух такого возраста назывался чори (от таджикского чор — четыре, т. е. валух по четвертому году). Гиссарские чори высоко ценились на рынках Бухары, Самарканда, Коканда и др. городов. Обычно

¹ Эти хозяйства у локайцев имели и посевы, в отличие от чисто скотоводческих хозяйств карлуков.

хозяйин сам не занимался перегоном, а скотопромышленники закупали скот на месте. Скотопромышленниками были по преимуществу самаркандские и ургутские таджики. Закупка обычно производилась ранней весной, в марте. Составив гурты по тысяче голов в каждом, овец перегоняли в Зеравшанскую долину. После стрижки, составив гурты по пятьсот голов, их отдавали для пастбы на летних пастбищах Зеравшанского и Туркестанского хребтов полукочевым узбекам и тюркам на паях, или нанимали чабанов. С августа начинали перегонять овец для продажи на городские рынки.¹

Таким образом, только богатые и зажиточные и лишь отчасти средняцкие хозяйства имели возможность пользоваться сезонными пастбищами, нанимать опытных чабанов и разводить гиссарских овец.

Большие стада овец пасли, разбив на отары (сурук). Количество голов, входящих в одну отару, зависело от половозрастного состава ее и от общего количества овец данного владельца.

В богатых хозяйствах 300 подсосных маток с ягнятами, т. е. 1000—1300 голов, составляли одну отару. Молодняк обоего пола составлял отару численностью до 700 голов. Яловые матки составляли отдельную отару, их никогда не смешивали с подсосными матками. Также отдельно выпасались бараны-производители (кучкор): их держали вдали от остальных отар для предупреждения случайных спариваний. Численность баранов зависела от количества маток и могла достигать до 200 голов. Владельцы небольших отар держали баранов в общем стаде, но с подвязанными пабрюшниками, чтобы исключить возможность случки. Вожаками в отарах являлись 2—3 козла (серке).

Отару в 400—500 голов обслуживали два-три, а свыше 500 голов — четыре чабана. Если стадо превышало тысячу голов, то количество чабанов достигало пяти. В теплое время в течение дня отару пас один человек, а на ночь его сменяли два чабана. В холодное время чабаны сменялись и в середине дня. Бая наставляли обычно, чтобы в течение дня не производилась смена чабанов, так как овцы привыкают к окрику чабана, к определенному темпу передвижения и т. д.

Ценными помощниками чабанов являются собаки, местные овчарки, большого роста, большеголовые с обрезанными ушами. Они не только охраняют отару от волков, но и помогают собирать и перегонять стадо. На отару до 500 голов ставили трех, а свыше 500 — четырех собак.

Перегон овец на летние пастбища начинался в начале мая, перед колошением ячменя. Владелец отсчитывал старшему чабану одну отару и, со словами: «Вот этих овец вам передал, богу передал» («Мана шу куйини сизга бердим, худога бердим»), благословлял в путь.

Летние пастбища располагались на хребтах Гиссарском, Каратегинском, Петра Первого и Дарвазском.

Лучшие (менее засоренные, хорошо снабженные водой и т. п.) пастбища располагались в более отдаленных районах. Особенно славилась пастбища на хребте Петра Первого в обширном урочище Тубчак. Эти пастбища были в руках крупнейших овцеводов из племени Карлук и убаев узбекского племени марка. Локайские овцеводы преимущественно пользовались более близкими пастбищами. Локайцы Ауурской, Кийкской и Яванской долин занимали пастбища на Гиссарском и Кара-

¹ Гребенкин А. Д. Мият Ежегодник Туркестанского края, вып. 1 Сиб., 1874, стр. 103; Хорошай А. П., Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, Сиб., 1876, стр. 174.

тегисском хребтах. Особой популярностью пользовалось у них урочище Каяз (по реке Каяз, одному из истоков реки Кафирниган), куда овцы из докайских долин добирались за 6—7 дней.

Докайцы Даугаринской долины своих овец перегоняли летом в урочище Чиль-Дара, Хафсала и Кара-Куган, расположенные к северо-востоку от Тавиль-Дары. В ближайших горах Себистан, Санглок и Сарсарак за недостатком воды оставались овцы менее зажиточных хозяев.

Среди докайцев Бальджуанского бекства было больше богатых овцеводов, чем у гиссарских докайцев. Они имели летние пастбища преимущественно на Дарвазском хребте и только в засушливые годы наиболее богатые из них переправляли свои отары через реку Оби-Хингоу и, переселившись через перевал Гардани-Кафгар, достигали до знаменитого среди овцеводов обширного урочища Тубчак. Обычно отары бальджуанских докайцев выше урочищ Хазратишо и Хафсала не подымались. Бай Амралли имел пастбища в известных урочищах Шотейан, Узбекон, Го-Дара и Чарм-Дара.

При перетоне на летовки опытные чабаны выбирали наиболее удобные и обеспеченные кормом пути. Отары двигались медленно, выпасаясь дорогой. Торопиться не следовало и потому, что на высоких перевалах нередко в это время лежал еще снег. Дорогой иногда заставали бураны, отары двигались влед за уходящей зимой и на высокогорных пастбищах заставали раннюю весну с дождями и пророй снегопадами.

Прохладная погода, обильный свежий и разнообразный корм, чистая пресная вода, хороший воздух и отсутствие насекомых благоприятно действовали на животных и они быстро нагуливали жир.

Летом производилась круглосуточная пастыба. Отдых устраивали только на 2—3 часа в самое жаркое время дня. Водопой производился два раза в день. По мнению чабанов, быстрота нагула и упитанность овец зависит не только от круглосуточной пастыбы, но и умелого выбора пастыбища, а также от регулярной подкормки солью. Соль давали раз в пять дней из расчета около 500 г на овцу. В районе летних пастыбищ не везде имеются месторождения соли, поэтому нередко приходилось привозить ее на осликах издалека.

По упитанности овец судили о мастерстве чабана. Хороший чабан должен был знать все наиболее известные пастыбища и пути к ним, он должен был знать как кормовые, так и вредные и ядовитые травы.

Каждое пастыбище имеет свое название и свои особенности. Некоторые из них вошли в поговорки и пословицы или воспеваются в песнях. Например, про урочище Буркунчак, где растет тощая и редкая трава тармак, дающая хороший нагул, чабаны карлуки говорят: «Буркунчак куйнинг кутини килди бир кучок» — «Буркунчак делает курдюк овцы в целый обхват». Чабаны говорят даже, что самым лучшим лекарством для человека от всех болезней является барвинка, т. к. овцы на летовках едят различные лекарственные травы.

На летовках в июне производилась стрижка ягнят, а в конце августа — осенняя стрижка овец. Запоздывать с осенней стрижкой было нельзя, т. к., по словам чабанов, с наступлением холодов замедляется рост шерсти и зимой овцы с недоросшей шерстью мерзнут. Осенью стригли лишь упитанных животных, остальных, особенно магов, оставляли, чтобы избежать болезней и выкидышей в тяжелый зимний период.

К стрижке бай, владелец овец, обычно сам приезжал на летовку и занимал на месте или привозил с собой несколько десятков человек стригалей в зависимости от количества овец. Плата производилась

шерстью: павильишней — получал $\frac{1}{10}$ часть от настриженной им шерсти. Осенняя шерсть шла лишь на изготовление войлоков.

На высокогорных летних пастбищах овцы оставались до конца сентября. По словам овцеводов, тиссарские овцы не переносят жару (даже заболеливают и гибнут от нее), поэтому одним из важнейших условий сохранения высоких качеств этой породы является ранний переток на летовки и позднее возвращение. Начинали возвращаться только тогда, когда на летовках 2—3 раза выпадал снег. В это время в предгорьях начинается осенний рост трав, орошаемых ночными росами, если даже нет дождей.

Конец лета и приближение осени определялись по появлению над горизонтом на утренней заре созвездия Плеяд — Хулкар, что происходит в июле.¹ Начало осени определялось по появлению созвездия Орiona, местным населением называемого Таразы (весы), т. е. три рядом стоящие крупные звезды напоминают коромысла весов. Резкий поворот от лета к осени в природе происходит в конце августа, когда над горизонтом на заре появляется самая яркая звезда нашего неба — Сириус, называемый локайцами Джаркыравык — «Сверкающий». Он называется у таджиков Ситоран хунук — «Холодная звезда». Старики говорят: «После появления звезды Джаркыравык день поворачивает к холоду, земля смягчается, начинают вновь расти травы, трудно молотится хлеб,² овцы начинают возвращаться с летовок».

Осенью происходит один из ответственных моментов в овцеводстве — случка («кучкор куйгон вакт»), от правильного и своевременного проведения которой в основном зависит как прирост поголовья, так и сохранение его качества. Обычно бай на это время выезжал к отарам.

Начало случки строго регулировалось. Богатые овцеводы, имевшие хорошие зимние пастбища в самых южных районах, проводили случку с 1 октября, а овцеводы беднее, оставившие овец зимовать в зоне кышлаков, начинали случку с 10 октября. Если по народным приметам ожидалась снежная зима, то и богачи проводили случку на 10 дней позже, чтобы оттянуть начало ягнения. Снежную зиму, например, предвещали частые и большой силы ветры «афташия».

Случка проводилась обычно на летних пастбищах, но расклеванных не слишком высоко, как, например, Тубчак. В те годы, когда осень наступала рано, случка проводилась во время возвращения на предгорья, но еще в зоне летних пастбищ.

К началу случной кампании овцы должны были находиться в максимально упитанном состоянии. С этой целью за месяц до начала ее проводили круглосуточную пастьбу на особенно тщательно выбираемых участках пастбищ. Хорошим состоянием маток обеспечивалось дружное прохождение случки.

Овцеводы, конечно, были заинтересованы в большом количестве

¹ Среди локайцев были своего рода «профессионалы» — вычислители, которые лучше других разбирались в счете месяцев и в предсказании погоды — «жестяна», как «сезон» у казахов (см. Абишев Х. Элементы астрономии и погоды в устном народном творчестве казахов, Алма-Ата, 1949).

² Слоны, лежащие на току, сыреют от ночной росы и поэтому во время молотбы зерно плохо вымолачивается. У хорошего хозяина до появления Сириуса был полностью закончен обмолот хлебов.

двоен¹. По словам чабаров, для увеличения числа двоен требуется круглосуточная тщательная пастба за месяц до случки, как было уже сказано, и круглосуточная пастба в течение месяца после случки. Кроме того, считают, что следует в течение 10—15 дней до начала случки пастить овец на том пастбище, где будет проводиться случка.

Овцеводы огромное значение придавали подбору производителей. В то время, как весь маточный молодняк, независимо от качества, шел на племя, баранчики оставались только от лучших маток и, притом, похожие на отца, известными выдающимися качествами. При отборе производителей обращали внимание на величину, мощьность костяка, горбоносость и т. д. Большое значение придавали способности быстро откармливаться и нагуливать жир. На качество шерсти обычно не обращали внимания. Что касается масти, то большинство овцеводов предпочитали темнобурую, считая особой этой масти более крупными и выносливыми. Некоторые крупные овцеводы делили стада по масти (у гиссарских овец преобладают масти рыжая, бурая, темнобурая и черная с бурым оттенком) и баранов подбирали соответственно масти маток.

Барана в данной отаре держали не более двух, в крайнем случае, трех лет во избежание кровосмешения. Вообще же баранов-производителей держали до 8, иногда и более лет, переводя из одной отары в другую, обмениваясь с другими овцеводами. Бая сами выискивали лучших баранов, стоимость хорошего барана-производителя порой равнялась стоимости коня. Маток держали до 9—10 летнего возраста.

Производители вплоть до окота обычно оставались в отарах. Некоторые чабары их подкармливали ячменем в зимний период.

После проведения случки начинался или продолжался перегон на осенне-зимние пастбища. Спускались медленно, проделывая не более 5—6 км в сутки, т. к. на проходных пастбищах, особенно на сжатых полях, овцы находили обильный корм, поддерживающий летний нагул, а в зоне осенних пастбищ в дневные часы еще бывало жарко.

Осенние пастбища располагались в зоне локайского расселения. Овцы паслись на сжатых полях, а также в долинах, которые не распахивались и служили пастбищем (Яванская, Леурская, Дангаринская, Джарыпкульская и др.).

Отары крупных овцеводов, в частности карлуков, осенью вблизи кишлаков оставались не более одной недели, только для отчета хозяину, затем угонялись в туган речных долин, где овцы находили обильный свежий корм. Наличие различных солянок² освобождало от кормления солью.

Поздно осенью, в ноябре, овцы перегонялись на зимние пастбища, расположенные на холмах и равнинах юга Южного Таджикистана, в районе Курган-Тюбе, Шартуза и Микоянабад (Кобаджана). Но локайские овцеводы почти не пользовались этими пастбищами, т. к. свое небольшое количество овец они прокармливали у себя в зоне кишлаков. Отары локайцев Кникской и Леурской долины зимовали на восточных склонах гор Газималек и на холмах Донгуз-Адыр. Овцы яван-

¹ «Гиссары ягнят преимущественно по одному ягненку. Двоен бывает не много. Тройни являются исключением. Иногда выпадают годы, когда замечается повышенный процент двоен. Бывали случаи рождения двоен у отдельных овцеводов до 20% и более от общего стада маток. Повышение рождаемости двоен овцеводы объясняют лучшей упитанностью животных, вследствие более благоприятных кормовых условий» (Азаров С. Г. и Бригис О. Н., Ук. соч., стр. 121).

² Соляника — растение, растущее на солончаках.

ских докайцев зимовали на Донгуз-Адыре, на холмах Джитим-Тау и Нарын-Тау. Овцеводы Дангаринской долины перегоняли овец на пастбище в горы Чал-Тау, Терекли-Тау, Найман и Табакчи, в долины между этими горами с обширными солончаками Манка-Шор, Калта-Шор и др., а также на равнину Батрабад к западу от гор Табакчи.

Бальджуанские докайцы перегоняли овец на обширные холмы южной части гор Джилан-Тау — урочища Алимтай, а наиболее богатые угоняли далее на юго-запад — в Курган-Тюбе, Кобаджан и Шаарту.

В засушливые годы на зимних пастбищах равнинного юга бывало мало корма, овцы крупных басов оставались зимовать в предгорьях зоны докайских и карлукских кишлаков. В особенно засушливые годы, когда и в предгорьях бывал неурожай трав, овцы, как и лошади, выискивались в тугаях речных долин. Гиссарские докайцы стояли своих овец на Арал-Тугай.

Зимний период называется «кши кутан» — «зимний загон». Это — один из самых трудных периодов в работе чабана. «Овца — ценное животное и требует очень заботливого ухода, — говорит чабаны, — и особенно внимательный уход необходим в зимний период». Если зимой плохие пастбища и плохая пастыба, то весь летний труд пропадет даром и, как говорят чабаны, «если овца две зимы подряд плохо проведет, то как ни корми ее летом, все равно она уже не будет настоящей овцой».

Хотя зима в зоне зимних пастбищ короткая и мягкая, но условия зимнего пастбищного содержания были раньше очень тяжелыми, т. к. никаких запасов корма не делалось. Подкармливали ячменем или соломой только больных и слабых животных. Никаких помещений или навесов для укрытия овец в непогоду не строилось, а устраивался лишь загон (кутан) для каждой отары в защищенном от ветра месте, обычно на южном или юго-восточном склоне холма или у самой ее подошвы, так, чтобы и ветер не достигал кутана, и солнце освещало его как можно дольше, и поток, текущий во время дождя по дну долины, не заливал его.

Кутан представлял собой ровную площадку круглой или овальной формы, огороженную изгородью высотой в 1,5—2 м. Изгородь делалась из того материала, который был под рукой: камыш, хворост, каврак (ферула), камень, глина, дерн. Размер кутана зависит от величины отары, обычно 10—15 м в диаметре. В кутане постепенно накапливался овечий помет, который утеплял пол. Приставленный к кутану чабан должен был следить за тем, чтобы пол кутана был сухим к возвращению овец с пастасов. В ясную погоду этого не трудно было достигнуть: в течение дня свежий помет подсыхал и овцы ложились на теплый пол. Но если ожидалась осадки, то накопившийся сухой помет собирался деревянными лопатами в одну или две кучи в середине кутана. Перед самым вводом овец в кутан этот помет, намоченный во время дождя или снега только сверху, расплался ровным слоем по всей площади кутана, чтобы овцы ложились на относительно сухой пол. В ясные дни делали запас сухого помета на случай затяжного ненастья.

Кутан на одном и том же месте устраивали 2—3 года подряд, так как чем толще слой помета, тем теплее пол. Но в старых кутанах обычно заводились клещи (кене) и приходилось на третий или четвертый год зимовки для данной отары устраивать новый кутан.

Рядом с кутаном устраивалась землянка или яма для зимних мняг, которые могли быть в любой отаре от случайного раннего спаривания. В этой землянке хранились также вещи и продукты чабанов и устраивался очаг для приготовления пищи в ненастные дни.

В зимний период овцы паслись с раннего утра до позднего вечера, а на ночь загонялись в кутан. Сами чабаны ложались также в кутане у ограды, т. к. в течение ночи требовалось несколько раз поднимать овец, чтобы они стряхнули с себя снег или дождь, переменяли положение и легли на новом месте. Если ночь была особенно холодная, то в полночь овец не только поднимали, но и выводили из кутана и, прогнав 4—5 км, чтобы они согрелись, снова загоняли в кутан.

Овец, зимующих в предгорьях, поили не ежедневно, а через 2—3 дня. В период с обильными осадками совсем не поили, так как, по выражению чабанов, они «удовлетворяются водой земли», т. е. дождевой и снеговой водой, едят снег, кормятся мокрой травой. Овец же, зимующих на пустынных пастбищах равнинной части, поить полагалось ежедневно.

На предгорных пастбищах овцам время от времени выдавалась соль, а зимующим на зимних пастбищах, где растет много солянок (в частности в речных долинах кустарник кара-борон или кара-борох) и где имеются солончаки, соль не выдавалась.

Ранняя весна (период с февраля до середины марта) называлась у овцеводов кора галтанг или кора килтинг¹ и считалась одним из самых тревожных периодов. Кора галтанг продолжался 40 дней и предшествовал хлопотливому и не менее тревожному периоду ягнения маток (тул).² Начало сорокадневного периода кора галтанг определялось по суягным маткам — вымя их начинало наливаться. С этого времени заканчивался период зимнего кутана, овцы переходили к ночной пастыбе, т. е. овцы пасли всю ночь и лишь с восходом солнца загоняли в кутан на несколько часов. Такой режим устанавливался, по словам чабанов, для того, чтобы усилить движение крови, чтобы суягные матки больше были в движении, чтобы «сухожилия их ног окрепли». Он должен был вводиться обязательно, по словам чабанов, за сорок дней до начала окота, «иначе овцы не будут крепкими».

Этот период считался тревожным для овец, вышедших из кутана, потому что «травы в это время еще не пробивается, — как говорят чабаны, — и земля бывает еще голая и черная», а погода отличается неустойчивостью (в этот период выпадает наибольшее количество осадков). Но самым страшным были морозы. Продолжительные морозы задерживали рост трав, что приводило к истощению и гибели животных. По словам дожайцев, если зима бывала суровой и весна поздней, то «из десяти отар оставалась одна».

Период ягнения маток начинался в середине марта, т. е. ранней весной, еще в холодное время. Иногда весна наступает ранняя, на зимних (и они же ранне-весенние) пастбищах бывает тепло и зеленеют ранние эфемерные растения, в частности осока — ранг. Но нередко зима затягивается или, после потепления в феврале, в марте внезапно, вновь наступают холода; особенно холодными бывают ночи. Поэтому к началу окота устраивались землянки или просто ямы для укрытия ягнят. Многие овцеводы к началу окота пригоняли овец ближе к кишлакам и в защищенных местах вблизи водоемов устраивали новые кутаны, которые в отличие от зимних назывались тул кутан. Ягнение заканчивалось в апреле.

В больших отарах в течение суток могли родиться более сотни ягнят. Чабаны торопливо следили за каждой маткой. Если слабая матка при-

¹ Этимологию слов «галтанг» и «килтинг» нам не удалось выяснить.

² Тул — окот, ягнение овец.

носила двойню, а здоровая — одиноца, то от слабой брала одного ягненка и подсаживали к здоровой. Если рождался мертвый ягненок или ягненок погибал сразу после рождения, то этой матке тотчас подсаживали ягненка из числа двоен или ягнят-сирот. Для того, чтобы матка приняла чужого ягненка, его сначала тщательно вытирали, затем его шерсть обмазывали околоплодной жидкостью или молоком этой овцы, или же обсыпали ягненка солью и заставляли матку облизывать приемника, а затем обводили его вокруг головы приемной матери. Если и после этого овца не хотела подпускать чужого ягненка (бывают случаи, что овца не хочет подпускать и своего ягненка), то их помещали в узкую землянку и оставляли одних на некоторое время.

На время окота и помощь чабанам бай нанимал еще 2—3 человек. В зажиточных и средних хозяйствах помогал сам хозяин и члены его семьи. Крупный бай, хотя и не участвовал в работе, но период окота проводил в своих отарах. Он обычно привозил чабанам муку, чтобы им не приходилось отлучаться. Бывали случаи, что бай, видя, как хорошо идет окот, на радостях дарил старшему чабану халат со своего плеча и угощал чабанов пловом.

Обягнившиеся матки вместе с ягнятами в течение 5—6 иногда и 10 дней (в зависимости от погоды) оставались у кутана вблизи от него. Ягнята развиваются быстро и через 5—10 дней их уже с матками пускали в общее стадо. Дней через 15—20 ягнята уже самостоятельно подкармливались травой. Только слабых ягнят (особенно если весна выдавалась неблагоприятной) приходилось подкармливать молоком и зерном. Очень маленьким чабаны вливали молоко из своего рта. В нормальных же условиях здоровые матки многоплодны и хорошо выкармливают двоен.

В богатых хозяйствах овец не доили, за исключением тех, ягнята которых почему-либо погибали. Чабаны считают, что если доить подсосных маток, то у ягнят от недоедания заболевают легкие. Баранчиков, за исключением оставляемых на племя, в четырехнедельном возрасте (по сведениям некоторых чабанов, гораздо раньше) кастрировали надрывом семенного канатика под кожей.

В апреле горы, холмы и долины, где разбросаны докайские кишлаки, покрываются роскошной растительностью. Многие тысячи голов овец, зимовавшие в более южных районах, в апреле подымались на эти пастбища, так как ранние эфемерные растения пастбищ пустынной долины уже засыхают. После тяжелой зимовки овцы на этих богатых пастбищах быстро поправлялись, крепили и набирались сил для перегона на летние пастбища. Ягнята растут очень быстро и к моменту перегона на летние пастбища обычно бывают в состоянии проделать трудный и долгий путь. Весной пастьба была круглосуточная с отдыхом на 2—3 часа и жаркое время дня. Пить полагалось 1—2 раза в сутки.

Перед отгоном на летние пастбища в начале мая производилась стрижка овец. Запастывать с весенней стрижкой не полагалось, чтобы к осени шерсть успела достаточно отрасти. Не стригли только слабых овец. На отару набиралось 50—60 голов таких овец, стрижку которых откладывали на июнь месяц, т. е. их стригли уже на летних пастбищах и, следовательно, всего один раз в год. Шерсть весенней стрижки шла на пряжу.

Стрижка производилась дашими пожилыми производителями местных кузнецов. Для весенней стрижки так же, как для осенней, привле-

калась дополнительная рабочая сила. Крупные бай, чтобы произвести стрижку в сжатые сроки, нанимали до 40—50 человек.

Наш краткий обзор основных приемов по разведению и выращиванию тиссарских овец в прошлом закончим сведениями по народной ветеринарии. Чабаны, например, лечили раны, извлекая из них червей, промывая, прикладывая лекарственные растения, смазывая жиром и т. д.; вытаскивали из ушей животных колючки (киштик); лечили желудочно-кишечные и др. болезни различными травами и их отварами и т. п. Наряду с этими рациональными эмпирическими способами лечения, в большом ходу были всякие магические приемы «лечения» — заговоры, талисманы и т. п. Например, если по дороге встречались мазары, то овец прогоняли вокруг них, чтобы больные поправились, а здоровые не заболели. При повальных болезнях мелкого рогатого скота прорывали в земле ход с двумя отверстиями и пропускали через него животных, «чтобы болезнь осталась в земле», или же на дороге, по которой проходят стада, хоронили козла, уложив на спину, т. е. ногами вверх.

Все изложенное показывает, что разведение и выращивание тиссарских овец требовало большого мастерства и многолетнего опыта, поэтому старшими чабанами, ответственными за отару, нанимали людей не моложе 30 лет. Крупные бай старались нанимать чабанов из наиболее прославленных чабанских семей, в которых мастерство чабанства переходило от отца к сыну, из поколения в поколение, т. е. старались нанимать не случайных людей, а тех, кто считал чабанство для себя почетным наследственным занятием. Старший чабан (аркэр) сам подбирает себе двух-трех помощников, рядовых чабанов (бечче, чопан, дахмарда или дамарда). Крупные бай имели еще надсмотрщика над всеми отарами — довам-бегн. От мастерства, добросовестности и честности чабанов в основном зависело благосостояние бая-овцевода, поэтому бай хороших чабанов всячески удерживал у себя, используя местные обычаи, прибегая к закабалению и т. д. Если такой чабан просил расчета, то бай отмалчивался и не давал своего благословения (дуо). Без благословения хозяина чабан не мог уходить, иначе его, как рассказывают старики, «за человека не считали». В таких случаях чабан увольнялся лишь при помощи посредников. У докайцев есть пословица: «Кампир уламан ден куркитоди, чупан — кетаман ден» — «Старуха пугает, говоря, что умрет,¹ а чабан пугает, говоря, что уйдет». «Чтобы «отблагодарить» бая за хлеб-соль и получить благословение, — говорят старики, — чабан бесплатно сверх положенного срока пас овец в течение одного месяца».

Договор (устный) бая со старшим чабаном заключался на 8 месяцев. За это время платалась плата: старшему чабану 12 овец, рядовым — по 7—8 овец и подпаску — 6 овец. Чабаны имели право присоединить для пастбы к отаре бая и своих овец, обычно не более 50—60 голов.

Чабан брал на учет все случаи гибели овец и осенью докладывал бая. Чабаны были поголовно неграмотными, поэтому учет потерь овец велся с помощью ниток, каждая павшая, или погибшая, или приврезанная овца отмечалась завязывавшем узла на нитке, причем для каждой целовозрастной группы чабан брал особый цвет ниток. Овцы могли погибнуть от самых различных причин: выпадали волки, в горах ягнят уби-

¹ Пугала не столько смерть старухи, сколько последующие мизократные разорительные поимки.

вало сорвавшимся со скалы камнем, колючее растение каррог после росы или дождя резало ноги овцам и захромавших чабан вынужден бывал прирезать и т. д. На мясо и шкуру таких овец аркор приобретал одежду, обувь и муку для себя и своих помощников.

По словам старых чабанов, если в среднем за лето из 1000—1200 голов убывало 100—150, но оставшиеся овцы возвращались с летовок в хорошо откормленном виде, то иногда бай даже дарил старшему чабану алачу на халат (кустарная хлопчатобумажная ткань). Даже убывь в 200 голов при условиях тех времен, когда овцы находились круглый год только на подножном корму, и полном отсутствии зоотехнического и ветеринарного обслуживания, не считалась высокой. Но бывали случаи, когда за очень короткий срок, в результате эпизоотий, погибало большинство поголовья.

Если бай находил, что чабан нечестен, что он продавал овец или резал здоровых, то при расчете с чабаном высчитывал недостающее число из овец самого чабана. Бывали бай, которые высчитывали по 2 овцы за каждую свою пропавшую и даже еще давали чабану несколько плетей.

При напряженной добросовестной работе в течение 4—5 лет, чабан мог заработать около сотни овец. Этот заработок, на первый взгляд может показаться высоким. Но нужно иметь в виду, что чабан должен был содержать и свою семью, которая не кочевала вместе с ним, значит, не питалась около отары молоком и мясом, которые время от времени перепали самому чабану, а жила в кишлаке и обычно не имела посева. Надо было приобретать хлеб для семьи, одевать и обувать ее, женить сыновей и выдавать замуж дочерей, устраивать тои, требуемые обычаем (по поводу обрезания сыновей, например, или справлять поминки по усопшим родителям и т. п.). Но даже эта плата считалась высокой, по сравнению с той, например, которую получали батраки тех же баев. Относительно повышенная оплата труда чабана объясняется, с одной стороны тем, что труд этот был квалифицированным, а с другой стороны — очень тяжелым. Недаром у карлуков есть пословица: «Дыйкон йагмирда тинади, дахмарда улганда тинади» — «Хлебопашен отдыхает во время дождя, а чабан — после смерти».

Чабан проводил почти всю свою жизнь вне дома, вне семьи, под открытым небом в любую погоду (чабану ни юрты, ни палатки не полагалось, чтобы он всегда был при отаре), укрытый только своим домотканым чекменем, питаясь в основном пресными лепешками, испеченными им же самим в котле или золе, и кислым молоком. Во время пастбища чабан ходил за отарой пешком. Несложное имущество свое (котел, продукты) при перегоне скота с одних пастбищ на другие выносил на осла или на лошадь.

Если отару обслуживали 3 чабанов, то распределение обязанностей между ними было следующим: один пас овец, другой собирал топливо и готовил пищу, третий ездил или за мукой для себя и для собак, или за солью для овец, четвертый отдыхал, чтобы затем сменить первого, а пятый уезжал навестить семью. В зимний период один человек специально следил за кутаном. Тяжелые условия труда чабанов подчеркивались и такой карлуковской пословицей: «Куй айтади: бир вакта кон ичтираман, бир вакта наг ичтираман» — «Овца говорит: в одно время кровью напою, а в другое время маслом напою». «И действительно, — говорят чабаны, — летом она поит маслом, а зимой кровью».

Только летом, когда на высокогорных пастбищах нет жары и пыли, воздух чист и имеется хорошая вода (из ледников), условия труда чаба-

нов улучшались. Летом чабан был обеспечен молоком и маслом, иногда ему перепадало и мясо. Дикорастущий лук, грибы, ревеня и другие растения разнообразили его пищу: грибы, например, варили в молоке; незабудка (жайлау-чай) заваривалась вместо чая. В ближайших гаджикских кишлаках чабан доставал орехи, сухие и свежие фрукты.

Когда овцы отдыхали в жаркий полдень, отдыхал и он. Во время пастьбы отары на хорошем пастбище он мог даже поспать и поиграть на своей домбре, с которой он не разлучался, и петь песни, которых, по признанию самих пастухов, ни у кого не было так много, как у чабана. Однако зимой и ранней весной условия труда резко ухудшались. Жизнь чабана наполнялась заботами, тревогами и лишениями.

Вооружение чабана состояло из ножа и палки. Нож (пичок) в ножнах (пичок кини, гълоп) висел у пояса на ремне (пичок боги). К поясу подвешивались еще иголка и шило в специальных кожаных футлярах (игна коп, бигиз коп), а также огниво (чоқмоқ) и кремь (чоқмоқ тоши) в кожаном мешочке. Кремь служил и для точки ножа. Весь этот комплекс предметов украшался бахромой (чоқоқ) из узких ремешков, свисающих ниже колен.

Посох чабана (таёқ) представлял собой толстую (примерно 3—5 см в сечении) палку длиной около 1,5 м, преимущественно из иргая (иргай — кизильник, кустарник из семейства розоцветных, *Cotoneaster Medic.*). Посох помогает чабану ходить по горам, перепрыгивать через речки; он нужен чтобы погонять и собирать овец, которых всюду достает умело брошенная палка. Посохом чабан приводил в повиновение бодливых баранов, неподчинявшихся окрику, он нужен был и для того, чтобы помочь собаке в ее схватке с волком и т. д.

Значение посоха, как орудия и оружия чабана, видимо, определило и то почтительное отношение к нему, которое было в недалеком прошлом. Например, при отправлении на летовку бай, благословляя чабана в путь, мазал салом его посох, так же как мазал и укрюк табушика, или как таджик-хлебопашец мазал растительным маслом рога своих волов в первый день пахоты (этот обычай затем перешел и к локайцам).

Если чабан бывал недоволен своим хозяином и хотел уйти, а бай не давал расчета, то чабан бросал свой посох и говорил, что больше он не будет пасти его овец и после этого уже не мог вернуться к данной отаре.

Как любезно сообщила нам А. К. Писарчик, в кишлаке Бурденгель Джарыпкульской долины ею записано от стариков, что самой сильной клятвой среди локайцев и «всех людей, говорящих по-узбекски», являлась клятва на посохе чабана. Посох клали на землю и клянувшийся говорил: «Таёқтай курай» — «Пусть высохну я, как этот посох», и три раза прыгал через него.

Локайцы говорили нам, что «прыгать через посох — это клятва наших дедов». Клялись не только на посохе чабана, но и на укрюке табушика. Если, например, один табушик обвинял другого в краже лошади, то бросал свой укрюк и говорил обвиняемому: «Прыгай!» (Пргли у!). Если обвиняемый действительно был повинен в краже, то он обычно не решался прыгать через укрюк, будучи уверенным, что такое святотатство приведет его к гибели.

Как у локайцев, так и у таджиков и кардуков овца являлась одним из самых почитаемых животных: она считалась вышедшей из рая во времена Адама и Евы. По словам старика Маматмуса Хайтова, из рая на землю попали семь подсосных маток (савлик) — и один баран (кучкор).

Их пас первый овцевод Чупон-ота — Отец-пастух, отождествляемый с Адамом.

Покровителем стад, как и повсюду в Средней Азии, считался «святой» Занги-ата или Занги-бобо, который, согласно преданию, похоронен близ Ташкента (мазар Занги-ата). В Кудрябской области есть кишлак Занги-бобо и одноименный мазар. Старики помнят легенду о том, что Занги-бобо будто бы пас в этих местах свои стада и на месте его «кадам-джой» (место, где он проходил, где ступала его нога) был возведен мазар и вокруг мазара возник кишлак.

Козоводство у локайцев было довольно развито, особенно среди бедной части населения. Разводили коз (ечки) ради молока, мяса, шерсти и шкуры.

Летом мясо их предпочиталось мясу других домашних животных, считаясь «охлаждающей пищей» (совуклик)¹ Шерсть шла на изготовление веревок и шнурков, столь нужных в хозяйстве, которое еще не совсем утратило свой прежний кочевой уклад. Козья шкура шла на выделку кожи для обуви и бурдюков (овечья шкура не годилась для этого).

Местные козы некрупны и малопродуктивны.² Это объясняется теми условиями кормления, разведения и содержания, которые были у локайцев до самой коллективизации.

Козы круглый год выпасались на прикипчатных пастбищах, причем на худших участках. В тех хозяйствах, где коз было немного, они ходили в общем стаде с овнами и коровами, а в других, где они составляли несколько десятков голов, их выделяли в отдельное стадо. Пасли их обычно мальчишки-подростки. После уборки хлебов козы бродили и без всякого присмотра.

Рано утром, после досния, козы отгонялись на выпас, а вечером пригонялись. На ночь привязывали только козлят. В холодное время козы помещались в загон или сарайчик, сооруженный из каурака (ферула). Козлят и ягнят помещали также в загончики (шик), а для слабых и маленьких рылись специальные ямы в хлеву или их на ночь брали в юрту.

Стада коз содержались без подразделения по полу и возрасту, поэтому окот шел в течение всего года. Никакого отбора производителей и подбора маток не было. Молодняк шел в случку по мере половой зрелости. Эта смешанность отар приводила к беременности в раннем возрасте, следовательно, к задержке развития коз и их приплода.

Таким образом, локайцы злоупотребляли, если можно так сказать, неприхотливостью коз и мало проявляли о них заботы и получали в результате гораздо меньше продуктов от них, чем они могли дать.

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса разведения крупного рогатого скота.

¹ В народной медицине среднеазиатских народов существует деление пищи и организма людей на две категории: на охлаждающую (совуклик) и горячительную (шувуклик), причем считается, что каждая из этих категорий пищи оказывает противоположное действие на состояние организма человека. К категории охлаждающей пищи относятся, например, рисовый суп, молоко, зеленый чай и пр.; к категории горячительной относятся: мед, грецкие орехи, плоды, коньяк, березовый, черничный чай и пр.

² Высота в холке 62,5 см, обхват груди — 83,3 см, живой вес коз — 44,8 кг, овнов — 47,2 кг; головной настриг шерсти (шерсть грубая) 370 г у козла, 330 г у козы; среднесуточный удой за 5 месяцев лактации 480 г (включая молоко, высасываемое всосанком); средняя двойность — 10-12%, иловость не превышает 5% (Л. Бебева И. Г. и Гуреева Т. И. Местные таджикские козы и метизация их ангорскими козами. Сборник «Животноводство Таджикистана», Сталинабад, 1943, стр. 120, 123, 124).

Крупный рогатый скот с переходом локайцев к земледелию и оседлому образу жизни стал занимать видное место в их хозяйственной жизни. В предреволюционные годы середняк имел 4—5 дойных коров, а в богатых хозяйствах постоянно держали их до 20 и более. В крупных хозяйствах исключительно земледельческого направления, имевших посевы хлопка на орошаемых землях Арал-Тугая, бывало до 100 и более голов рабочих ватов и до 80 коров.

Для того, чтобы создавалось правильное представление об обеспеченности тех же середняцких хозяйств молочным скотом и тягловой силой следует дать краткую характеристику местного крупного рогатого скота.

Крупный рогатый скот локайцев не отличается от скота соседних таджиков и является разнообразностью породы, известной в зоотехнии под названием «туркестанский зебу». В настоящее время в зоотехнической науке установилось мнение, что эта порода является результатом многовекового стихийного скрещивания зебу, скота аборигенного иранского населения, с так называемым киргизским скотом тюркских пришельцев.¹

Местный скот, наряду с такими положительными качествами, как приспособленность к местным природным условиям (в частности стойкость против кровепаразитарных заболеваний), неприхотливость и, в то же время, чрезвычайная отзывчивость на улучшение условий кормления и содержания, жирномолочность, обладает таким недостатком, который не может быть компенсирован отмеченными выше достоинствами, а именно — низкой продуктивностью. Местный скот мелкий (высота в холке 100—110 см, живой вес 180—250 кг), молочная продуктивность его чрезвычайно низка — местная корова дает в среднем 2—2,5 кг молока в день в течение 7—8 месяцев в году.²

В тот период, когда локайцы преимущественно были кочевниками — скотоводами (до 70-х годов XIX в.) крупный рогатый скот круглый год находился на подножном корму и под открытым небом. Только телята в непогоду помещались в землянку, специально сооруженную для них, или в юрту самого хозяина. По словам уже упомянутой старухи Толганай, коровы и телки на ночь в зимнее время укрывались кошмами («Женщины с вечера до ночи бывали заняты укрыванием скотины кошмами»).

¹ Колесник Н. Н., Эволюция крупного рогатого скота, Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, т. 24, Сталинабад, 1949, стр. 212.

² Солдатенков Н. И., Об улучшении местного крупного рогатого скота, Сельское хозяйство Таджикистана, № 1, 1948, стр. 10.

Такая низкая продуктивность, по мнению зоотехников, объясняется не только плохими условиями кормления и содержания, но и тем, что в отношении крупного рогатого скота существует противоречие в соотношении естественного и искусственного отбора. В теплых странах, в связи с определенными закономерностями тепло-регуляции у животных, естественный отбор обычно ведет к созданию преимущественно узкотельных форм животных, а для развития высокой продуктивности крупному рогатому скоту, в большинстве случаев, требуется более мощный широкодельный тип телосложения.

Для преодоления указанного противоречия требуются такие мероприятия (как по созданию новых условий кормления и содержания, так и по селекции), которые были совершенно невозможны в прежних условиях примитивного кочевого экстенсивного скотоводства и которые осуществляются только в настоящее время, в условиях социалистического колхозного строя.

Подробнее см. Колесник Н. Н., Крупный рогатый скот Таджикистана, Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, т. 23, Сталинабад, 1948; он же, О животноводстве Таджикистана в связи с местными особенностями природных условий, Труды Таджикского филиала АН СССР, т. 28, Сталинабад, 1951, стр. 3—12.

Один из наших информаторов из кишлака Кош-Булак Дангаринского района рассказывал: «Мне 60 лет. До меня не было чолтары (дом). Зимой и лето жили в юртах. Для скота на время снегопада устраивали заслон из кошмы или паласа».

По словам другого старика, Мулла Бабакула, при его отце зимой скот находился «под снегом», а специальные помещения для скота распространялись уже в его время.

Хлев (агил) представлял собой тесное, темное, зараженное клещами, глинобитное помещение, куда на ночь в зимнее время загонялся скот без различия пола и возраста и держался не на привязи. В результате у стельных коров от травматических повреждений нередко бывали выкидыши. Часть скота попрежнему оставалась под открытым небом. Для них в лучшем случае устраивался загон, огражденный глиняной оградой или забором из каурака.

На Арал-Тугае и в других местах, где имелся камыш, для молодняка устраивались землянки в виде траншей, перекрытых двухскатной камышевой крышей.

Крупный рогатый скот выпасался постоянно на прикишлячных пастбищах. Только баи, выежившие на лето с семьей, перегоняли туда дойных коров, а яловые коровы и молодняк оставались у них в кишлаке и паслись все лето без всякого присмотра.

Прикишлячные пастбища были чрезвычайно низки по качеству от беспрерывного стравливания. Трава на них весной рано выгорает и поэтому поправлявшийся немного за весну скот летом снова худел; осенью опять немного поправлялся, выпасаясь на стерне, а зимой снова худел и выходил из зимовки совершенно истощенным.

В зимнее время крупный рогатый скот не выпасался только в те дни, когда лежал снег и тогда ему выдавался саман или изредка сено, которое некоторые хозяева, заготавливая весной в очень незначительном количестве, причем траву жали серпами. Коровам время от времени перепали жмых или отруби.

Рабочие волы получали подкормку в течение трех зимних месяцев, т. е. в это время производилась пахота. Им, кроме самана, выдавалась высушенная люцерна и жмых. Последнего полагалось 3—4 горсти на голову и выдавался он в один (утром) или два приема (утром и вечером), причем жмых толкли в ступе и давали, смешав с саманом, или его предварительно разводили в воде, а затем мешали с саманом. С наступлением весны волы целиком переходили на зеленый корм. В период уборочных работ волы, работавшие на току (на волах свозились снопы с колес на ток и молотья производилась также при их помощи), волю наедались саманом, снопами и даже зерном. После окончания полевых работ и до начала пахоты, т. е. в течение 2,5—3 осенних месяцев волы не получали подкормки и бродили без присмотра в окрестностях кишлака. Волнов начинали впрягать в плуг (омач) с 4—5 лет.

Как и в козоводстве, в разведении крупного рогатого скота никакой заботы к отбору производителей и подбору маток не проявляли. Случка была вольная, в общем стаде. «Рогатый скот (в Восточной Бухаре — Б. К.) малорослый, — писал некий С. Мазов в 1886 г., — и употребляется почти исключительно для полевых работ. О разведении его жители почти не заботятся, т. е. мясо его они совсем не употребляют в пищу».¹

¹ Мазов С., Восточная Бухара, Бадахшан и Северный Афганистан, Русское дело, № 17, 1886, стр. 11.

Отел происходил обычно в начале весны (февраль-март). Однако, вследствие недокорма в зимний, предшествующий отелу период, молочная продуктивность, несмотря на обильный зеленый корм, была низка, телята из-за недостатка молока развивались слабо, а случка вследствие плохой упитанности маток затягивалась и в результате была большая яловость.¹

Особенно плохо ухаживали за телятами. После отела теленок в течение 2—3 дней оставался под матерью в загоне или хлеву или просто во дворе, если время было теплое; затем его отделяли. Доейные коровы были двухкратные: после утренней дойки коровы угонялись на выпас, а телята просто выгонялись из пределов кишлака и целый день бродили без присмотра. Вечером коровы пригонялись, телята собирались (обычно их отыскивали и пригоняли дети) и подпускались к матерям. Пока хозяйка ходила за подойником, теленок успевал высосать некоторое количество молока, затем его привязывали около матери и корову доили. После выданвания коровы теленок снова подпускался к вымени коровы и высасывал оставшиеся капли молока. В результате систематического недоедания и легкого зноя телята буквально еле держались на ногах и, как замечает В. Ф. Сидельников, забота о них состояла только в том, «чтобы обеспечить телят только поддерживающим кормом и не дать им погибнуть, ибо со смертью телят становится почти невозможным получение молока от коровы».²

Для пастьбы коров жители более или менее крупного кишлака (20—30 дворов) нанимали пастуха — подавон (от таджикского «подабон» — пастух крупного рогатого скота). Об оплате за каждую голову крестьяне заранее договаривались между собой. Кроме платы, пастух каждый вечер ходил по дворам и кричал: «Оши халол!» («Честно приобретенная, чистая пища»). Ему подавали хлеб. Поданные куски пастух клал в сумку, висевшую у него через плечо.

В заключение приведем некоторые термины для обозначения крупного рогатого скота:

Теленок до года	—бузоу
Бычок по второму году	—жуона
Телка по второму году	—тона, бркодау
Бычок по третьему году	—гунон жуона
Бычок по четвертому году	—дунан жуона
Бык-производитель	—буко
Рабочий вол	—хуккиз
Корова	—сийыр
Дойная корова	—инак

¹ Сидельников В. Ф., Характеристика местного крупного рогатого скота Таджикистана и предварительные итоги метизации его львинями, Сборник «Животноводство Таджикистана», Сталинабад, 1943, стр. 19.

² Сидельников В. Ф., Ук, соч., стр. 25.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

У локайцев-скотоводов средствами производства являлись земля и скот. Из них основным средством производства при кочевом скотоводческом хозяйстве были пастбища и кочевья. После перехода локайцев к земледелию к средствам производства у них добавились еще пахотная земля, рабочий скот и различные орудия труда. Все перечисленные средства производства находились в частной собственности, которая утвердилась здесь много веков тому назад и давно являлась основой глубокой социальной дифференциации локайцев. Кочевья и пастбища составляли монопольную собственность локайской феодальной знати. Наряду с феодальной собственностью на землю существовала частная собственность на мелкое хозяйство рядового скотовода, основанная на личном труде.

Следует подчеркнуть, что в период самостоятельности горных княжеств, т. е. до подчинения их Бухарскому ханству, когда локайцы вели кочевой образ жизни, у них были очень сильны пережитки патриархально-родовых отношений. Поэтому частная феодальная собственность на пастбища выступала не всегда четко, а чаще в виде права родоплеменной феодальной знати распределять пастбища между родами и членами рода, т. е. в форме полновластного распоряжения пастбищными территориями этой родоплеменной по форме и феодальной по существу аристократии.

Территория, занимаемая локайским племенем, формально считалась собственностью всего племени. Формально любой локаец мог пасти скот по всему Локаю, не встречая никаких препятствий, но фактически он был поделен между отдельными родами и родовыми подразделениями, зависимыми от того или иного феодала, которые следили за целостностью своей территории. Внутри родового подразделения лучшей и большей частью пастбища владели те, кто имел больше скота.

У нас не имеется обстоятельных сведений о распределении пастбищ в Локае в период до подчинения Бухаре. Некоторое представление может дать следующий рассказ стариков, записанный в Джарыпкульской долине. В 60-х годах прошлого столетия главой рода Девет был некий Моллахайла Эльбегн. Все дела, касающиеся этого рода и его членов, разрешались им. В конце весны он первый выезжал на летовку и занимал лучшие пастбища, а за ним уже выезжал весь род Девет. Эльбегн лучшие пастбища распределял между баями. Осенью он первый возвращался в кишлак, а за ним перекочевывал и весь род, причем каждое родовое подразделение имело свое зимнее поселение — кишлак и свои зимние пастбища, которые распределялись Эльбегн, как и летние, т. е.

получал лучшие пастбища прежде всего тот, кто владел большим количеством скота, другими словами, баи.

После того, как бухарский эмир с помощью русского царизма окончательно покорил восточные феодальные княжества, все земли последних стали делиться на государственные (амлячные), эмирские (подшальчные), церковные (вакуфные) и частновладельческие (мильковые). Частновладельческими была обычно только та часть орошаемых земель, для приведения которой в культурный вид были затрачены значительный труд и средства. Этим землям в Восточной Бухаре было не более 2—3%.¹ Пастбища преимущественно были государственными и полностью находились в ведении правителя данной области (бека или мира), который назначался эмиром. Иерархическая феодальная собственность на землю отнюдь не исключала здесь того, что номинальным верховным собственником всех земель был эмир, который распоряжался землями и назначал управителей (беков) отдельными областями Бухарского ханства. Беки также имели возможность фактически распоряжаться землями в пределах подчиненной им области. За определенное подношение (тартук), т. е. взятку, бек мог произвольно отбирать пастбища у одних и передавать их другим. Например, от упомянутой выше осведомительницы Толганай нами записан следующий факт. Северо-западную часть Джарыпкульской долины (Казак-Сай), там, где расположены теперь кишлаки Бурденгель и Казак, лет 70 тому назад занимало колено Казак родового подразделения Девет, в свою очередь относящегося к роду Байрам. Остальная часть Джарыпкульской долины была почти не заселена. Свекор Толганай Байменбай, локаец из колена Бурденгель того же родового подразделения Девет, и еще двое из того же колена (отец некоего Балтабая — Пайзаманка Карши и некий Курбан-Кусе) решили занять местность Казак-Сай, а для этого нужно было вытеснить представителей родового подразделения Казак, которые в этих местах пасли скот, но пашен не имели. Для этого вышеупомянутым локайцам из колена Бурденгель пришлось отвести беку Бальджуана 8 коней и таким образом закрепить за собой эту долину.

По многочисленным свидетельствам пожилых локайцев, с которыми нам приходилось разговаривать во время работы в полевых условиях, все лучшие, снабженные водой участки летних пастбищ в горах Ранген, Сарсарак, Бальджуан-Тау и др., раньше считавшиеся формально собственностью отдельных локайских родовых подразделений, были захвачены баями, которые сограли с них жителей ближайших кишлаков. Из-за захваченных пастбищ между самими баями постоянно происходила борьба. Более крупные из них силой отнимали пастбища у более мелких. Старшие чабаны и табунщики крупных баев нередко держали при себе 10—12 «молодцов» для защиты захваченных пастбищ и для агрессивных действий по отношению к пастбищам других баев. Их называли джер бакар — стерегушие землю (буквально «присматривающие за землей»). Рассказывают про одного бая из племени марка, что он захватил зимние пастбища на юге Яванской долины (урочище Ак-Таш), где держал зимой 500 голов лошадей, которых пасли 5 табунщиков, а пастбища охранялись 5 джербакарами. Известен был вор Хатам Карышка, который с шайкой своих молодчиков специально занимался захватом пастбищ для тех баев, кто из них больше ему платил. Иногда баи устраивали угощения чабанам и мирахурам, чтобы они занимали луч-

¹ Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, изд. 2, стр. 405.

шие пастбища. Между чабанами одного рода или племени и чабанами другого племени происходили настоящие побоища. Например, на-за летовки Хафсала на Дарвазе как-то произошло столкновение между локайцами и овцеводами племени дярхоби,¹ в котором участвовало до 300—400 чабанов и табунщиков. Такие столкновения из-за пастбищ между баями, в которые втягивались даже порой целые племена, происходили постоянно, о чем имеются упоминания и в литературе, касающейся Восточной Бухары. Спорящие и враждующие стороны нередко обращались к местным властям и даже к эмиру. Эмир посылал для разбора дела особого чиновника — махрама, который обычно только наживался на этой миссии и отдавал пастбище тому, кто давал больший тартук. Старик Куандык Фанзов из Джарыпкульской долины рассказывает нам, что локайский бай Амиралли, владеец 500 лошадей и 7000 овец, в течение трех лет вел борьбу с катаганским баем из Сарай-Камара из-за летних пастбищ на Дарвазском хребте (Шотейан, Дашти-Узбекон, Зира-Дара, Гуи-Дара и Чари-Дара), и для окончательного закрепления их за собой ему пришлось отвести в Бухару самому эмиру 300 лошадей, большое количество чоры (четырёхлетних баранов) и тенег (серебряных монет) в двух жеребчатых шкурах. Вполне возможно, что молва преувеличила размер этого «дара», но это не играет существенной роли. Несомненно сам факт.

У гиссарских локайцев часто возникали споры, перераставшие порой в крупные столкновения, с узбекским племенем марка и с таджиками Застрельщиками и руководителями подобных столкновений из-за пастбищ были богачи — главы родов (они одновременно являлись и бухарскими чиновниками), так как, будучи наиболее крупными скотовладельцами, они больше всего были заинтересованы непосредственно в разрешении этих споров в свою пользу.

Из-за классовых корыстных интересов локайские бай-скотоводы всячески препятствовали расширению земледелия у своих сородичей. Например, Матамбай из кишлака Гарау Яванской долины, имевший 1000 лошадей, запрещал своим соплеменникам иметь посея в Яванской долине, чтобы было привольно пастись его лошадям. Он жег посея, омачи (сохи), ярма волов и даже сами кишлаки. Если население жаловалось наукарам или самому беку, то Матамбай отвозил властям богатый тартук (чай, жеребчиков и т. п.), всегда оставаясь безнаказанным, вследствие чего еще более нагнет и захватывал все новые участки формально общинных земель.

Прикишлачные выгоны оставались в общинном владении жителей данного кишлака, т. е. того мелкого родового подразделения, поселением которого он являлся.

Что касается пахотных земель, то они были государственными, чирскими или вакуфными. На локайской территории последних было немного. Локайцы занимали районы, где посея (пшеница, ячмень, кунжут, лен, бахчевые и хлопок) производились на так называемых землях лядми или, как принято теперь называть, богарных, т. е. посея производились под зимне-весенние дожди и вырастали без искусственного орошения. Полеводство на землях лядми носило экстенсивный характер. Многие земли оставались неиспользованными, лежали под перелогами, т. е. обрабатывались не каждый год. Эти земли не были строго закреплены за их владельцами, и в том случае, если их забрасывали, они могли обраба-

¹ Дярхоби — ираноязычное кочевое племя Северного Афганистана.

тиваться другими. Видимо поэтому старики локайцы обычно говорят, что в Локае безземельных будто бы не было. Вообще же на территории обитания локайцев пахотной земли было довольно много, но не вся она была одинакова по качеству. Например, крутые склоны и южные склоны давали гораздо меньше урожая, чем пологие места и северные склоны. Затем, одни участки часто бывали более удалены от кишлака, а другие расположены близко и т. д. При разделе земли главы родов захватывали, конечно, лучшие участки себе. Кроме того, имея большое количество рабочих волов и семян, они могли расширить свои земли за счет земель бедняков, которые, не имея рабочего скота и семян, забрасывали свои участки.

Для уяснения системы и характера общественных отношений у локайцев также необходимо хотя бы кратко ознакомиться с административным устройством и колониальным управлением в Восточной Бухаре после превращения ее в колонию Бухарского ханства.

Здесь каждое бывшее княжество было превращено в особую область — бекство. Для ведения государственных, административных и земельных дел бекства эмир назначал бека, который фактически являлся полновластным хозяином области, обязанным выделять эмиру лишь определенную часть доходов. Каждый вновь назначенный бек приезжал с целой свитой родственников и близких ему лиц, которых назначал в отдельные амлякдарства¹ для сбора налогов. Для ведения судебных дел назначался казий; муфтий назначался для толкования законов шарията, а раис — для наблюдения за выполнением со стороны населения предписаний религии и шарията.

Бухарский эмир, чтобы создать опору своей власти, раздавал в Восточной Бухаре чины классовой верхушке кишлака. Получивший чин наделялся и определенным количеством крестьянских хозяйств (танхо), налоги с которых, за исключением налога со скота (зьякет), поступали вместо казны в пользу получившего чин и танхо, т. е. в пользу танхохура. Последний номинально был обязан военной службой эмиру, но фактически никакой службы не нес, за исключением того, что старался держать народ в полном повиновении.

Эмир и беки, щедро раздавая чины, а вместе с тем и некоторую часть своих доходов, получали взамен их от своих ставленников крупные «дары» (тартук) в виде лошадей, халатов и т. д. Например, чтобы получить самый низший чин (бахадур), нужно было поднести беку тартук стоимостью от 800 до 1200 тенег, чтобы получить высший чин из доступных местному населению (бий и додхо) нужно было преподнести эмиру тартук стоимостью до 15000 тенег.²

Крестьянские хозяйства (кош), выделенные в танхо тому или иному чиновнику или просто богачу, назывались фукаро или, как произносят локайцы, «пуқоро».

Мы уже отмечали, что эмирские власти, желая иметь в локайской родоплеменной феодальной верхушке свою опору для подавления недовольства трудящихся как локайцев, так и других племен и таджиков, особенно щедро наделяли ее танхо. В результате в Локае, по словам стариков, только примерно с 25% хозяйств (причем самых захудалых) налог шел в казну через амлякдаров, а все остальные хозяйства были розданы в танхо и были фактически крепостными. Как отмечает Б. Г. Га-

¹ Амлякдарство -- поземельно-податной участок.

² Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, стр. 13.

фурув, «В Бухаре существовали обе основные формы феодальной ренты: барщина и оброк.

Барщина существовала в форме так называемых хашаров, когда дехкан сгоняли работать совершенно безвозмездно (под видом помощи — Б. К.) для амлокдора или других крупных чиновников на землях, закрепленных за последними. Распространена была также форма бегори, когда дехкан в принудительном порядке заставляли участвовать в работах по возведению построек для эмира и его чиновников, по ремонту и очистке арыков и т. п. На дехкан возлагались также различные мужевые повинности. Все эти виды барщины отнимали у дехкан зачастую три четверти рабочего времени.

Оброк в виде бесчисленного количества налогов, которые трудящееся дехканство обязано было выплачивать по всякому поводу эмиру и его представителям на местах, был более распространен, чем барщина.¹

Локайны, как и другие земледельцы, обрабатывающие земли ляльми, платили следующие налоги: за право пользования землей $\frac{1}{10}$ урожая (ушр); амлякдару за «труды» — 8 фунтов с каждого батмана (1 батман, примерно 12 пудов), дарго, мелкому податному чиновнику — кафса (по обоюдному соглашению); аксакалу, сельскому старосте — 8 фунтов с батмана; домулло-имаму, сельскому священнику — около 2 пудов (2 нимхурда); затем в пользу ишана милостыню.

Помимо всего этого, еще взималось: яксара — 1 батман пшеницы с каждой пары волов (кош) на содержание чиновников (т. е. кишлачной административной феодальной верхушки) в течение трех зимних месяцев во время пребывания их при резиденции бека; отын-пули — по 2 теньги² в год с каждого хозяйства для обеспечения дровами тех же чиновников и наукеров во время их пребывания у бека; мардикор-пули — «деньги для батраков», обрабатывающих эмирские и бекские земли; саман-пули — налог с соломы и т. п. Крестьянин еще в виде «дара» должен был преподносить, особенно после сбора урожая, всем видным лицам своего кишлака и своего рода различные продукты. Кроме того, он должен был поздравлять с праздником, с рождением сына, со свадьбой в доме того или иного видного лица, или своего ганхокура, или своего пира — «духовного отца» и т. п. Эти поздравления также сопровождалось натуральными подношениями.

При определении урожая на ток к крестьянину собиралось 10—15 человек и каждый надеялся урвать что-нибудь для себя. Если данное хозяйство платило налог эмиру, то определять урожай и соответствующий ему размер налогов являлся амлякдар или его люди; если же хозяйство было отдано в танхо какому-либо саркарда, то он сам являлся со своими людьми или посылал на ток для определения урожая. Урожай определялся «на глазок».³

Уплата налогов, в частности основного налога ушра, отягчалась тем, что он выплачивался деньгами, звонкой монетой, да еще не осенью, а весной. Дело в том, что количество зерна, причитающееся в уплату нало-

¹ Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. 1, изд. 2, стр. 488.

² Теньга — бухарская серебряная монета достоинством в 15 кошек.

³ Описание определения урожая «на глазок» и того открытого способа, который при этом происходил, находим у многих очевидцев русских путешественников. Например, см. Мечев А. В., «По горной Бухаре. Путевые очерки», СПб., 1864, стр. 70, 71, 72. Яркое описание объезда амлякдаром своих «владений» и определения размеров налога, дежиданной аянкости чиновников имеется в повести Саадриядина Айни «Дайы».

га, определялось, как уже говорилось, прямо на току и заносилось в тетрадь. Однако это количество зерна не переводили тут же на деньги по базарной стоимости зерна, а оставляли перевод цены зерна на деньги на весну, когда хлеб становился гораздо дороже. Весной брали среднюю базарную цену на зерно и объявляли, что нужно вносить налоги, исходя из расчета такой-то суммы за батман.

Крестьяне хлеб обычно продавали осенью, когда он бывал дешев. В это время кочевники, вернувшиеся с летовок, запасались хлебом на зиму; самим крестьянам осенью нужна была одежда и те из продуктов, которых сами локайцы не выращивали (лук, перец, рис и т. п.). Хлеб относительно других товаров был очень дешев. За 2—3 мешка пшеницы (1 мешок — 4 или 8 пудов) нельзя было купить карбоса (ткань таджикской кустарной выделки) даже на пару белья. Продать хлеб, особенно в урожайные годы, было очень трудно.

Перечисленные выше налоги выплачивали только с продукции земледелия. Со скота взимались особые налоги: зякати-савалим и зякати-чакана. Зякати-савалим или просто зякат взимался в следующих размерах: с пяти верблюдов один баран, с 40 баранов или коз — один баран или одна коза. Этот зякат считался достаточным для всякого ччеса баранов или коз до 100 включительно; от 101 до 201 взимались два барана или две козы, а свыше — за каждую лишнюю сотню один баран или одна коза. В последующие (после переписи) годы принимался во внимание приплод (тул) и взималась надбавка.

Зякат в Бухарском ханстве во много раз превышал нормы, установленные шарриатом. Зякати-чакана и повсе не был предусмотрен шарриатом и взимался в пользу бека е-диц, у которых поголовье скота было меньше того, с которого по закону устанавливалось взимание зяката.

Зякат взимался не овцами или другими видами скота, а деньгами. По данным 1918 г. с 10 баранов взималось 4 теинги, причем неполный год считался за полный.¹

Перепись для налогового обложения производилась, как мы уже отмечали, не ежегодно, а в 3—6 и более лет один раз по особому распоряжению эмира. Эта система учета и обложения нередко приводила к полному разорению скотоводов, потому что при экстенсивном характере скотоводства размеры стада были крайне неустойчивы. В качестве наиболее яркого примера этого старики обычно ссылаются на богатого овцевода Яванской долины карлука Бай-Мурза, у которого в результате гололедницы однажды погибли почти все его овцы. Несмотря на это, он в течение нескольких лет продолжал выплачивать зякат, исходя из прежнего, записанного в тетрадь, количества овец, и в результате окончательно разорился. Едва ли нужно доказывать, как легко разорился в подобных случаях рядовой скотовод. Формально власти должны были производить перепись скота и по требованию жителей при эпизоотиях или падежах от голода, мороза и других стихийных явлений. Но, как правило, они этого не делали, так как это вело к уменьшению их доходов от налогов.

Приведем описание учета скота кулябским беком по рассказу бывшего нукера, жителя города Куляба. Учет назывался санок (счет — по-узбекски) и обычно производился весной перед перегоном овец на летние пастбища. На просторном месте (в долине Муминабада или в до-

¹ Семенов А. А., Очерк помещичье-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства, Труды САГУ, серия II, вып. I, Ташкент, 1929, стр. 47.

лине Шуровбада, или около самого Кулиба, в том месте, где теперь находятся городские бани) для бека ставили богатый шатер. Бек шел с свитой и со своими поварами. Для учета скота каждый крупный род выделял своего постоянного представителя, которого называли эльбеги. Например, у катаганских родов Борка и Темаз в предшествующие годы эльбеги были некий Иямкул, у катаганских родов Чурак и Мардат был Бури-эльбеги, а у небольшого рода Семиз эльбеги был некий Буратали.

Бек сам назначал сроки и очередности учета скота для каждого племени и рода и оповещал эльбеги, а последние объявляли их скотоводам своего племени. Недалеко от ставки бека сооружалась изгородь длиной около 100 м. Посредине изгороди оставался небольшой проход. По обеим сторонам этого прохода становилось по одному эльбеги с палками в руках и считали прогоняемых через проход овец. По словам нашего осведомителя, эльбеги обычно бывали неграмотны, но считали быстро и не сбиваясь. Число овец каждого владельца записывалось в тетрадь представителем бека. Во время учета каждый бай раздал в качестве «подарка» до 50 овец: 10 — беку, 5 — казию, 10 — эльбеги и по 2—3 всем аксакалам своего рода и племени, секретарям и свите бека также по 1—3. Эти «подарки» назывались хошамалона, что буквально значит «подношение в знак лестия».

Зякат с рядовых налогоплательщиков собирался деньгами амлякдарами, а крупные бай сдавали его непосредственно беку. После того, как зякат был собран, бек отправлял его эмиру, зашив деньги в мешки из жеребьячьих шкур и нагрузив на хороших коней. К зякату бек прилагал в подарок эмиру ряд ценных вещей и двух красивых девушек. Чаще свою дочь, если имел. Зякат сопровождал обычно сын бека. Если эмир бывал доволен беком, то обратно посылал беку коня в джиргой, украшенной золотом, сбруе и несколько дорогих халатов — сарпов зякат.

Описанный метод сбора налогов представлял широкие возможности для жестокой эксплуатации трудового населения, ко всякого рода хищениям, казнокрадству, обману и т. п.

В перечень налогов нами не были включены еще следующие сар — налог с пушнины, добываемой охотниками; асид-пули — налог с мельниц; обиджувоз-пули — налог с маслобок и наконец шаш-пули — по 20 тенег с каждого хозяйства в подношение вновь назначенному беку. Ухитрялись брать налоги даже с батраков по 5 тенег со двора.

Кроме налогов, трудящиеся крестьяне несли различные трудовые повинности по прокладке дорог и мостов, по возведению мечетей и т. п., а также доставляли верхних и нижних лошадей (улау) ко двору бека и амлякдара.

Многочисленность налогов, алчность чиновников, родовых управителей и духовенства, царивший в стране произвол и тяжкое положение народа приводили в изумление и негодование даже выдающихся русских офицеров и чиновников. «Познакомившись с вышеописанными податями, — пишет некий А. П. — можно только удивляться, сколько бедному бухарскому земледельцу приходится уделять от трудов своих. Можно с уверенностью сказать, что по крайней мере у половины населения Бухары не только не остается какого-либо излишка средств к существованию, но едва ли хватает их для собственного пропитания. Ведь нужно же удовлетворить такую массу даровых налогоплательщиков!..»

У каждого читателя, без сомнения, в конце концов, возникает вопрос.

что же дает бухарская правительственная власть населению? Невольно при этом в голове читателя мелькают мысли о народном образовании, благоустройстве городов, путей сообщения, об организации медицинской помощи и т. д.

К крайнему сожалению, приходится ответить весьма кратко: «ничего».¹

Вот характеристика чиновников Бухарского ханства, данная другим автором: «Вся сущность их (бека и чиновничества) деятельности, — пишет М. А. Варыгин, — заключается в исправном внесении в казну налогов, а следовательно и во взимании с населения податей, причем характер этих сборов напоминает скорее военный приз, дань победителям, чем действия благоразумного хозяина (оно в действительности так и было, потому что эмирские власти рассматривали восточные бекства как колонию — Б. К.). При таком положении вещей, понятно, все заботы о процветании края сведены к нулю; на долю народа остается бремя налогов, страх и палка, как средство достижения уничижения.

Все, что ни даст земля, труд человека, все, кроме воздуха, в Бухаре обложено сбором»...² «Бек и его большой штат чиновников всякого ранга, — продолжает М. А. Варыгин, — не удовлетворяются, понятно, той скромной ролью, которая им выпадает при дележе жалких крох, и они рвут с населением, где и что возможно; вот почему фактически сборы с населения превышают много законный процент и заставляют роптать народ».³

Весьма характерны в этом отношении наблюдения А. Е. Снесарева: «Режим этот крайне бюрократичен и централизован, в нем слишком много жестокого деспотизма и слишком много возможностей для всякого произвола и неправды. Эта особенность административного строя прежде всего сказывается систематическим и непоправимым обеднением страны. Подобное обеднение вы наблюдаете всюду, об нем вы слышите со всех сторон. В верховьях реки Ховалинга четыре года тому назад было около 500 кушей, а в прошлом оставалось только 40—50, так как у людей не было сил поднять землю и они ее бросали. Сам бек Куляба говорил мне, что в бекстве значительные площади земли остаются незапаханными, так как поднимать их стало некому».⁴

Обнищанию народных масс немало способствовали ростовщики, бравшие баснословные проценты. Ростовщичеством занимались обычно торговцы (в большинстве случаев из среднеазиатских евреев, индусов и армян), а также, несмотря на запрет шариа, духовенство. Налоги полагалось вносить серебряными монетами. У рядового локайца, который жалкие остатки своего хлеба обменивал на шерсть, кошмы, карбос и алачу, никогда деньги не водились, и он бывал вынужден обращаться к ростовщику. Обычно ростовщик-торговец, живущий в городе и не имевший большого хозяйства, не давал деньги бедному безвестному дехканину, будучи уверен, что тот все равно не сможет расплатиться с долгом; да и локаец-бедняк, почти никогда не бывавший в городе (ему не за чем и не на чем было ездить туда) пугался при одной мысли о необ-

¹ А. П., Подати и палог в Восточной Бухаре, Туркестанские ведомости, № 6, 1906, стр. 45.

² Варыгин М. А., Опыт описания Кулябского бекства, стр. 793.

³ Там же, стр. 799.

⁴ Снесарев А. Е., Восточная Бухара, стр. 71.

ходимости явиться к богатому горожанину,¹ и он обращался за посредничеством к богатому сородичу, обычно к всегдашнему «покровителю» — аксакалу — главе своего родового подразделения. Аксакал или бай обращался к ростовщику, но ростовщик просимую сумму (обычно аксакал брал ссуду для многих своих сородичей), не давал полностью звонкой монетой, а чуть ли не половину ее выдавал товарами, в частности мануфактурой. Вследствие низкой покупательной способности населения и дороговизны товаров (цены их росли от множества пограничных и дорожных пошлин, собираемых внутри самого ханства, при перевозках из одного бекства в другое, проезде через мосты и т. п.), они не шли, залеживались. Богач не оставлял себя в обиде и все убытки выколачивал со своих сородичей, выдавая ссуды за двойные проценты. Если крестьянин не мог вернуть в срок занятые деньги, то из года в год росли проценты и он со всей семьей на всю жизнь становился рабом ростовщика или своего богатого сородича.

Разоренному локайскому дехканину, который не имел семян, рабочего скота и инвентаря, приходилось идти в кабалу к богатому сородичу (а то и в чужой род) в качестве издольщика, либо наемного рабочего, пастуха и т. д. Другого выхода не было, так как в Восточной Бухаре не имелось настоящих городов и промышленности.²

Условия издольщины и найма в Локае были весьма разнообразны и ничем существенно не отличались от таковых в других местах Гиссарского бекства.³ Наиболее распространенными среди локайцев были следующие виды издольщины: локаец, лишенный рабочего скота, но имевший землю и семена, брал пару волов (преимущественно у карлуков, которые сами не занимались хлебопашеством), за что должен был хозяйину волов отдать $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть урожая со всех видов высеванных культур. Если бедняк брал у бая семена и одного вола, то отдавал ему половину урожая. Работающий целником байским инвентарем, на байской земле и байскими семенами отдавал $\frac{3}{4}$ урожая, и по существу являлся батраком; причем на такие условия шли обычно семейные люди и работали всей семьей. Одинокие батраки, в отличие от семейных, жили при доме бая и выполняли не только сезонные полевые, но и другие работы по хозяйству. На сезонные работы нанимали временных рабочих. Например, на уборку хлопка нанимались таджики и получали плату волоконном.

Весьма распространенным явлением была эксплуатация родственников, чаще близких под видом оказания «благодетельства», особенно под видом «призрения сирот и вдов». Обычно бай брал на «воспитание» осиротевшего сына (или несколько сыновей) своего сородича. Считалось, что он совершает «богоудное дело», растит сироту. На самом деле мальчик многие годы работал на «благодетеля», недосыпая и недоедая, не получая никакой платы, кроме объедков с байского стола и обносков

¹ О положении бесхитростного дехканина на городском базаре может дать представление следующий отрывок из описания кулябского базара, данного М. А. Вартыгиным: «В 12 часов дня в 48—50° R самый разгар торговли; от жары все изнемогают, одни торопятся продать, другие купить и уехать. Кулаки не трогаются с места, они хорошо знают психологию продавцов и момент, когда нужно выйти из положения безучастного зрителя. Когда наступит время, они вопьются, как вампиры, в изморожившегося узбека и почти с боя вырывают у него за дешево скот, хлеб и пр.» (Опыт описания Кулябского бекства, стр. 776).

² Отходничество в таких размерах, как оно было в Каратегине, в Локае не было.

³ Различные виды издольщины описаны в указанных выше «Материалах к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане».

даваемых с упреками о том, что он неблагодарный, даром ест хлеб своего благодетеля и т. п. Упреки эти нередко подкреплялись пинками и побоями. Даже по имени не называли такого дарового работника, а просто согра — сирота. Недаром слово етим (джемим — по-локайски сирота) стало синонимом слова работник, батрак. Подросток выполнял самые разнообразные работы по хозяйству и по дому, а лет с 16—17 включался и в работу по пахоте, которая считалась наиболее тяжелой. Локайские бая даже табунщиков нанимали редко, поручая эту трудную работу своим «воспитанникам» или другим «обязанным» им родственникам, чтобы не расстаться даже с тем двухлетним жеребенком, который в виде платы полагался табунщику за год работы.

Нередко целая семья родственника, окончательно разоренного тем или иным баем, жила при его доме, работая на него и получала за труд «что дадут», причем еще считала бая своим благодетелем. Такой бедняк всячески старался угодить «благодетелю», т. е. ему с семьей некуда было деваться, у «чужих» ему было бы хуже.

Личная «свобода» такого бедняка, отличавшая его, казалось бы, от крепостного состояния, была фиктивной. Этот бедняк терял право ухода от хозяина, если становился его должником. Бедняку же стать должником богача было не трудно. Если, например, богатый сородич вносил за него какую-либо подать или хун («плата за кровь») и т. п., то бедняк не только сам, но и все его потомки становились фактически крепостными богатого сородича.

Для выполнения всяких повседневных домашних работ: для доения многочисленных коров, овец и коз, для приготовления пищи, сбора топлива и т. п. служила женская прислуга, состоящая, преимущественно, опять-таки из бедных родственниц, считающихся приживалками.

Женщины кишлака, старые и молодые, приглашались в дом бая для выполнения различных трудоемких работ. За это они получали, кроме угощения из какой-либо похлебки и хлеба, скоропортящиеся молочные продукты, которых все равно в байском доме некуда было девать, т. е. продажа молочных продуктов на рынке считалась большим позором. Например, женщины приглашались сбивать масло. После весенней стрижки овец жены баев созывали женщин своего кишлака и бедных родственниц из других кишлаков трепать шерсть. Работа производилась вручную: двумя лутьями таволги трепали и пушили шерсть. Прядесс этот называется сабау. Затем, пушили еще руками. В этой работе принимали участие и дети. Жена Казюмова Алыма из кишлака Оби-Кинк вспоминала, как ходила с матерью трепать шерсть к баям и как опухали ладони от прутьев. За работу кормили и давали в узелочке немного шерсти.

После окончания трепания шерсти жены баев созывали старух кишлака прясть. Некоторые старухи оставались в доме баев и пряли целыми днями.

После прядения женщины приглашались в дом бая, где устанавливалось несколько ткацких станков, на которых женщины работали, смея одна другую. Эта работа часто проводилась под видом хашара, т. е. помочи.

Существовали и другие разнообразные формы эксплуатации. Безлошадному родичу, например, давали коня под съезд, временно, за что он должен был «отблагодарить» бая трудом, т. е. отработать. Давали

корову или козу для пользования молоком. В тяжелые зимы бай раздавали свой скот родичам на прокормление.¹

Особенность всех описанных форм эксплуатации заключалась в том, что они, являясь по существу феодальными, выступали часто в форме «родовой взаимопомощи» и поэтому рассматривались своими эксплуатирруемыми как подлинная помощь, как настоящее благодеяние.

В этом отношении интересны слова одного из наших стариков информаторов. Он рассказывал, что бай Халбаба, владевший 900 лошадьми и 3000 овец, летом держал своих лошадей в окрестностях кишлака Бульды Даугаринского района. На наш вопрос о том, как же жители Бульды позволяли ему, жителю другого кишлака, пользоваться своими выгонами, старик ответил: «Жители Бульды все работали на этого бая, все были его етимами и дисьярами,² считали, что они «дят его хлеб-соль, и рады были иметь работу и какое-то пропитание».

О баяе, который давал лошадей под съезд, коров для доения, рабату и «приют» бедным, шла молва, как о добром и хорошем человеке, совершающем богоугодные дела. Такое представление усиленно внедрялось в трудовые слои локайцев эксплуататорской верхушкой, в том числе и духовенством.

Описанные нами способы эксплуатации, феодальная сущность которых прикрывалась пережитками патриархально-родовых отношений, не были спецификой только локайцев. Они существовали у многих кочевых скотоводческих народов и обстоятельно разобраны и описаны в советской историко-этнографической литературе.³ Советские ученые смогли это сделать, руководствуясь известным определением И. В. Сталина, который назвал такие отношения патриархально-феодальными.⁴

Описанные пережитки патриархально-родового быта и сознания родового общества в большой степени тормозили пробуждение классового самосознания эксплуатирруемых. К этому еще следует добавить, что феодально-племенная верхушка всячески пропагандировала и внедряла в сознание рядовых локайцев мысль о том, что виновниками тяжелого положения народа является только ненавистный эмирский государственный аппарат, состоящий из пришлых кормленщиков, что она, локайская феодальная верхушка, выступая посредницей между своим народом и эмирским аппаратом, напротив, всячески старается облегчить положение своих соплеменников, защищает интересы рядовых локайцев.

Мы уже отмечали, что при столкновениях локайцев с таджиками или некоторыми узбекскими племенами из-за пастбищ так называемые «родовые вожди» являлись застрельщиками и руководителями, ибо они были больше всего заинтересованы в этих пастбищах. Но они старались мотивировать это тем, что борются за интересы всего племени. Подоб-

¹ Упомянутый нами Матамбай, обладавший табуном в тысячу лошадей, в ту зиму, когда, по рассказам стариков, шел снег в течение сорока дней и лошади его начали гибнуть от бескормицы, раздал оставшихся лошадей соплеменникам, жившим на Арал-Тугае, на половинных началах. Отец нашего информатора, например, взял 6 лошадей, из которых выжила только одна, которую продали и половиной вырученных денег Матамбай отдал отцу нашего рассказчика.

² «Дисьяр» от таджикского «дастьяр» — помощник; обычно употребляется в смысле «слуга при доме», выполняющий всякие работы, или мальчик на побегушках.

³ Потапов Л. П., Ранние формы феодальных отношений у кочевников. Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. 1. Абакан, 1947; Виткин М. П., Батыр Срым, М.—Л., 1947; Потапов Л. П., Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, изд. 2, т. 1. Алма-Ата, 1949 и др.

⁴ Сталин И. В., Соч., т. V, стр. 24—25.

ными приемами феодальная эксплуататорская верхушка всячески представляла себя в глазах народа полезной и необходимой покровительницей своего племени, пекущейся об его нуждах. В создании и распространении такого ложного представления была велика роль духовенства. Следует отметить, что локайцы почти поголовно были неграмотными, даже среди имущего класса грамотные люди встречались очень редко. Муллами среди локайцев обычно были выходцы из таджиков.

Принцип «разделяй и властвуй», которого придерживалась эмирская власть в Восточной Бухаре, был прекрасно понят феодальной верхушкой локайского племени. Последняя была опорой эмира в проведении этой политики и также воспитывала своих соплеменников в духе вражды к остальным народам Восточной Бухары и в первую очередь к таджикскому народу, чтобы изолировать трудящихся локайцев от той энергичной классовой борьбы, которую вел таджикский народ как против эмирских завоевателей, так и своих феодалов.¹ Однако попытки феодальной верхушки настроить своих соплеменников враждебно по отношению к другим узбекским племенам и к таджикскому народу были не всегда удачными. Об этом можно судить, например, по отдельным фактам, из которых следует, что трудящиеся локайцы и марка, несмотря на вспыхивавшую иногда между ними вражду (инспирированную феодальной верхушкой) в трудные моменты своей жизни выступали совместно против угнетателей. В упоминавшемся выше документе (от 3 февраля 1886 г.) рассказывается о том, как гиссарский бек поощрял локайских старшин «к обирательству подведомых им родичей, а последним представляет грабить, барантовать остальные слабейшие племена» и особенно узбеков племени марка. Однако в том же 1886 г., полгода спустя, «...5 июля разведчик встретил (как это видно из рапорта генерал-губернатору начальника Самаркандского отдела — Б. К.) по гиссарской дороге депутацию из 200 горцев рода Локай и Марка, направляющуюся в Бухару с жалобой на неправильный сбор зеката. Люди эти говорили ему, что если эмир не примет жалобу их, то они обратятся с ней к русскому начальству».²

Локайская беднота, несомненно, принимала участие в крестьянских восстаниях и волнениях, непрерывно происходивших в Бальджуанской, Кулябской, Гиссарской и других бекствах. Большею частью эти волнения принимали форму стихийного протеста против вопиющего произвола и грабежа при определении количества податей и при взимании налогов. Волнения нередко сопровождались убийством ненавистных сборщиков налогов и амлякдаров. Особенно широкий размах крестьянские восстания принимают в 80-х годах XIX в. В эти годы происходит и знаменитое восстание под руководством Восе.³ Пока наши материалы об участии локайской бедноты в этих восстаниях очень скудны. Тем не менее можно сослаться, например, на телеграмму Политагента в Бухаре Туркестанскому генерал-губернатору (от июля 1888 г.), в которой, между прочим, говорится: «в Бальджуане горцы племени Локай убили

¹ См. Логофет Д. И., Бухарское ханство под русским протекторатом, стр. 262 и след.; Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. 1, изд. 2, стр. 410 и след.; Искандаров Б. И., Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе, Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР, № 4, Сталинабад, 1953, стр. 83—85.

² ЦГИА Уз.ССР, фонд 1, опись 34, дело 666, л. 42.

³ См. указ. работу Б. И. Искандарова.

токсабу, коего эмир Бухарский послал собирать зякет и три или четыре солдата, и ушли в горы».¹

В каких размерах и в каких формах протекала классовая борьба внутри самого локайского племени, внутри родов и родовых подразделений, сказать трудно, так как у нас нет достаточных данных. Несомненно тот факт, что племенной феодальной знати в значительной степени удавалось, используя пережитки патриархально-родовых форм быта и воззрений, подавлять пробуждение классового самосознания локайской бедноты.

На основании материала, приведенного выше, можно констатировать, что господствующей формой общественных отношений у локайцев были отношения феодальные. Однако в предреволюционный период в локайском кишлаке появились также и зародки примитивных капиталистических отношений, наблюдались первоначальные признаки социальной дифференциации кишлаков, характерной для капиталистических отношений в деревне.

¹ ЦГИА УзССР, фонд 1, опись 34, дело 688, л. 10.

IV. ДОМАШНИЙ БЫТ

До перехода к земледелию культура и быт локайцев обуславливались кочевым образом жизни. С переходом к земледелию и полупоседлому и оседлому образу жизни изменения, происшедшие в производстве, не могли не внести изменений и в домашний быт. Наши материалы дают возможность проследить весьма характерную эволюцию таких элементов домашнего быта, как жилище, утварь, пища и т. д., в связи с указанным изменением в производстве. Не ставя себе задачей подробное описание домашнего быта локайцев, попытаемся наметить наиболее характерные черты указанной эволюции.

Основным жилищем локайцев вплоть до установления Советской власти была юрта узбекского типа.¹ Она мало чем отличалась от казахской юрты, неоднократно описанной в этнографической литературе.² Деревянный остов юрты изготовлялся из ивы мастерами из племени марка, жившими в Гиссарской долине, где имелись ивовые рощи, а также мастерами-локайцами. Стена юрты состояла из нескольких (до восьми) звеньев (кузанак) решетки (кереге), которая в отличие от казахской была низкая, но ставилась в два этажа (куш кереге),³ в результате чего высота стены получалась в человеческий рост (женщина небольшого роста, как рассказывают старики, уже не могла сама привязывать жерди (уук), образующие крышу, к решетке). Число ууков доходило до 70—80 (жетминш бошли уй).

После того, как устанавливали остов юрты, решетку снаружи обставляли циновкой—«айналма чий», затем юрту покрывали кошмами. В летнее время покрывали только кровлю. Кошмы поддерживались и закреплялись не только волосяными веревками, но и широкой (до 50 см ширины) тесьмой из хлопчатой бумаги, поэтому даже юрты, покрытые темными кошмами, по словам локайцев, издали казались белыми, как юр-

¹ Задыкина К. Л., Узбеки дельты Аму-Дарьи, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 355—356.

К настоящему времени не сохранилось ни одной локайской юрты, поэтому наше описание основано только на рассказах самих локайцев. В литературе пока удалось нам обнаружить только одну фотографию локайской юрты, которую и приводим (рис. II).

² Например: Харузин Н., История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896; Потапов Л. П., Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни, Сборник МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 56—58.

³ Куш кереге, т. е. двухъярусная решетка, была распространена среди полукочевых узбеков Южного Таджикистана. Кроме того, она характерна для хазарской юрты. (Гафферберг Э. Г., Хазарская юрта ханаи хырга, Сб. МАЭ, т. XIV, М.—Л., 1953, стр. 72—92).

Рис. 11. Юрты локайцев (из книги А. В. Нечаева «По горной Бухаре. Путевые очерки». СПб, 1914).

ты богачей. Вход в юрту закрывался циновкой, сделанной из шия, а также кошмой, обычно орнаментированной. Изредка юрта богатых людей имела двухстворчатые деревянные двери, которые приобретались у казахов.

Войлок изготовлялся самими локайцами и способ изготовления его ничем не отличался от казахского.¹ С переходом к земледелию локайцы, овцеводство у которых никогда не было особенно развито, стали приобретать войлок, как и шерсть, у других племен (карлук, катаган, сарай и др.), путем обмена на пшеницу.

В середине юрты, в неглубокой яме разводился огонь. Котел над огнем устанавливался на нескольких камнях. Направо от входа помещалась кухня, отгороженная циновкой (соответствующая женской половине казахской юрты). В ней хранились продукты питания и стояла посуда. Слева от входа помещались конская сбруя и другие предметы мужского обихода (соответствует мужской половине казахской юрты). Против входа, в почетной части юрты (тур), возвышался джук (буквально «сундук») — всякое семейное добро, связанное в тюки, а также постель, сложенная в 2—3 стопы на деревянных низеньких скамейках или шкафчиках (джук асты).

Юрта зажиточных людей (особенно юрта молодых — ұтоу) украшалась различными тканями и вышитыми предметами. Хозяйки соревновались между собой в украшении своего жилища. Верхний ряд кереге к низшему привязывался длинной, обхватывающей всю юрту, красной шерстяной тесьмой (богыш) шириной в 30—40 см, богато орнамен-

¹ Показов Л. П., Особенности материальной культуры казахов, стр. 52.

тированной. Концы ее привязывались к косякам двери и заканчивались длинными кистями с серебряными колпачками. Такая же тесьма обхватывала юрту и в месте соединения решетки с ууками.

Вдоль решетки по обеим сторонам юрты развешивались коврижки (без ворса) и вышитые сумки самого различного назначения (илгич): для деревянной посуды (тобеклоу), для зеркала, гребешка, ножниц и др. (ойна-халта), для ууков (на концы собранных ууков при иррашкышье надевались чехлы — уук коп), сумочка для чая (чай-халта), конская торба (от-турбо), сумка для ножниц, которыми стригут овец и т. п.¹ Над дверью вешалась занавеска (элик чэтинчак) в виде кружевной сетки, сплетенной из крученого шелка, с бахромой и свисающими кистями, украшенными серебряными побрякушками.² J

Пол устилался коврами и паласами (глом). Паласы, как и ковры, изготавливались локайскими женщинами. Она ткали их на обычном примитивном ручном ткацком станке (урмак ёгочи), который отличался от казахского только тем, что вместо основы — треноги для держания основы, берд и ниченок,³ употреблялись низенькие козлы. Размеры, ширина плотниц, узоры и назначение паласов были весьма разнообразны.

Богачи обычно имели 2 юрты: «белую» — ок уй и «черную» — ко-ра уй. Вторая служила кухней и в ней жила прислуга, а в зимнее время помещались ягнята, козлята и телята, порой и откармливаемые бараны.

Многочисленная беднота не только не могла украшать свои юрты, но часто их вовсе не имела. По рассказам стариков, бедняк должен был многие месяцы работать на бая, чтобы получить несколько коши для покрытия своей дырявой юрты или же был вынужден жить в шалаши.

Шалаши строились из разнообразного материала, имели различные формы и размеры. Наиболее часто у локайцев встречались кепе, широко распространенные как среди других узбеков, так и среди прилегающих подлукочевых племен, живущих преимущественно по долинам рек или вблизи от них, т. е. в местах, изобилующих камышом. Кепе имеет две основные формы: прямоугольную в плане и круглую, воспроизводящую форму юрты и называемую в некоторых местах чум-кепе.⁴ Стены кепе плетутся «елочкой» из пучков камыша. Нередко, если рассчитывают провести в кепе зиму, снаружи устанавливается еще один слой камыша, поставленного вертикально. Прямоугольное кепе покрывалось двускатной камышевой кровлей, а круглое — конусообразной, но не с острой, а с закругленной макушкой. Эта кровля собственно и называется чум. Она состояла из решетчатого остова, сделанного из толстых плотных снопов камыша и сверху покрывалась травой клёк (раз-

¹ Эти сумки в количестве 5—7 штук (по одной каждого вида) или 5—7 пар (у зажиточных) вводили в приданое девушки и ткались или вышивались ею самой. Локайские вышивки отличаются изяществом и тонкостью и пользуются заслуженной известностью среди окружающего населения.

² Старики, вспоминая свою молодость, рассказывают, что когда молодуха входила в юрту, то грациозным движением головы отбрасывала бахрому и кисти занавески и звуки серебряных побрякушек последней сливались со звоном серебряных украшений головного убора молодухи (касаба), а бахрома и кисти занавески сливались с шелковыми кистями, обрамлявшими лицо молодухи, и это была, до сих пор, картина, достойная того, чтоб ею любоваться.

³ Ноталов Л. П., Особенности материальной культуры казахов, стр. 53.

⁴ Невольно напрашивается сравнение с чумом некоторых сибирских народов. Слово «чум» считается удмуртского происхождения.

личные виды высоких злаков). Кровли изготовлялась внутри кепе, затем ее поднимали и ставили на обруч (киршоу) из толстого камышевого жгута. Этот обруч завершал стену.

Расположение вещей внутри кепе не отличалось от такового внутри юрты. На зиму кепе обмазывалось изнутри глиной. В тугайных местах (в Гиссарской долине, на Арал-Тугае, в долинах притоков Пянджа) кепе являлось постоянным жилищем не только бедняков, но средних и даже зажиточных слоев полукочевого населения.

У локайцев, большинство поселений которых довольно далеко удалено от зарослей камыша, было распространено кепе из каурака (ферула). Стены такого шалаша (как прямоугольного в плане, так и круглого) делались из вертикально, вплотную друг к другу приставленных стеблей каурака. Кровля имела остов из каурака, прутьев или камыша, а сверху покрывалась травой. Такое кепе на зиму также обмазывалось глиной.

Вероятно кепе является показателем полуседлого образа жизни, так как оно не может быть перенесено с места на место без того, чтобы его совсем не разрушить.

Глинобитное жилище у локайцев возникло из хозяйственной постройки (зимнее помещение для скота, амбар для хранения зерна) и было первоначально жильем бедняков, от недостатка или отсутствия скота вынужденных перейти к земледелию. Оно также имело две формы — круглую в плане и прямоугольную. Круглые глинобитные дома по размерам не превышали обычное камышовое кепе, стены их были гораздо ниже и тоньше стен прямоугольных домов, а кровля их не отличалась от кровли кепе, поэтому они сооружались теми, кто не имел возможности привозить в достаточном количестве воду, чтобы развести глину для возведения стен обычного дома и достаточно леса для его кровли.

Прямоугольный дом покрывался двухскатной кровлей, которая, в отличие от кровли шалаша, имела более прочный остов из дерева: продольную балку и опирающиеся на нее верхним концом поперечные жерди. Этот остов покрывался камышом и травой. Потолка не было. Дом этот называется чоптара (чүптора).¹

Первые глинобитные дома, по рассказам стариков, бывших очевидцами их появления, представляли собой весьма примитивные сооружения: низкие стены были грубо и небрежно сложены и не обмазаны штукатуркой, оконные и дверные проемы закрывались, как двери в юрте, циновкой и кошмой, поэтому, по словам одного старого локайца, «половину жилого помещения чоптары заносило снегом». На полу разводили огонь. Дымохода не было, иногда оставлялась дыра в крыше, прикрываемая камышевой циновкой. Копоть и сажа никогда не снимались; сажа, осевшая на стебли камыша, свисающие с небрежно сделанного потолка, висела гирляндами, которые обитатели жилища задевали головами.

По мере того, как земледелие стало занимать все большее место в хозяйственной деятельности локайцев, средние и зажиточные слои населения также начали строить глинобитные дома, но более просторные.

¹ Этимология этого слова для нас пока не совсем ясна: по предположению Е. М. Пешеревой, первая часть от таджикского слова чуб — дерево, а вторая, возможно, от таджикского тор — основа в ткань. По мнению же А. К. Писарчик, вторая часть скорее от слова тор — верх. Под термином чоптара понимается и двухскатная, крытая камышом и травой кровля вообще. Этим термином нередко обозначают и прямоугольное камышовое кепе.

Рис. 12. Дом подхозяина Балта Гулова в ишланге Девет Советского района Кулябской области. На переднем плане виртушка для лошадей. Фото П. Г. Мухомова.

Наиболее зажиточные хозяева имели возможность привозить из города створки для окон и дверей. Обычно чоптара доайца представляла собой длинную постройку, разделенную на ряд помещений внутренними глинобитными стенами — перегородками. Сначала шли две смежные жилые комнаты, а затем ряд помещений самого разнообразного назначения с отдельным входом: кухня, амбар, помещение для хранения топлива, для самана и, наконец, одно или несколько помещений для скота. Иногда для скота возводилась отдельная чоптара. Дома типа чоптара с такой же планировкой распространены и среди таджиков Куляба и Гиссара и, несомненно, у них и заимствованы доайцами.

Жили в этих домах только в течение трех зимних месяцев. С наступлением весны переселялись в юрты и шалаши, которые ставились на возвышенных местах, на вершине холма (чтобы обдувало ветром), по склонам которого находились поля и багчи. В это время перемещались на летошки.

Летние временные шалаши бедняков были еще более примитивными, чем кенге; они строились в форме балагана на четырех жердях с навесом (чайла), или полусферического шалаша из прутьев и травы (сачик). Багтрацкие семьи, оставшиеся в тугаях обрывать хлопок и прочие поливные культуры, на лето сооружали шалаши на выжском помете, спасаясь в них ночью от комаров, а постоянно жили в кенге.

В связи с переходом к менее подвижному образу жизни произошли некоторые изменения и в форме очага. Хотя очаг оставался замурованным вырытым в земле примитивным очагом кочевника (жер уток), во все же

Рис. 13. Уголок двора в одном из старых домов в кизилбаке Уразбай, Дагана-Куйкского района. Фото Н. В. Темнова.

он уже не был ямой с камнями вокруг. Локайский очаг сходен с очагом джемшидов и хазара, описанным Э. Г. Гафферберг,¹ и представляет собой углубление, формой напоминающее замочную скважину. Круглая часть обмазывается и обволочется глиняным валиком высотой в 8—10 см, на который и ставится котел или плоский камень для печения хлеба (таш-таба или табаташ — каменная сковорода). Этот валик в середине (против удлиненной части) прерывается, образуя отверстие для тяги. Туда обычно ставится медный кувшин для кипячения чая.

Основным топливом служил сухой помет домашних животных. В зимнее время для обогрева в жилье разводили костер; на дрова употреблялось фисташковое дерево. Со временем, в результате хищнического истребления, заросли фисташки сильно поредели, а в некоторых местностях и совсем исчезли, поэтому, по мнению локайцев, они и были вынуждены заимствовать от таджиков сандал.² Сначала он у локайцев был в виде треноги из палок, на которую и набрасывалось одеяло. Со временем, ввиду отсутствия углей, вместо углубления под сандалом, стали устраивать очаг (сандал-учок), представляющий собой круглую, суживающуюся кверху яму диаметром в 60—70 см у основания и около 25 см у отверстия. Стены ямы тщательно обмазывались глиной и полу-

¹ Гафферберг Э. Г. Жилье джемшидов Кушкинского района, Советская этнография, № 4, 1948, стр. 130—131; она же, Хазарская юрта ханаи хирга, Сборник МАЭ, т. XIV, М.—Л., 1933, стр. 86.

² Сандал (от таджикского «сандали») — широкий низкий табурет, который ставится над вырытым в полу в виде круглой ямы очагом с глиняным углем, а сверху покрывается ватным одеялом. Люди греются, просушив ноги под одеялом. Обычно семья спит вокруг сандала под этим одеялом.

чалась как бы вкопанная в пол корчага с широким основанием. В этом очаге обычно жгли некоторые виды колючих растений, дающих хороший жар. После того, как стены очага накалялись и накалялись горячая зола, прекращали подкладывать топливо и ставили над очагом сандал.

Этот очаг ничем не отличается от чагодона кулябских таджиков и, несомненно, заимствован, как и сам сандал, у таджиков.

Претерпело изменения и освещение жилища. Старики рассказывают, что в старину, кроме костра, другого освещения не было и, если садился ужинать поздно вечером, то будто бы по очереди держали зажженный факел. Затем вошел в употребление светильник в виде широкогорлого кувшина, но с несколькими отверстиями на стенке его (челек). В нем жгли сухой конский помет и свет из боковых отверстий и из горла освещал жилище. Женщины при его свете даже занимались рукоделием.¹

Более совершенным, но далеко не всем доступным видом освещения был заимствованный от таджиков светильник, который представлял собой глиняный или чугунный сосуд с носиком или просто черенок, на котором горел положенный на его край фитиль, смоченный льняным маслом. Более распространенным видом освещения был кора чирот, представляющий собой стебель высокой травы (повидимому, одного из видов зонтичных), облепленный горячим составом, приготовленным из толченых льняных семян и овечьего помета. По словам старика-локайца Куатова Бегияра, у таджиков даже существовала поговорка, звучащая в узбекской передаче так: «Чиротнинг хузурини узбекка айтма» — «Не говори узбеку про прелесть светильника [он все равно не сможет ее себе представить]».

Глинобитное жилище по убранству не отличалось от юрты. Для развешивания сумок, одежды, посуды и пр. за отсутствием кереге вбивались в стены деревянные кольца. Позже сумки (в частности сумки для уюков и для посуды) стали отчасти заменяться нишами и полками и, потеряв свое прямое назначение, превратились в декоративное украшение.

Еще на памяти стариков домашняя утварь локайцев была утварью, типичной для кочевников. Она состояла из предметов, изготовленных преимущественно из кожи, шерсти и дерева. Глиняная посуда, например, столь распространенная среди оседлого населения Таджикистана, как громоздкая и бьющаяся, почти не употреблялась.

Из кожи домашних животных шились бурдюки самого различного назначения. Бурдюк из выделанной козлиной кожи (меш) служил для хранения и перевозки воды и кумыса. Бурдюк большого размера (сак) служил для приготовления и хранения кумыса в богатых домах. Бурдюк из невыделанной кожи (со шкуры шерсть и мездра счищались, при шитье швы бритвы) назывался тулум и служил для хранения кислого молока.

¹ Подобный светильник (в виде круглодонного кувшина на трех ножках и с отверстиями на стенке) существует у бедняков (у тех, кто проживает в Северном Афганистане), только они жгут, по словам Э. Г. Гафферберг, не конский, а конский помет. Коллекция МАЭ, № 3993-196. Такие светильники были также известны у полукочевых узбеков Каршинских степей.

² Локайцы не знали кончения кожи. Бурдюки изготавливались дублированием шкуры (преимущественно козлиной) бритвой счищали шерсть и мездру, швы шили бурдюк волосными нитками швом через край и так часто, что швы делались вплотную к предыдущей. Затем бурдюк надували отваром дубильных растений чермак (ревень) и сверху пасинали чермаком. Через некоторое время сдували отвар бурдюк надували воздухом и сушили. От дублирования кожа становилась более

Из шкурок козлят и ягнят шились мешочки для хранения всяких мелких вещей.

Выделанная кислым молоком кожа шла для шитья круглой ска-терти (диаметром до 1,5 м), называемой супра, на которую сеяли муку и на которой разделявали тесто для лепешек, раскатывали лапшу и т. д.

В желудках (корни) домашних животных хранили сало, масло и кислое молоко. Овечьи и козьи высушенные желудки служили подойни-ками при дойке кобылиц.

Деревянная посуда, занимавшая видное место в утвари локайцев, не изготовлялась ими, а приобреталась у горных таджиков, преимуще-ственно каратегинцев. Объясняется это, повидимому, отсутствием поде-лочного материала на территории локайцев. Выделялась она из оре-хового дерева (грецкий орех), ивы и тута (шелковицы). Перед употре-блением приобретенную посуду для прочности смазывали зигирным (льня-ным) маслом и держали над огнем, пока масло не впитывалось. Упот-ребляли следующие виды деревянной посуды: большие блюда диамет-ром от 30 до 60 см и более и глубиной до 20 см (тобак); в них подава-лась как жидкая, так и густая пища, а также месилось и ставилось тесто; чашки (оёк) разных размеров для питья воды, кислого молока и кумыса, а также небольшого количества густой пищи; ложки (кашик), разливательные ложки (чумич) и, наконец, маслобойки (кубу), в кото-рых приготавливали нередко и кумыс.¹

Из деревянных предметов следует еще отметить: скалку (уклоу) в виде короткой и тонкой палки (длина 20—25 см, сечение — 1,5—2 см); сито (злек), на обруче его проделывалась треугольная дырка, в кото-рую вдевался шнурок, чтобы можно было повесить сито за решетку юр-ты: решето (чигил); крышку котла (козон конок) и большую ступу (кели).

У локайцев часто употреблялась посуда из тыквы-горлянки (каду), приобретаемой также у таджиков. В такой посуде обычно заквашивали молоко, брали с собою в дорогу воду.

Легкие и удобные во время перекочевков предметы утвари изготовля-лись из чья и камыша: циновки, крышки для котла, круги для пере-носки теста к очагу и лепешки от очага к дастархану — нон коп-кок и т. п.

Металлическая утварь приобреталась на базаре или у местных куз-нецов и была очень немногочисленна: котел, кувшин, для кипячения чая (чойжуш), шумовка (капкерт, от таджикского кафгир), скребок в виде железной лопатки на деревянной рукоятке для соскабливания мякоти дыни с ее кожуры.

Утварь, изготовляемая из камня, была представлена следующими предметами: 1) таш-таба (каменная плита) для печения лепешек, приоб-реталась у таджиков, а локайские женщины сами шлифовали ее, обли-вая водой и скобля железной лопатой; 2) ступа, представлявшая собой большой камень (высотой 30—40 и более см), в котором выдолблено углубление. Пест делался из гладкого и продолговатого камня (кайрок). Подобная ступа, несомненно, заимствована от таджиков, у которых она распространена. В кишлаке Баглы-Шаршар Дагана-Кинкского района нам пришлось встретить общественную ступу: на краю кишлака на по-

¹ У локайцев, в частности у бальджуанских, встречались и маслобойка «хдаа-меш» — бурдюк, висящий на треноге. Этот вид маслобойки распространен у ирано-язычных кочевых племен Северного Афганистана, а также у карлуков, мугулов и катагивов, большая часть которых проживает также в Северном Афганистане.

верхности большого камня были выдолблены 4 углубления и тут же лежало несколько кайраков; 3) ручная мельница (жоркинчак), которая также не отличалась от таджикской ручной мельницы (осиоби дасти). В условиях Локая, где из-за недостатка воды водяные мельницы были довольно редки, а в засушливое лето почти все они прекращали работу, значение ручных мельниц было велико.

С переходом к оседлому и полуседлому образу жизни локайцы в большом количестве стали употреблять гончарную посуду. Она также приобреталась у таджиков — выменивалась на зерно.¹ Следует заметить, что войдя в быт локайцев, эта посуда сохраняла таджикские названия, причем локайцами употреблялись не все многообразнейшие ее формы, бытующие у таджиков, а лишь следующие виды: кузе — большой круглодонный кувшин с узким горлом и одной ручкой (для воды, зерна и мяса); кузечук — небольшой стройный кувшин с узким длинным горлом и одной ручкой (для питьевой воды в комнате); областон — кувшин с водой для умывания; хурме — круглодонный горшок с коротким и широким горлом, невысоким венчиком и двумя маленькими ручками у горла в виде ушек, в которые продевался шнурок, чтобы можно было горшок подвешивать, употреблялся для масла и кислого молока, а также как подойник; хум — большая корчага для хранения зерна, встречался весьма редко; тогара — круглодонный таз с двумя вышками и тонкими стенками, служил для стирки белья. Со временем деревянные и кожаная маслобойки стали вытесняться таджикской маслобойкой, состоящей из большого горшка и тяжелой деревянной мутовки, приводимой во вращательное движение с помощью ремня.²

Фарфоровой посуды у рядовых локайцев не было. Только на керы, по словам стариков, привозили себе фарфоровые чайнички и чашки (пиа-ла) из Самарканда и Коканда. Фарфоровая посуда связывалась непременно с чаепитием, а чай, как и чайная посуда, были доступны лишь зажиточным слоям населения.

Многочисленны были предметы утвари из войлока и шерстяных тканей: подстилки, различные мешки, переметные сумы и уже упомянутые сумки, вплоть до кошемных прихваток для снятия котла с очага. Такие прихватки (козон туткуч) из красного войлока, например, мать дарила своей дочери при выдаче ее замуж.

Как и у казахов, у локайцев делались футляры для посуды, в частности для фарфоровых чайников у богатых людей делались футляры (теркеш) в форме чайника. Футляр делался из сукна, расшитого крестом, и на ситцевой подкладке. Чтобы футляр не терял форму, его проклеивали жидким тестом.

Пища локайцев, как жилище и утварь, претерпела изменения в связи с переходом к земледелию. По мере расширения земледелия молочная и мясная пища все более стала заменяться пищей растительной, особенно в пищевом режиме бедняцкой части населения.

Различные виды молочной пищи готовились из молока коз,

¹ О таджикской гончарной посуде см.: Пещерева Е. М., Гончарное производство у горных таджиков, Известия Среднеазиатского Географического общества, т. XIX, Ташкент, 1929; она же, Поездка к горным таджикам, Краткие сообщения Института этнографии, III, М.—Л., 1947, стр. 42—48.

² Подробное описание см.: Пещерева Е. М., Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. По Таджикистану, вып. I, Ташкент, 1929, стр. 45.

овец, коров, кобылиц и мало чем отличались от таковых у тех же казахов.¹

Молоко (сүт или просто оқ — «белое»)² в натуральном виде локайцами употреблялось редко, обычно только детям давали кипяченое молоко. Наиболее употребительно было кислое молоко (котик), когда кипяченое молоко в теплом виде заквашивалось кислым молоком. Обычно таким путем заквашенное молоко сливали в желудок (бараний, козий или 1—2 летних телок) или же в бурдюк из слегка выделанной овечьей кожи. Желудок или бурдюк клали на низкий деревянный столик — подставку (чайла) или в баядо и постепенно из пор бурдюка просачивалась сыворотка. Полученное таким образом более густое кислое молоко, в которое добавляли соль, называлось сүзме. В бурдюк или желудок ежедневно добавлялось кислое молоко. Из сүзме приготавлилось масло. Его выливали в маслобойку, добавляли воду и сбивали. Полученное масло редко употребляли в свежем виде в пищу, обычно его перетапливали (сары жоу) и оставляли на зиму. Пахтање (чалап) являлось основной жидкой пищей бедноты в жаркое время года. Пахтање сливали в мешок из шерстяного домотканого материала и вывешивали, чтобы стекла жидкость. Из оставшейся гущи делали сыр (курут) в виде небольших шариков (размером с яблоко) и сушили на солнце. Толченый и намоченный в воде курут составлял основную пищу, по словам стариков, особенно осенью и зимой, когда мало было кислого молока.

Существенное место в пищевом рационе локайцев занимал кумыс, особенно в весенне-летнее время, но при его приготовлении локайцы добавляли в кобылье молоко воду (1/3 часть), что, конечно, значительно снижало его питательность. Кобылиц, как правило, доили мужчины, как это было и у монголов, обычно табуищики. В бедных домах, где имелось всего 1—2 кобылицы, доили и женщины. Кумыс заквашивался кусочком овечьего или козьего желудка.

Как видим, молочные продукты не отличались многообразием. Кислое молоко и курут позже стали приправой к различным кушаньям, приготавливаемым из муки и круп, а на молоке стали готовить мучной кисель (блямяк) и рисовую кашу (ширбиривж — таджикское название).

В зажиточных и байских семьях одним из основных продуктов питания являлось мясо. Наиболее употребительной была баранина. Баранов в байских хозяйствах предварительно откармливали ячменем. Козлятина, как мы уже упоминали, была особенно употребительна в летнее время. Говядину, как и конину, употребляли редко. Лошадей специально на мясо, по словам локайцев, никогда не резали. Объяснялось это, по-видимому, рядом причин. У окружающего населения и на внешнем рынке на лошадей был постоянно довольно большой спрос, и они стоили относительно дорого, поэтому было гораздо выгоднее, продав лошадь, покупать на мясо баранов. При теплой и короткой зиме не было особой необходимости делать большие запасы мяса, тем более, что локайцы постепенно утеряли умение колтить мясо, а заготавливали впрок его вялением на солнце, или, предварительно перешарив, заливали салом. Даже колбасу, которую делали из свежей конины с луком и перцем (в тех случаях, когда бывали вынуждены зарезать старую или больную лошадь).

¹ См., например, Ф. Незвострун Ф. А. Молочные продукты гатаиш туркмен-казахов. Казахы, III, 1930, стр. 263—301, Потапов Л. П., Особенности материальной культуры казахов... стр. 62—66.

² Молоко называлось оқ — белое в знак почитания, чтобы не называть его кислым.

проявляли на солнце. Эти способы консервирования мяса, повидному, диктовались климатом. Кроме того, локайцы считали, что в жаркое время (в Южном Таджикистане бывает жарко более половины года) употреблять конину вредно для организма, так как она, по их мнению, является «горячительной» пищей.

Мясо употреблялось локайцами преимущественно в жареном виде (куурмо). Когда резали барана или козла для угощения, то мясо готовилось следующим образом. Сам хозяин, но чаще кто-либо из близких мужчины (или несколько мужчин) резал, свеживал животное и резал все мясо и сало на небольшие куски и передавал женщинам. В большом котле растапливалось все сало, затем вынимались выжарки, частично съедаемые тут же у котла. В этом сале пережаривалась часть внутренностей (сердце, легкие, печень, часть кишек) и тут же подавалась гостям. Затем в этом сале отдельными порциями (в 2—3 приема) жарилось мясо — нарезанные на куски передняя и задняя части и грудника. Что касается спины и шеи, то они вместе с головой, ножками и оставшейся частью внутренностей (желудок, обвитый кишками, называемый чургум), варились в другом котле.

Обычно в бедных домах, чтобы сохранить для себя сало, мясо зарезанного животного подавалось гостям не в жареном, а в вареном виде.

По мере развития земледелия чисто мясные блюда стали употребляться непременно с хлебом. Прежде, чем накладывать в блюдо мясо (будь то жареное мясо или вареное вместе с бульоном), предварительно крошилась лепешка. Лепешка пропитывалась жиром, стекшим с мяса, или бульоном, и съедалась вместе с мясом. Часто готовился суп из жаренного впрок мяса. Такой суп, в отличие от бульона из свежего мяса (хон шурпо), назывался куурмо шурпо.

Старики подчеркивают, что бедноте трудно было пережить зиму, особенно в тот период, когда земледелие еще не было развито. Рассказывают, что будто матери, чтобы успокоить плачущих голодных детей, сыпали жареные пшеничные зерна на подстилку из овчины и дети целыми днями выбирали эти зерна и переставали плакать. Позднее, когда стали больше засеивать хлеба, беднота все равно не могла свести концы с концами. Они не могли печь ежедневно хлеб и основную пищу их составляла орпа-кужа — жидкая кислая кашка из толченых ячменных зерен, которую ели в холодном виде.¹

К мучным блюдам, приготовляемым бедняками, относятся еще затируха на молоке (умоч), ланша (кескен ош), заправленная кислым молоком или курутом, и мучной кисель на молоке (бломик).

Рис могли приобретать лишь состоятельные люди. Только у них готовились такие кушанья, как рисовая каша и плов.

Весьма существенное место в пищевом режиме локайцев занимали дыни. Они выращивались без полива, особого ухода не требовали и отличались большой сахаристостью. Их в большом количестве заготавливали на зиму преимущественно в следующем виде: в котле в небольшом количестве воды заваривали муку, а затем, помешивая ее и все время добавляя дынную мякоть, непрерывно кипятили в течение суток. В результате получалась густая темная патока. Ее выливали на дынные корки и оставляли подсохнуть. Затем корки отделяли и выбрасывали, а лепешки из патоки — кора гуаче (от «кора куаче» — черный хлеб) до-

¹ Как отмечает Н. Г. Мюллерский, кашка из прося составляла главное кушанье казахской бедноты в степях Казахстана. Ук. соч., стр. 126.

сушили на щиповке. Зимой их толкли вместе с курутом, заливали водой и маслом (кунджутным или топленным) и, подогрев, ели. Это являлось одним из самых лакомых блюд, которое, по выражению одного старика, «можно было есть целый день и не наесться».

Дыни сушили на солнце, нарезав их ломтями (қоун қоғи). Из мякоти свежих дынь с добавлением небольшого количества муки варили кисель (хулмунди).

Виды печеного хлеба были немногочисленны. На каменной сковороде выпекались лепешки как из пресного, так и из кислого теста. Лепешки из пресного теста были двух видов: очень тонкие (жупка), специально для заливания их бульоном, или толщиной в 1—1,5 см — патир. В зимнее время, когда топится очаг сандала, пекли мелкие пресные лепешки (кулче), прилепив их к стенке очага.

Изделия из теста употреблялись и в жареном виде: тонко раскатанные лепешки из кислого теста, жареные в масле, назывались сўзмо, а жареные кусочки пресного теста назывались чегальдек.

С развитием земледелия животные жиры в значительной степени стали заменяться растительным маслом — льняным (зигир) и кунджутным (кунжўт). Постепенно стали употребляться в пищу и бобовые: горох (нўхот), фасоль (лобия) и маш. Сами локайцы, за редким исключением, овощей не выращивали, а поэтому и ели их очень мало. Только состоятельные люди покупали овощи систематически (лук, морковь, перец, тыква). Отсутствие огородов объяснялось прежде всего недостатком воды.

Из съедобных диких растений и диких плодов следует указать фиешаши (песте), каперцы (кеул), плоды которых употреблялись перед созреванием, и одуванчик (коқининг гули, листья и стебли едят с солью), ремень (кермек).

Что касается одежды локайцев, то она в основном была сходна с одеждой окружающего тюрко-таджикского населения, отличаясь лишь в деталях, на которых мы не имеем возможности останавливаться.

Мужская одежда состояла из двух халатов (одного легкого из грубого плотного домотканного хлопчатобумажного материала, другого — стеганного на вате), просторных штанов на вздержке. Зимой еще надевался чекмень — халат из домашнего сукна. Зажиточные носили рубахи из алачи, а бедные — указанный легкий халат надевали на голое тело. Подпоясывались платком, сложенным треугольником, а в пути и в зимнее время — куском материи длиной до 6 м и шириной в одно полотнище. На ногах носили полусапожки (муки)¹ из козьиной кожи своей выделки, на широкой подошве, без каблуков и с острым носком. Ноги обматывались узкими портянками и такими же обмотками. На голове носили тюбетейку и чалму.

Табуишки, когда объезжали молодняк, а также джигиты на козловдравье надевали широкие яркожелтые шаровары из кожи или плотного домотканного хлопчатобумажного материала. Они надевались поверх халатов. Сбоку в низу штанины, покрытой вышивкой, имелся небольшой разрез.²

¹ Описаны у И. И. Зарубина, Обувь горных таджиков долины Бартавья, Сборник МАЭ, III, 1915, стр. 89—90.

² Подобные казахские штаны изображены в известной картине художника Верещагина «Охотник с беркутом». Как указывает Варыгин, в Кулябе на базаре, в лавке конской сбруи и шитья понов, «из выделанной кожи бараньей или козьиной шьют желтые узбекские шаровары, расшитые разноцветными шелками затейливым рисунком». (Опыт описания Кулябского бекства, стр. 775).

Рис. 14. Чингиз далай. Фото П. Г. Чучева.

Рис. 15. Девочка в праздничном наряде. Фото П. Г. Чучева.

Женская одежда состоит из широкой и длинной рубахи, таких же штанов на вде-ржке и теплой шапки (зимой). На голове носили легкий платок (белый — у замужних женщин, преимущественно красный — у невест и девиц). Замужние женщины, когда выезжали за кинчак, на-кидывали на голову легкая короткая капа. Из ног женщины носили кожаные туфли с острым носом, низким задником и на каблуках. Женщины из зажиточных семей в зимнее время надевали туфли поверх ичигов.

Рис. 16. Ласайва с сыном в преддверии народа. Фото П. Г. Мухом.

Заканчивая краткий обзор домашнего быта локайцев в недалеком прошлом, следует отметить, что он отражал ту переходную стадию от кочевого к оседлому образу жизни, которую переживало это племя, начиная, примерно, со второй половины прошлого века. Изменения в производстве привели неизбежно к изменениям в быту. Вместе с земледелием были восприняты от оседлого, преимущественно таджикского, населения и орудия труда, форма и конструкция жилищ, предметы утвари, обряды, связанные с земледелием и т. п. При этом заимствование происходило не механически, а шло путем творческой переработки, освоения и приспособления к своим привычным прежним вкусам и понятиям.

Из этого обзора видим также и некоторые связи локайцев с кочевыми ираноязычными племенами Северного Афганистана (хазара, белуджи, джемшиды и др.), что следует считать вполне естественным, т. к., живя по соседству, локайцы общались с этими племенами. Богатые овцеводы из этих племен нередко на лето перекочевывали на высокогорные пастбища современного Таджикистана, переговляли скот для продажи в Ферганскую долину. Контакт между локайцами и упомянутыми выше племенами наблюдался и тогда, когда часть этих племен перекочевывала на длительное время из Афганистана на правый берег Пянджа, ища облегчения от тяжелых условий жизни под игом феодальных правителей Афганистана. Не исключена также возможность, что, как думают сами локайцы, культурно-экономическое общение их с перечисленными племенами существовало в те времена, когда локайцы являлись ветвью племени катаган и жили по ту сторону Пянджа.

Более обстоятельное этнографическое изучение локайцев вообще и их пищи, жилищ, одежды, украшений, вышивки и изобразительного искусства в особенности, может дать много ценного материала для понимания истории не только локайцев и других тюркоязычных племен современного Южного Таджикистана, но и таджиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончив историко-этнографический очерк о жизни локайцев в связи с их основным хозяйственным занятием — животноводством, мы считаем необходимым коснуться, хотя бы кратко, современного состояния культуры и быта этой части узбеков. Отчетливо сознавая, что этот вопрос должен быть предметом специального изучения и публикации, мы в нашем небольшом заключении сообщим лишь самые общие сведения, чтобы дать читателю некоторое представление о жизни локайцев в условиях советского государственного строя в составе Таджикской ССР.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции в области хозяйства, культуры и быта узбеков-локайцев произошли крупные изменения, отражающие большие достижения локайцев в экономическом и культурном развитии. Надо сказать, что строительство новой жизни началось у локайцев в весьма трудных условиях. Хозяйство их было разорено басмачеством. Значительная часть трудового населения, скрывавшаяся в горах от басмачей или насильственно угнанная басмачами в Афганистан, лишь постепенно возвращалась в родные места. Советское государство оказывало локайцам постоянную и систематическую помощь с момента установления у них Советской власти. Советское правительство не только освобождало разоренных трудящихся локайцев от налогов, но выдавало им различные ссуды и кредиты как безвозвратные, так и долгосрочные для приобретения скота, сельскохозяйственного инвентаря, для постройки домов и т. д. Были созданы материальные условия для перехода локайцев на оседлость, что в свою очередь являлось необходимым условием для экономического и культурного развития народа. Локайцы стали жить оседло в постоянных кишлаках и ведущее место в их хозяйстве заняло земледелие. Находясь на территории Таджикской ССР, локайцы, благодаря Советской власти, благодаря ленинско-сталинской национальной политике, окружены вниманием и заботой Коммунистической партии и правительства Таджикистана наравне с таджиками и другими национальностями, населяющими Таджикскую республику. В этих условиях, в атмосфере дружбы народов, воспитанной в трудящихся массах великой Коммунистической партией, узбеки-локайцы чувствуют себя равноправным членом дружной семьи различных национальностей, населяющих Таджикистан, и с большим энтузиазмом и трудолюбием участвуют в общем деле построения коммунизма в СССР.

В числе важнейших хозяйственных задач локайцев восстановление и дальнейшее развитие животноводства заняло видное место с момента установления мирной жизни. Но осуществление этой задачи по настоя-

шему стало возможным только с созданием крупного социалистического хозяйства в виде совхозов и колхозов. Коллективизация сельского хозяйства проходила здесь в своеобразных условиях. Известно, что в Таджикистане земельно-водная реформа не проводилась, как это было в других частях Средней Азии, поэтому значительная часть скота, как и земли, вплоть до коллективизации оставалась в руках феодально-байской верхушки. По мере развития совхозного и колхозного строительства и ликвидации эксплуататорской верхушки, основная масса скота у локайцев сосредоточивалась в совхозах и колхозах. Социалистическая собственность была установлена на пастбища, пахотную землю и скот. Это не только подорвало основу для эксплуатации трудящихся локайцев феодально-байскими элементами, но привело к полному уничтожению ее. В связи с этим исчезла и почва для вражды между племенами и народностями. Быстрыми темпами стали развиваться не только хозяйство, но и культура локайцев.

В настоящее время локайцы объединены в коллективные хозяйства часто совместно с таджиками, карлуками, катаганами и другими.

Локайские колхозы по направлению хозяйства можно разделить на два типа. 1) в зоне богарного земледелия расположены колхозы, ведущие зерновое хозяйство наряду с высокопродуктивным животноводством; 2) в ~~колхозах~~ ~~расположенных~~ в зоне орошаемых земель в долинах рек, ведущее место занимает хлопководство. В этих колхозах обычно имеются и посевы зерновых на богаре, а также различные животноводческие фермы. Большинство локайских колхозов относится к первому типу, т. е. является по направлению сельского хозяйства земледельческо-животноводческими, в которых земледелие имеет зерновое направление. Но за последние годы даже в колхозах, расположенных ~~в~~ ~~на~~ 40–50 км от орошаемых земель, стали выделяться орошаемые участки под посев хлопка. Эти участки обрабатываются специальной бригадой, члены которой даже полностью переселяются к участку, т. к. хлопковое поле требует внимания почти в течение всего года. Кроме того, в колхозах богарной зоны также за последние годы начали распространяться посевы орошаемого хлопка.

Таким образом, все локайские колхозы в настоящее время ведут многоотраслевое хозяйство. Животноводство теперь составляет в них лишь одну из отраслей и организовано в специальные коневодческие, овноводческие и молочные товарные фермы.

Хотя большинство поголовья скота содержится в течение круглого года на пастбищном корме, однако современное социалистическое отгонное животноводство локайцев резко отличается от старого кочевого и полукочевого. Можно отметить следующие основные черты нового локайского колхозного животноводства: 1) социалистическая собственность на пастбища и скот, сочетающаяся с индивидуальной собственностью колхозников на скот; 2) распределение и закрепление пастбищ за коллективными хозяйствами; 3) кормление и уход за скотом по научно-разработанной системе; 4) заготовка корма на зимнее время для стойлового содержания и создание зимних страховых запасов корма для тебенюющего скота; 5) хорошо налаженное современное зоотехническое и ветеринарное обслуживание; 6) применение социалистической техники в животноводстве, облегчающей труд человека; 7) социалистические формы организации труда в животноводстве; 8) увеличение продуктивности скота (по надоям, настригу шерсти, нагулу и т. д.).

На основании статьи 8-й Конституции СССР колхозам члвечно

и бесплатно переданы земля и пастбища. Кроме того, большие и богатые пастбищные массивы составляют государственный фонд и распределяются между районами республики Министерством сельского хозяйства Таджикской ССР. При упомянутом министерстве существует специальный пастбищно-мелиоративный трест, который не только проводит учет, геоботаническое обследование и планомерное распределение богатейших пастбищ Таджикистана, но и организует мероприятия по восстановлению и дальнейшему улучшению пастбищ (путем правильного их использования, борьбы с сорняками и т. д.), а также по улучшению путей перегона скота на сезонные пастбища.

Районы докайского расселения, расположенные к западу от Вахша (Дагана-Кинкский, Яванский, Кокташский, Кунбашинский и южные районы Вахшской долины), получили летние пастбища в основном на хребте Петра Первого, включая известное зрочище Тубчак. Районы же Кулябской области, в том числе и районы докайского расселения, получили пастбища на хребтах Дарвазском и Вахшском и их отрогах.

К настоящему времени большое количество жителей горных теснин (преимущественно таджики) переселились в долины рек Вахша, Кзыл-Су и Ях-Су, где они возделывают длинноволокнистые сорта высококороткостебельного хлопка. Коммунистическая партия и правительство Таджикской ССР оказали большую помощь горным жителям при переселении их из старых мест обитания, из горных теснин, где они с большим трудом могли выискывать и обрабатывать небольшие участки пригодной земли. В результате этого переселения в высокогорных районах освободились значительные массивы земель, пригодных для выпаса скота, что создаст большие возможности для развития животноводства. Вопрос с обеспечением стада осенне-зимне-весенними пастбищами также успешно разрешается. Несмотря на то, что долины рек и речные террасы теперь отведены под посевы хлопка и, таким образом, значительная часть пастбищ сокращена, оставшиеся пастбища вполне способны обеспечить потребности растущего животноводства. Развитие сенокосения, правильное использование выделенных пастбищных участков отдельными колхозными хозяйствами, травосеяние, борьба с сорняками и т. п. мероприятия позволяют на тех же пастбищах содержать гораздо больше скота, чем при экстенсивном бесплатном скотоводстве.

За последние годы проводится не только распределение сезонных пастбищ между отдельными хозяйствами (совхозами и колхозами), но и закрепление их за последними, чтобы каждое хозяйство было заинтересовано в улучшении своих пастбищ, вкладывало бы определенные средства и планировало бы использование пастбищ на много лет.

Таким образом, социалистическая ответственность за пастбища и скот создала неограниченные возможности для увеличения поголовья скота и улучшения его продуктивности. Наличие таких выдающихся пород, как гиссарская овца и докайская лошадь, богатых пастбищ и потомственных мастеров-животноводов позволяют Таджикистану стать одной из передовых республик в СССР и в области животноводства.

Животноводческие фермы докайских колхозников отличаются многочисленностью поголовья скота. Конные фермы характеризуются большой товарностью: часть поголовья сбывается колхозам и государственным учреждениям, в частности военным. В докайских колхозах фермы укомплектованы преимущественно лошадьми докайской породы. Лучшие фермы выделены как племенные и, наряду с 41-м конным заводом, Кокташским государственным племенным рассадником и тремя государствен-

ными заводскими конюшнями (ГЗК), снабжают колхозы племенными производителями. На колхозных конефермах и на конезаводе локайская лошадь разводится в чистопородном виде, так как лучшие представители ее отвечают высоким требованиям, предъявляемым к ней народным хозяйством Таджикской республики. Локайская лошадь может использоваться не только под верх и вьюк, но и в упряжи, а также для сельскохозяйственных работ в хлопководческих районах. Дальнейшая селекционная работа над локайской лошадью ведется, с одной стороны, в целях доведения основной массы поголовья до показателей лучших, а, с другой, в целях улучшения породы в смысле повышения ее грузоподъемности, выносливости и увеличения роста.¹

Для характеристики локайской колхозной конефермы сошлемся на ферму колхоза «Правда» Дагана-Кинкского района.²

Этот колхоз является типичным для земледельческого зернового и животноводческого направления хозяйства. Коневферма была организована в начале 30-х годов, т. е. в первые же годы коллективизации. В момент организации в ней было всего 18 лошадей. В 1938 году на ферме было уже 215 голов, помимо проданных и переданных в армию. В 1940 г. табунщик (ныне зав. фермой) 65-летний старик Чаубай Юлдашев ездил в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку с питомцем своей конефермы жеребном Асау-туры. На следующий год ферма вновь была представлена на выставке.

Коневферма с честью выдержала испытание Великой Отечественной войны. Она систематически сдавала в армию кавалерийских лошадей и сумела сохранить количество и качество поголовья.

Маточный состав и молодняк в благоприятные годы содержатся почти круглый год на подножном корму, их подкармливают преимущественно сенем, лишь в зимний период. Производители и рабочие лошади зимой находятся на стойловом содержании. Производители получают усиленную подкормку в течение трех месяцев перед случной кампанией, а рабочие лошади получают подкормку в виде ячменя в течение всего года.

До 1947 г. лошади фермы летам паслись на пастбищах Ранген-Тау, а с 1947 г. стали отгоняться на Тубчак — высокогорные (3500 и более метров над уровнем моря) ковыльно-типчаковые степи на хребте Петра Первого, т. е. на расстояние более 300 км от колхоза. Этот путь лошади совершают в течение 10 дней при подъеме вверх и в течение 20 дней — осенью при возвращении. На летовку отправляются в середине июня. Перегон бывает довольно трудным и обычно не обходится без потерь. Трудность представляет плохое состояние пути, по которому перегоняется скот. На большей части путь этот совпадает с автотрассой, по которой идет оживленное движение. Дорога проложена вдоль реки Сурхоба по крутым горным склонам и скалам. Обычно с одной стороны дороги высится каменная многометровая стена, а с другой — пропасть, на дне которой бурлит река. Местами встречные машины с трудом могут разве-

¹ Буденный С. М., О племенной работе в коневодстве и коннозаводстве. Коневодство, № 4, 1949, стр. 8; Шекин В. А., Первоочередные мероприятия по улучшению транспортного животноводства Таджикистана, Сельское хозяйство Таджикистана, № 26, 1948, стр. 32; Солдатенков Н. И., Локайская порода лошадей. Сообщения Таджикского филиала Академии наук СССР, вып. XXI, 1949.

² Этот колхоз «Правда» объединен с соседним колхозом им. Ворошилова. Наши материалы относятся к 1950 г.

хаться. И вот по этой трассе с непрерывным автомобильным движением прогоняется несколько миллионов голов скота.

Трудность перетона в значительной степени усугубляется недостатком корма дорогой. Подкормочные площадки не удовлетворяют и десятой части прогоняемого скота. Колхозы, расположенные вдоль трассы, нередко, вопреки постановлению Министерства сельского хозяйства, производят посевы вдоль самой трассы. Несмотря на бдительность чабанов и табунщиков, бывают случаи потравы пашей проходящим скотом. Местные колхозники и районные власти обычно пытаются взимать штрафы за потраву. В результате недостатка корма приходится гнать скот быстро, несмотря на сильный подъем, что, несомненно, отражается на состоянии животных, особенно молодняка. На пастбище скот поэтому приходит нередко истощенным.

Расширение подкормочных площадок, а со временем и проведение особого скотопргона должны в недалеком будущем избавить животноводов от указанных трудностей.

Как уже отмечалось, каждая ферма имеет страховые запасы корма. Для лошадей, находящихся на выпасах и достаточно снабженных кормом, нет необходимости в теплых помещениях.

Следует отметить, что до сих пор в некоторых колхозах не всегда благополучно проходит зимовка. Случается, что руководители колхозов, надеясь на теплую зиму, не заготавливают своевременно достаточного количества сена, и если расчеты таких руководителей в отношении погоды не оправдываются, это тяжело отражается на поголовье скота. Организация машинно-животноводческих станций внесла коренной перемены в дело заготовки кормов.

Каждая животноводческая ферма обслуживается в централизованном порядке зоотехниками и ветеринарными работниками, а наиболее крупные из них имеют своих ветеринаров и зоотехников. Зоотехническое и ветеринарное обслуживание колхозных животноводческих ферм является одной из отличительных черт современного животноводства локальцев. Обязанности зоотехников и ветеринаров многообразны и нет необходимости перечислять их в нашей работе. Укажем лишь, что колхозные животноводы с большим доверием относятся ко всему тому новому, что вносят в общую работу специалисты, так как сама жизнь, практика каждый раз убеждают их в правоте науки. Например, еще лет 5 тому назад нам приходилось наблюдать, как некоторые старые чабаны и табунщики неодобрительно относились к применению метода искусственного осеменения, считая, что вмешательство человека в естественные акты греховно и не может способствовать быстрому размножению стада. Но уже теперь, спустя всего 4—5 лет, пункты искусственного осеменения широко распространены и не вызывают недоверчивого отношения, наоборот, колхозники поняли их пользу в деле быстрого улучшения породности скота.

Весьма важную роль в деле испытания лошадей с целью выявления лучших играют конно-спортивные состязания. Систематически проводятся районные, межрайонные, областные и республиканские скачки. Каждая племенная колхозная ферма выделяет лучших представителей молодняка для содержания в трекконюшнях при ипподромах. В колхозах же подготовка копей к состязаниям ведется обычно по тем старым методам, которые были нами описаны. Скачками и спортивными играми сопровождаются не только семейные тои, но и революционные праздники и другие народные торжества.

Овцеводческие фермы в дагестанских колхозах нередко пасчитывают несколько тысяч голов овец. Разводится преимущественно гиссарская порода. Овцы большую часть года содержатся на подножном корму и под открытым небом. За последние годы распространились крытые загоны или кошары, куда овцы загоняются в непогоду. На зиму делаются страховые запасы сена и отчасти ячменя. Большинство описанных нами в главе о деревенском животноводстве методов пастьбы, выработанных в течение многих веков народом, применяются еще и в настоящее время. В лучших фермах ведется углубленная племенная работа специалистами-зоотехниками госплемрассадников. Большую роль в работе колхозных ферм по улучшению качества овец и в применении новых методов разведения и ухода играют совхозы.

Р. с 17. Крытые загоны для овец на зимних пастбищах. Фото Н. В. Темнова.

Существенные изменения произошли в содержании и уходе за крупным рогатым скотом. В зимний период крупный рогатый скот получает достаточно подкормки. Содержится он в специальных хлевах, причем фермы, как правило, имеют 4 рода помещений: 1) для коров и телок, 2) для бычков, 3) для телят и 4) для рабочих волов. Каждый вид из перечисленных животных имеет соответствующие ясли.

Летом молочные фермы со всем обслуживающим персоналом и оборудованием выезжают на летовку, обычно в более высокие части окрестных гор. Так, например, молочные фермы Дагана-Киикского и Яванского районов на лето выезжают в горы Ранген-Тау, где раньше пасли только лошадей и байских коров. Это стало возможно теперь потому, что лошади стали отгоняться на высокогорные пастбища, освободились вынасы для крупного рогатого скота.

В связи с приведенными данными по разведению крупного рогатого скота, необходимо упомянуть о силосе. К сожалению, силосование

кормов еще не нашли оптимальных сочетаний и количества, поэтому по работе по внедрению системования дикарастных в тандеме с ними по традиционному кормовых растений для силоса, ведутся в научных учреждениях в недалеком будущем, несомненно, сложившиеся займет соответствующее место.

Необходимо отметить также, что в Таджикистане работают большие коллективы научных работников в ряде учреждений (Институт животноводства Академии наук Таджикской ССР, Таджикский государственный институт, Зооветеринарный техникум, Госплеминстанция, Конный завод и т. д.) над первоочередными проблемами животноводства республики, такими, например, как улучшение шерстистости государственных овец, повышение продуктивности крупного рогатого скота и т. д. В этом нельзя не видеть залог успешного дальнейшего развития животноводства, в том числе и докайского.

Коренным образом изменились условия труда и быта табунщиков, чабанов и пастухов в колхозах и совхозах. Это не забытые, невежественные люди, вечно гнувшие спину перед бичом, а свободные люди творческого труда, работающие с уважением полезности своего дела. Теперь это люди всеми уважаемые, выдающиеся достижения которых отмечаются не только своим колхозом, но и государством. Среди докайских животных довольно немало призеров и победителей Всесоюзного конкурса Трудящихся Сталинаблде СССР. Животных жавати додетны, и им присуждают энергичных, жизнерадостных животных и молодых людей, приехавших с рапортом о своих достижениях в деле оживления животноводства провинции, витье гордостью и радостью за советского человека.

Косухамы приятной поeziяную заботу о том, чтобы табунщики и чабаны были обеспечены жилищем — на летних пастбищах они имеют палатки, а зимой табунщики живут дома, а для чабанов строятся теплые помещения), для них выжден и выдан им выделены лошади и ослы для перевозки вещей и для езды и т. д.

На выселенных пастбищах устанавливаются радиостанции, приезжают ветеринары, привозится почта и, таким образом, на далеких пастбищах табунщики и чабаны не чувствуют себя оторванными от общей жизни страны, республики, страны.

Характерной чертой быта докайцев-животноводов, как и вообще докайцев-колхозников, является их материальное благополучие. Труд животных хорошо оплачивается.

С удивлением и изумлением слушают старики докайцы рассказы молодых стариков о тех временах, когда на весь какары быльде была одна одежда и один приличный халат. Этот халат и тапочки по гла выпрашивали для женщины на время поездки за невестой. В настоящее время докайцы получают высокую оплату за трудодни. В колхозном производстве. Но кроме этого основного заработка докайцев-колхозников, большое значение в их жизни имеет и небольшое личное хозяйство. Колхозники обычно имеют в личном пользовании 1-2 коровы, 2-3 ослы, 1-2 лошади и несколько десятков овец. Кроме того, они имеют приусадебные участки, засеваемые бахчевыми и зерновыми — в богарных, орошаемых культурами и садами — в орошаемых районах.

Большие изменения произошли в домашнем быту докайцев. В настоящее время докайцы живут оседло в кивлаках и кивлаках с крытых двухскатной кровлей. Причиной полного, относительно быстрого

Рис. 18. Локайка-колхозница в праздничном наряде. Фото Н. Г. Чучева.

го и одновременного исчезновения юрт, по мнению самих докайцев, послужило то страшное разорение, которое было принесено им в свое время басмачеством. Басмачи сжигали целые аулы, угоняли людей, скот и т. д.

Современные докайские дома по конструкции своей мало отличаются от прежних, но просторны, опрятны, хорошо оштукатурены, нарядно убраны. Все чаще появляются застекленные окна, железные печи или даже плита с обогревателем, мебель. Из мебели прежде всего появляется кровать, а затем стол и стулья. За столом еще не едят, а он служит письменным столом. Едят на полу на дастархане. Посуда самая разнообразная, фабричного производства, уже давно прочно вошла в быт. Одежда докайцев в основном сохраняет описанные нами национальные черты, но охотно носят и готовое платье городского покроя. Одежда, в частности мужская, в подавляющем большинстве случаев представляет собой самые причудливые сочетания местных национальных элементов с городскими. Женская одежда шьется преимущественно из сатина и шелка.

Мы не имеем возможности описать все те изменения, которые произошли в докайском колхозе. Если до революции грамотные люди среди докайцев встречались лишь в виде редкого исключения, то в настоящее время неграмотность среди них совершенно ликвидирована. Нет колхоза, где не было бы школы. Школа — это лучшее здание в кишлаке. Большинство учителей — докайцы. Во многих колхозах таджикско-узбекские школы, так как население смешанное. Правительство Таджикистана предоставляет полную возможность докайцам учиться на родном языке. В Таджикистане издаются учебники и книги для узбекских школ, а также многочисленные газеты и журналы на узбекском языке. Районные газеты обычно печатают материал на двух языках. Почти во всех колхозах имеются клубы, кружки самодельности, библиотеки, медицинские пункты. Теперь нам, советским людям, все это кажется нормальным, обычным, неотъемлемой частью колхозной жизни. Но не следует забывать, что еще в недалеком прошлом докайцы были мичкиванками, считавшимися «диким разбойничьим племенем».

В среде докайцев выросла собственная советская интеллигенция, в том числе и женщины. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, ибо женщина в уделах старого докайского быта, несмотря на большое значение ее труда, была уснетена и принижена господствующей классовой верхушкой во главе с фанатичным духовенством, жестокими обычаями и религиозными предрассудками.

Огромную роль в росте культуры и зажиточности докайцев играет переселение их в районы орошаемого земледелия, в частности в известную Вахшскую долину, где за годы первой и второй пятилеток была сооружена одна из крупнейших в Союзе оросительных систем. Обширные пространства ранее заброшенных земель осваиваются также и в долине рек Ях-Су и Квал-Су. В этих вновь освоенных землях, как правило, колхозы многонациональные. Таджики, узбеки (в том числе и докайцы), туркмены, казахи, киргизы, русские, татары и различные мелкие этнические группы (арабы, белуджи, хазара, дярхоби и др.) работают в одном колхозе, живя дружной трудовой семьей и обменивая культуру друг друга в результате совместного творческого труда. Не осталось и следа от былой, веками насаждавшейся эксплуататорским классом, межнациональной и межплеменной вражды.

Рис. 10. Учитель локали с родителями-колхозниками и сестрой.
Фот. Н. Г. Чучера.

Благодаря заботе и любви Коммунистической партии и Советского правительства и вниманию правительства нашей страны, о росте благосостояния народа и его культуры многонациональные колхозы Южного Таджикистана, как расцветают в горах и предгорьях, так и на юге сибирских земель, приращивают свои богатства, развивают свое многонациональное хозяйство.

Исторические решения съезда ЦК КПСС вдохновило население к еще большему творческому подъему.

Самостоятельный и творческий труд приведет к еще более великим шагам развития жизни народа, к еще большему росту экономики и культурному росту людей.

УКАЗАТЕЛЬ

РОДОПЛЕМЕННЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Абдаи, локайский род, таблица 2, стр. 10, 31.
- Абдаи, казахский род, таблица 2.
- Абдаи, лурименский род, таблица 2, стр. 31.
- Абдаи, афганское племя, стр. 31.
- Абдаи, казахский род, таблица 2.
- Авад и туган, локайский род, стр. 12.
- Авлоди-джата, тюркский род, стр. 28.
- Авлоди-кыргыз, тюркский род, стр. 28.
- Ачау, локайский род, стр. 11.
- Ая баш, локайский род, стр. 10.
- Ак-бузду, локайский род, стр. 10.
- Ак-девет, локайский род, стр. 11.
- Ак-малыч, казахский род, таблица 2.
- Ак-сары, локайский род, таблица 2, стр. 9, 63.
- Ак-сары, казахский род, таблица 2.
- Ак-тама, казахский род, таблица 2.
- Ак-тума, киргизский род, таблица 2.
- Ак-чанак, локайский род, стр. 12.
- Ак-чанац, локайский род, стр. 11.
- Ак-чурза, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Ак-шора, казахский род, таблица 2.
- Али-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Алим-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Алим-улы, казахское племя, таблица 2.
- Алла-берди, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Алла-берди, каракалпакский род, таблица 2.
- Алла-Назар, локайский род, стр. 10, 15.
- Алтаицы, таблица 2, стр. 16, 129.
- Алтыны, локайский род, стр. 9, 18.
- Алты-бай, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Алты-бай, казахский род, таблица 2.
- Алчи, казахское племя, стр. 19.
- Англичае, стр. 38.
- Анна-ходжа, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Анна-ходжа, каракалпакский род, таблица 2.
- Араб, ираноязычное племя в Южном Таджикистане и Северном Афганистане, стр. 41, 44, 157.
- Арабы, древние, стр. 14, 27.
- Арабы, древнее тюркское племя, стр. 15, 13, 27, 28.
- Арапы, х-бейское племя, стр. 20.
- Арапы, казахский род, таблица 2, стр. 15, 17, 20.
- Арапы, стр. 31, 120.
- Афганцы, стр. 20, 31, 27, 30.
- Ашмезилы, каракалпакское племя, таблица 2.
- Аялы, род сибирских татар, стр. 13.
- Бадраг, туркменский род, таблица 2.
- Бадраглы, локайский род, таблица 2, стр. 9, 10, 11, 12, 13, 22, 23, 36, 38, 39, 42, 46, 63, 90.
- Бадраг, казахский род, таблица 2, стр. 17.
- Бай-кошкар, казахский род, таблица 2.
- Бай-кучкар, локайский род, таблица 2, стр. 9.
- Бай-кучкар, казахский род, таблица 2.
- Бай-Назар, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Бай-Назар, казахский род, таблица 2.
- Байрам, локайский род, таблица 2, стр. 9, 10, 11, 12, 13, 17, 23, 36, 38, 120.
- Байрам, каракалпакский род, таблица 2.
- Байрам-чол, туркменский род, таблица 2.
- Бай-сеид, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Бай-сеит, казахский род, таблица 2.
- Бай-сеит, киргизский род, таблица 2.
- Бай-толыш, локайский род, стр. 11, 63.
- Бай-улы, казахское племя, таблица 2, стр. 29.
- Бай-ходжа, локайский род, стр. 10.
- Бакты, киргизский род, таблица 2.
- Бакы-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Балта гирей, казахский род, таблица 2.
- Барлас, узбекское племя, таблица 2, стр. 7, 8, 20, 21, 26, 32, 44, 72, 77.

* В Указателе родоплеменные названия приведены в форме единственного числа. Однако под этими же названиями указаны и имеющиеся в тексте упоминания представителей данного племени во множественном числе. Например, под словом Барлас указаны встречающиеся в тексте слова Барлас и барласы. Названия народов даны обычно во множественном числе — арабы, казахи, киргизы и т. д.

- Батрак, туркменский род, таблица 2.
 Бахты-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Башкаи, локайский род, стр. 10.
 Бегендык, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Бегендик, туркменский род, таблица 2.
 Бедель, локайский род, стр. 11.
 Белуджи, стр. 8, 41, 139, 148, 157.
 Веш-курук, локайский род, стр. 10.
 Воранай, локайский род, стр. 11.
 Борка, катаганский род, стр. 21, 82, 125.
 Вугу, киргизское племя, таблица 2.
 Будене, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Будене, казахский род, таблица 2.
 Буфра, локайский род, стр. 10, 15.
 Буфун, туркменский род, стр. 19.
 Бурденгель, локайский род, стр. 11, 120.
 Бурувдук, локайский род, таблица 2, стр. 11, 17.
 Вухарцы, группа сибирских татар, стр. 18.
 Векиль, туркменский род, стр. 19.
 Гергер, см. Гургуру.
 Гуляндан туган, локайский род, стр. 12.
 Гульмурла-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
 Гунны, стр. 74.
 Гургуру, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Гуркреу, киргизский род, таблица 2.
 Далде, локайский род, стр. 10.
 Дахан, локайский род, стр. 10.
 Дат, туркменский род, таблица 2, стр. 17.
 Да-юажки, стр. 74.
 Девет, локайский род, таблица 2, стр. 11, 17, 36, 119, 120.
 Деветер, локайский род, стр. 10, 12.
 Джадыгер, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Джадыгер, казахский род, таблица 2.
 Джадыгер, киргизский род, таблица 2.
 Джана, локайский род, таблица 2, стр. 10, 17.
 Джакай, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Джакау, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Джаксылык, казахский род, таблица 2.
 Джалаир, киргизское племя, таблица 2.
 Джалиун, локайский род, стр. 11.
 Джаи-пулат, локайский род, стр. 11.
 Джананиан туган, локайский род, стр. 12.
 Жан-дусай, казахский род, таблица 2.
 Жанкаул, локайский род, стр. 10.
 Джата, узбекский род, стр. 28.
 Джау-качты, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12.
 Джау-качты, казахский род, таблица 2.
 Джауныр, каракалпакское племя, таблица 2.
 Джемшиды, стр. 138, 148.
 Джеты-уру, казахское племя, таблица 2, стр. 29.
 Джеты-урут, киргизский род, таблица 2.
 Джеты-уру-керейт, казахский род, таблица 2.
 Дюол-болды, локайский род, стр. 10.
 Джулай-танай, киргизский род, таблица 2.
 Джулей, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Джунгары, стр. 36.
 Джуусе, локайский род, стр. 10.
 Дуанадан туган, локайский род, стр. 12.
 Дулат, казахское племя, таблица 2.
 Дурмон, узбекское племя, таблица 2, стр. 8, 20, 21, 22, 23, 25, 29, 49, 73.
 Дуррани, афганское племя, стр. 31.
 Дусай, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Дусай, казахский род, таблица 2.
 Дусай-туячи, локайский род, стр. 10.
 Евреи среднеазиатские, стр. 51, 126.
 Загара-туяк, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Загара-уяк, см. Загара-туяк.
 Идыр, туркменское племя, таблица 2.
 Идусы, стр. 126.
 Иомуд, туркменское племя, таблица 2, стр. 19.
 Иса-бай, узбекский род, таблица 2.
 Исты, казахский род, таблица 2.
 Ичкилик, киргизское племя, таблица 2, стр. 17, 18.
 Кабанай, локайский род, стр. 11.
 Казак, локайский род, стр. 10, 11, 120.
 Казахи, таблица 2, стр. 4, 8, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 26, 27, 29, 30, 31, 35, 44, 49, 50, 61, 68, 70, 76, 107, 133, 134, 135, 140, 142, 137.
 Калпе, казахский род, таблица 2.
 Калпе, киргизский род, таблица 2.
 Каль, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Каль, кунградский род, таблица 2.
 Каль, дурменский род, таблица 2.
 Каль, несамирский род, таблица 2.
 Калыта-той, узбекское племя, стр. 20, 21, 72.
 Кандекти, каракалпакское племя, таблица 2.
 Канглы, катаганский род, стр. 29.
 Канглы, казахское племя, таблица 2, стр. 19.
 Кайхур, локайский род, стр. 10.
 Кара-булу, локайский род, стр. 10.
 Кара-девет, локайский род, стр. 11.
 Каракалпакки, таблица 2, стр. 4, 16, 19, 30.
 Кара-кисяк, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Кара-киргизы, см. киргизы.
 Кара-мерген, киргизский род, таблица 2.
 Кара-мойи, каракалпакское племя, таблица 2.
 Кара-мунча, казахский род, таблица 2.
 Кара-мурча, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Кара-сыйрак, локайский род, таблица 2, стр. 10, 11.
 Кара-сыйрак, узбекский род, таблица 2.

- * Кара-сифрак, каракалпакский род, таблица 2.
 Кара-тана, узбекский род, таблица 2.
 Кара-тана, казахский род, таблица 2.
 Кара-таяк, локайский род, стр. 11.
 Кара-тума, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Кара-тума, киргизский род, таблица 2.
 Кара-тума, род алтайцев-телеутов, таблица 2.
 Карача, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Карача, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Кара-чапак, локайский род, таблица 2, стр. 12.
 Карлук, узбекское племя, таблица 2, стр. 2, 8, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 27, 28, 43, 44, 49, 62, 63, 72, 73, 76, 77, 82, 94, 104, 106, 113, 114, 124, 127, 134, 140, 150.
 Карлуки древние, стр. 13, 14, 28, 75.
 Кармыш, локайский род, таблица 2, стр. 9.
 Кармыш, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Кармыш, киргизский род, таблица 2, стр. 17, 18.
 Каршидан туган, локайский род, стр. 12.
 Катанган, узбекское племя, таблица 2, стр. 8, 14, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 37, 38, 41, 42, 49, 68, 73, 121, 125, 134, 140, 148, 150.
 Катанган, киргизский род, стр. 32.
 * Каучин, узбекское племя, стр. 8, 20, 23, 29.
 Келекей, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12.
 Келукей, казахский род, таблица 2.
 Кельди-бек, локайский род, стр. 10, 15.
 * Кенегес, каракалпакское племя, таблица 2, стр. 19.
 Керей, казахское племя, таблица 2, стр. 17, 19.
 Керей древние, стр. 15, 27.
 Кесамир, узбекский род, таблица 2, стр. 8, 20, 22, 29, 37, 38, 40.
 Кесек, казахский род, стр. 17.
 Кесек, киргизский род, стр. 17.
 Кесп, локайский род, стр. 10, 15.
 Кетте мерген, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Кзыл-бай, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12, 39, 63.
 Кзыл-бай, киргизский род, таблица 2, стр. 18.
 Киргизы, таблица 2, стр. 9, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 26, 27, 31, 32, 44, 68, 73, 77, 82, 157.
 Кичи мерген, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Кичи-сан, локайский род, стр. 10.
 Кичкиле, локайский род, таблица 2.
 Кичкине, казахский род, таблица 2.
 Кони, казахский род, таблица 2.
 Колдаулы, каракалпакское племя, таблица 2.
 Конгур, казахский род, таблица 2.
 Конгур, туркменский род, таблица 2, стр. 19.
 Конгыр-тани, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 * Конур, локайский род, таблица 2.
 * Конур, казахский род, таблица 2.
 Коши, киргизский род, таблица 2.
 Ктай-мыпчак, узбекское племя, таблица 2.
 Кувавдык, казахский род, стр. 17.
 Куни, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Кул-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 9, 15.
 Кул-тума, казахский род, таблица 2.
 Кулумбет, локайский род, таблица 2, стр. 9, 63.
 Кулумбет, казахский род, таблица 2.
 Кулюке, казахский род, таблица 2.
 Кулякай, казахский род, таблица 2.
 Куль, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Куль, род тувинцев, таблица 2.
 Куль, род хакасов-сагайцев, таблица 2.
 * Кунграт, узбекское племя, таблица 2, стр. 8, 14, 16, 20, 21, 22, 23, 63, 73.
 * Кунграт, казахское племя, стр. 19.
 * Кунту, локайский род, таблица 2, стр. 9.
 Кунту, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Кунту, киргизский род, таблица 2.
 Курдак, род сибирских татар, таблица 2, стр. 18.
 Курден, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12, 18.
 Куркреу, см. Гуриреу.
 Курт, узбекский род, стр. 23.
 Курта-мерген, киргизский род, таблица 2.
 Кусе, локайский род, таблица 2, стр. 11, 15.
 Куся, узбекский род, таблица 2.
 Куся, туркменский род, таблица 2.
 Кутыр, локайский род, стр. 11.
 Кутен, локайский род, стр. 10.
 Куюндук, локайский род, стр. 17.
 Кыя текме, локайский род, стр. 11.
 * Кыпчак, казахское племя, таблица 2, стр. 17, 19.
 * Кыпчак, киргизский род, таблица 2, стр. 17.
 * Кыпшак, каракалпакское племя, таблица 2, стр. 19.
 * Кыргыз, узбекский род, стр. 32.
 * Кырк-мен юз, узбекское племя, таблица 2, стр. 23.
 Кырк-садак, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Кырк-садак, казахский род, таблица 2.
 Кырк-садак, каракалпакский род, таблица 2.
 Кырк-тентак, барласский род, таблица 2, стр. 16.
 Кыр-садак, см. Кырк-садак.
 Кычылы, локайский род, стр. 13.
 * Лекей, см. Локай.
 Локай, узбекское племя, разн.

- Лярхоби, ираноязычное племя Северного Афганистана, стр. 8, 121, 157.
- Майрам, казахский род, таблица 2, стр. 17.
- Малай, локайский род, таблица 2, стр. 10, 29.
- Малай, катаганский род, таблица 2, стр. 29.
- Малай, казахский род, таблица 2.
- Малыш, локайский род, таблица 2, стр. 9.
- ✓ Мангыт, узбекское племя, таблица 2, стр. 14, 30, 52.
- Мардат, катаганский род, стр. 125.
- Марка, узбекское племя, стр. 7, 20, 21, 22, 23, 29, 38, 41, 44, 49, 73, 120, 121, 130, 133.
- Мегер, локайский род, стр. 10.
- Менди, киргизский род, таблица 2.
- Мерген, локайский род, стр. 10, 63.
- Минг, узбекское племя, стр. 105.
- Могол, см. Мугул.
- Моголы, выходцы из Моголистана, стр. 69.
- Мугул, см. Мугул.
- Монгуш, киргизское племя, таблица 2.
- Молмыш, локайский род, стр. 10.
- Монголы, стр. 15, 26, 33, 66, 72, 76.
- Мраа, локайский род, таблица 2, стр. 11, 18.
- Мугул, см. Мугул.
- ✓ Мугул, узбекское племя, таблица 2, стр. 8, 20, 23, 28, 72, 140.
- Муйтен, каракалпакское племя, таблица 2.
- Мулла бечче, локайский род, стр. 9, 15.
- Мурзагул, локайский род, таблица 2, стр. 9.
- Мурузгул, казахский род, таблица 2.
- Мурат, казахский род, таблица 2.
- Мурат бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- ✓ Муса-базари, узбекское племя, стр. 7, 8, 20, 44, 72.
- Надыр бечче, локайский род, стр. 9.
- Назар, казахский род, таблица 2.
- Назар, киргизский род, таблица 2.
- Назар-бечче, локайский род, таблица 2.
- ✓ Найман, узбекское племя, стр. 23, 29.
- ✓ Найман, казахское племя, таблица 2, стр. 16, 17, 19, 29.
- ✓ Найман, киргизский род, стр. 17.
- Найманы древние, стр. 15, 27, 28.
- Нар-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Нарын, локайский род, стр. 9.
- Науруз, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Науруз-бай, казахский род, таблица 2, стр. 29.
- ✓ Ногайцы, стр. 30.
- Палван, локайский род, таблица 2, стр. 11, 15, 29.
- * Палван, катаганский род, таблица 2, стр. 29.
- Палван, казахский род, таблица 2.
- Парча, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Парча-джунус, см. Парча и Джунус.
- Парча-юс, узбекское племя, таблица 2.
- Русские, стр. 13, 53, 56, 93, 157.
- Рысай, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Рысай, казахский род, таблица 2.
- Сагайцы, таблица 2.
- Сакау, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15, 29.
- ✓ Сакау, катаганский род, таблица 2, стр. 29.
- Сакау, казахский род, таблица 2.
- Сакау, киргизский род, таблица 2.
- Сакн, древние, стр. 45.
- Самарканды, локайский род, стр. 10, 15.
- ✓ Сарай, узбекское племя, стр. 49, 134.
- Саркеч, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Сары, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Сары, казахский род, таблица 2.
- Сары, каракалпакский род, таблица 2.
- Сары, киргизский род, таблица 2.
- Сары, туркменский род, таблица 2.
- Сары, род тувинцев, таблица 2.
- Сары-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Сарыг, хакаский род, таблица 2.
- Сарык, туркменское племя, стр. 19.
- Сары-мраа, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- ✓ Сары-уйсун, казахский род, таблица 2.
- ✓ Сары-уйсун, киргизский род, таблица 2.
- Сары-чал, локайский род, стр. 11.
- Саяк, киргизское племя, таблица 2, стр. 18, 32.
- Семиз, узбекский род, стр. 8, 20, 22, 29, 37, 38, 125.
- Сергеле, казахское племя, стр. 19.
- Серке, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12.
- Серке, казахский род, таблица 2.
- Серке, киргизский род, таблица 2.
- Серкеч, казахский род, таблица 2.
- ✓ Серкеш, казахский род, таблица 2.
- Сувидик, каракалпакский род, таблица 2.
- Султу, киргизское племя, таблица 2.
- Суюндук, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Суюндук, казахский род, таблица 2, стр. 17.
- Суюндук, туркменский род, таблица 2.
- Тагай, киргизское племя, таблица 2.
- Таджикн, стр. 3, 7, 13, 14, 16, 20, 21, 22, 27, 28, 29, 31, 36, 37, 41, 42, 43, 51, 52, 57, 62, 72, 77, 81, 82, 99, 105, 107, 114, 116, 121, 127, 129, 130, 137, 138, 139, 140, 141, 144, 148, 149, 150, 151, 157.
- ✓ Таз, узбекский род, стр. 14, 23, 29.
- ✓ Таз, казахский род, стр. 29.
- Тазлар, см. Таз.
- Тайры-берган, казахский род, таблица 2.
- Тама, казахский род, таблица 2.
- Тана, туркменский род, таблица 2.

- Тангри-берди, каракалпакский род, таблица 2.
- Тартулы, узбекский род, таблица 2.
- Татары, стр. 13, 31, 157.
- Татары сибирские, таблица 2, стр. 19.
- Татары тарские, стр. 18.
- Татары тобольские, стр. 18.
- Теке, туркменское племя, таблица 2, стр. 17, 19, 98.
- Тевинцы, см. теке.
- Телеуты, таблица 2.
- Темаз, катаганский род, стр. 37, 125.
- Теналы, казахский род, таблица 2.
- Тенгри-берди, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Тентек, казахский род, таблица 2.
- Тентек-эвлад, локайский род, таблица 2, стр. 11, 15, 16.
- Тинал, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Тлеу, казахское племя, стр. 19.
- Токанды, локайский род, стр. 10.
- Торту-улоуас, ногайский род, стр. 19.
- Тохтамыш, туркменский род, стр. 19.
- Туглыдан туган, локайский род, стр. 12.
- Тума, казахский род, таблица 2, стр. 18.
- Тума, киргизский род, стр. 18.
- Тумат, род тувинцев, таблица 2.
- Туралы, род сибирских татар, стр. 18.
- Турк, киргизский род, таблица 2.
- Туркиен, узбекское племя, стр. 15.
- Туркмены, таблица 2, стр. 4, 8, 9, 15, 16, 17, 19, 22, 28, 30, 31, 49, 157.
- Турт-ата, локайский род, стр. 11, 63.
- Турт-оул, локайский род, таблица 2, стр. 9, 10, 11, 12, 13, 29, 36, 38.
- Турт-оул, катаганский род, таблица 2, стр. 29.
- Турт-уул, казахский род, таблица 2, стр. 17.
- Туяк, киргизский род, таблица 2.
- Туячи, локайский род, таблица 2, стр. 9, 10, 31.
- Туячи, туркменский род, таблица 2, стр. 31.
- Тюри, узбекское племя, таблица 2, стр. 7, 8, 15, 19, 20, 21, 27, 28, 32, 44, 72, 73, 77, 105.
- Тюрки, древние, стр. 14, 27, 31, 67, 72, 74.
- Тюркня, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Тюяк, см. Туяк.
- Увак, казахское племя, таблица 2.
- Узбеки, таблица 2, стр. 3, 4, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 40, 41, 50, 66, 67, 69, 70, 72, 73, 74, 76, 81, 105, 127, 130, 133, 135, 139, 149, 157.
- Узев, локайский род, стр. 9.
- Уйсур, узбекское племя, стр. 15.
- Уйсуры, стр. 31.
- Уйсун, казахское племя, таблица 2.
- Ураз, казахский род, таблица 2, стр. 20.
- Ураз-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Усуни, древние, стр. 74.
- Усуп-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Утарчы, локайский род, таблица 2, стр. 9.
- Утарчи, узбекский род, таблица 2.
- Утей, казахский род, таблица 2.
- Утеш, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12.
- Уч-уул, локайский род, стр. 11, 23.
- Ушак, туркменский род, стр. 19.
- Уштамгалы, казахский род, стр. 19.
- Хазара (хезарейцы), стр. 8, 138, 148, 157.
- Хакасы, таблица 2.
- Хейбет, локайский род, стр. 11.
- Хелме-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Ходжалы, локайский род, стр. 11.
- Ходжа-мыяр, локайский род, стр. 10.
- Худай-берди, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Худай-берди, казахский род, таблица 2.
- Худай-берди-атагай, казахский род, таблица 2.
- Хыле, локайский род, стр. 12.
- Чагатай, стр. 28.
- Чайгуз, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Чайгуз, казахский род, таблица 2.
- Чайкуза, казахский род, таблица 2.
- Чал, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Чал, казахский род, таблица 2, стр. 29.
- Чаллар, см. Чал.
- Чанак, узбекский род, таблица 2.
- Чанкан, локайский род, стр. 11.
- Чаншшы, казахское племя, таблица 2.
- Чаудур, туркменское племя, таблица 2, стр. 31.
- Чаулы-мурат, локайский род, стр. 11.
- Чегене, локайский род, стр. 11.
- Чирик, киргизское племя, таблица 2.
- Чоборма, локайский род, стр. 11.
- Чора, казахский род, таблица 2.
- Чуйага, локайский род, стр. 11.
- Чура, киргизский род, таблица 2, стр. 18.
- Чурак, катаганский род, стр. 29, 125.
- Чурак, казахский род, стр. 29.
- Чуйге, локайский род, см. Чуйага.

- Чыркыранык. локайский род.
стр. 11, 63.
- Шакайди, карлукский род. таблица 2,
стр. 16.
- Шакасым-бечче, локайский род.
стр. 10, 15.
- Шалдар, казахский род, таблица 2.
- Шекей, локайский род, таблица 2.
стр. 11, 16.
- Шорцы, стр. 18.
- Эвлади-Конгур, локайский род, стр. 10.
- Эвлади-Назар, локайский род,
стр. 10, 15.
- Эвлади-Нар, локайский род, стр. 11.
- Эвлади-Туры, локайский род, стр. 11.
- Эвлади-Хасан, локайский род,
стр. 10, 15.
- Эвлади-Хусан, локайский род,
стр. 11, 15.
- Элетен, локайский род, стр. 11.
- Эллик-тентак, барласский род, таб-
лица 2, 16.
- Эрсарн, туркиенское племя, таблица 2,
стр. 8, 16, 30, 31.
- Эсе-бай, локайский род, таблица 2,
стр. 11.
- Эсен-ходжа, локайский род, таблица 2,
стр. 9, 10, 12, 18, 22, 23, 36, 38, 42,
45, 53, 63, 90.
- Эсен-ходжа, казахский род, таблица 2,
стр. 29.
- Эфталиты, стр. 14, 31, 74.
- Якшылык-бечче, локайский род, таб-
лица 2, стр. 9.
- Якшылык, киргизский род, таблица 2.

ЎЗБЕКҲОН ЛАҚАН ТОЧИКИСТОНИ ҶАНУБИ

Хулоса

Дар территорияи РСС Тоҷикистон, аз он ҷумла дар водии Хвасор ва районҳои ҷанубии республика аз қадим боз миқдори зиёде ўзбекҳо зиндагонӣ мекуянд. Ҷанги Коммунистӣ ва Ҳукумати Тоҷикистон, ҳамчун тамоми халқи тоҷик, дар бораи тараққиёти иқтисодӣ ва маданияи аҳолии ўзбек доимо ғамхори мекуянд. Яке аз мисолҳои равшани ин ғамхори иборат аз он аст, ки дар плави тадқиқотҳои илимӣ Академияи Ҷануби РСС Тоҷикистон, дар баробари омӯхтани таърих, археология ва этнографияи халқи тоҷик масъалаи омӯхтани таърих, маданият ва тарзи зиндагонии аҳолии ўзбек низ дохил карда шудааст.

Аксариати ўзбекҳои дар Ҷануби Тоҷикистон зиндагонӣ мекардагӣ ба он қисми халқи ўзбек дохил мешаванд, ки дар замони гузашта нимқучманҷӣ буда, то ҳоло ба қabilaҳои зиёде тақсимишавиро нигоҳ доштаанд. Омӯхтани ҳамин ҳол ўзбекҳои нимқучманҷӣ чи барои муайян кардани этногенези халқҳои тоҷикӣ ўзбек ва равшан кардани таърихи гузаштаи онҳо, чи барои нишон додани процесси таъкилибҳои миллатҳои социалистӣ, процесси ба вуҷуд омадани ватаракки ёфтани маданият ва тарзи зиндагонии социалистӣ аҳамияти калон дорад.

Лақайҳо яке аз қabilaҳои калонтарини ўзбек буда, дар айни ҳол ҳеле ҳам омӯхта шудаанд. Дар ин монография барои пурра тасвир кардани тамоми тарафҳои маданият ва тарзи зиндагонии лақайҳо имконият пайдо карда натавониста, муаллиф диққати кудро ба ҳолати пеш аз революционӣ, маданият ва тарзи зиндагонии лақайҳо вобаста ба қорводорӣ, ки дар замони гузашта тамоми тарзи ҳаёти онҳоро муайян мекард, ҷалб кардааст.

Лақайҳо дар Ҷануби Тоҷикистон, дар ҳавзаи дарьёҳое зиндагонӣ мекуянд, ки дар сарғаҳи Аму-Дарьё аз тарафи соҳили ростии ба ваӣ ҳамроҳ мешаванд.

Масъалаи пайдо шудани лақайҳо то ҳоло муайян карда нашуда буд. Материалҳои таърихӣ-этнографияи аз тарафи муаллиф аз таърихи аз лақайҳо, балки аз дигар қabilaҳои туркизабони истиқоматкунандаи Ҷануби Тоҷикистон ҷамъ карда шудагӣ, киёс кардани ин материалҳо бо материалҳои ба дигар халқҳои туркизабони Осиёи Миёна дахл доштагӣ, инчунин далел овардани маълумотҳои таърихӣ ва тадқиқотҳои олимони советӣ доир ба этногенези ин халқҳо ба муаллиф имконият доданд, ки гипотезаи зеринро пешниҳод кунанд. Лақайҳо ҳамчун бисёр қabilaҳои дигари ўзбек, гурӯҳи якҷелаи этникаи набуда, балки конгломерати қabila ва қавмҳои туркӣ-муғулӣ булаванд. Ба ин иттиҳоди қabilaҳо дар давоми таърих элементҳои этникаи туркизабоне дохил шудаанд, ки ба казокҳо, кирғизҳо ва тоторҳои Сибирь дахл дошта, қисман ба этногенези ўзбекҳо, туркманҳо,

варақалпоқҳо ва як қатор халқҳои дигари туркизабон ҳам иштирок карданд. Ба қатори лақайҳо қabila ва ғуруҳҳои туркизабони қишлоқӣ низ дохил шудаанд, ки дар давраи пароканда шудани каламрави Ҷуҷӣ тақсим ва пароканда мешуданд, аралаш ва оғма мегардиданд.

Эҳтимол дорад, ки лақайҳо асосан аз қисми шимолӣ-шарқии Улуси Ҷуҷӣ, яъне Улуси Шайбонӣ баромада бошанд. Таърихи ба кучуд омалани лақайҳоро дар Ҷануби Тоҷикистон аввалҳои асри XVI ҳисоб кардан мумкин аст.

Ҷи навъе ки дар ривоятҳои лақайҳо гуфта мешавад, мумкин аст, ки лақайҳо аввал дар соҳили ҷанибӣ даръёи Панҷ истиқомат карда, яке аз қabilaҳои қатаған ҳисоб меёфтанд, вале баъдҳо ба соҳили рости ин даръё кучиданд.

Дар давраи пеш аз дохил шудани лақайҳо ба ҳайати халқҳои хониғарии Бухоро, яъне то солҳои 70-уми асри XIX, маъгулията асосии онҳо ҷорводорӣи экстенсивии кучманҷигӣ буда, зироаткорӣи онҳо бошад, характери тасодуфӣ дошт. Дар ҳаёти қabilaи лақай ба ҳамсоягонани тохтутоз кардан ва ғорат кардани қорвоноҳои савдо мавқеи асосиро ишғол мекард.

Аз вақти ба ҳайати хониғарии Бухоро дохил шудани лақайҳо даламакорӣи онҳо ҷунон таракқӣ кард, ки районҳои лақайҳо бекиғарихи шарқии Бухоро аз ғалла таъмин мекардагӣи шуда монданд. Дар баробари ин ҷорводорӣи, хусусан аспарварӣи дар хоҷагии онҳо роли муҳими худро давом додаи гирифт. Тохтутозҳои тороҷғаронаи лақайҳо қам шуданд, тарҷанде ки онҳо танҳо дар давраи совети таъмоми нест шуданд.

Лақайҳо асосан навъи аспҳои хушсифат парварии мекарданд, ки онҳо номи аспҳои лақайро ба худ гирифтаанд.

Пас дар асар маъсалаҳои пайдо шудани навъи аспҳои лақай ва тусфандони ҳисорӣ бардошта шудааст. Дар боби ба ҷорводорӣи пеш аз революционии лақайҳо бахшида шудаи техникаи парварии кардан ва инкишоф додани навъҳои гуногуни ҳайвоноз пурра тасвир меёбад.

Ба мувофиқати иҷтимоии пеш аз революционӣи боби махсус бахшида шудааст. Дар ҷорводорӣи лақай воситаи истеҳсолот замин ва ҳайвоноз буд. Аз ин ҷумла дар шароити ҷорводорӣи кучманҷигӣ воситаи асосии истеҳсолот ҷароғоҳҳо ҳисоб мешуд. Баъдан ба зироатҷигӣи гузаштиани лақайҳо ба воситаҳои истеҳсолии онҳо заминҳои қорам, ҳайвонозҳои қорӣ ва асбобҳои гуногуни меҳнат низ ҳамроҳ шуданд.

Таъмоми воситаҳои истеҳсолот моликҷигӣи хусусӣ буданд. Моликҷигӣи хусусӣ асрҳо боз дар ин ҷо устувор буд ва қайҳо боз асоси диференциацияи иҷтимоии лақайҳо ҳисоб мешуд. Заминҳои ҷароғоҳ дар вилоятҳои шарқии хониғарии Бухоро аз ин давраат ҳисоб меёфтанд ва дар ихтиёри ин ва ё он ҳокими вилоят буданд, ки вай аз тарафи амири Бухоро таъин мешуд. Зохиран ҷароғоҳҳо дар байни қисмҳои ҷароғонаи қabilaи лақайҳо барои истифодаи умумии ҳар як ин гуна қисмҳо тақсим карда шуда буданд. Вале дар амал бошад, беҳтарини онҳоро ғуруҳи истисморҷигӣи бон-феодалии лақай забт карда буданд ва ин ғуруҳи бонҳо таъмоми ҷароғоҳҳои территорияи қabilaро дар тасарруфи худ нигоҳ медоштанд.

Заминҳои беҳтарини қорамро низ табақии истисморҷуғандогои забт карда буданд. Бонҳо одатан участкаҳои киштзорӣи худро аз ҳисоби заминҳои қамбағалон вазъ мекарданд, қамбағалон бошанд, аз сабаби надоштани ҳайвонозҳои қорӣ, асбобҳои киштқор ва ғаллаи тухми наметавонистанд, ки заминҳои худашонро кишт қуянд ва аз

ин сабаб чорьяккор ва баграк шуда барои байхон ҳамқаомашон хизмат мекарданд.

Муносибатҳои ҷамъиятии лақайҳо дар натиҷаи тараққиёти ҳаёти дохилии иқтисодӣ-ҷамъиятии онҳо, вичуниин дар заери таъсири сиёсати мустамликавӣи ховигарии Бухоро ташкил ёфта буданд. Ин сиёсат бештар дар идоракунӣи административӣ ва системаи наҷога, ки ба гурдани меҳнатқашони лақай бори бениҳоят вазнин буд, роштан намоеи мешуд. Ғайр аз ин, бевосита дар байни худ лақайҳо дар асоси нобаробарии иҷтимоӣ—иқтисодии кишлоқи лақай шаклҳои зиёда иқтисмор пайдо шуда буданд. Инҳо ҳалҳои гуногуни чорьяккорӣ, қисман муздурӣ ва ғайраҳо буданд.

Эътироф бояд кард, ки шаклҳои иқтисмор дар байни лақайҳо характери патриархали-феодалӣ доштанд.

Мазмуни феодалӣ буда, ин шаклҳои иқтисмор дар заери пардаи шаклҳои патриархалӣ, ҳамчун „ёрии хешу таборӣ“, „савоб“, „корри хайр“, „ёрдам ба ятимони беназару модар“ ва ғайра ё бо ҳабини шаклҳо печ дар печ шуда зохир мешуданд. Аммо муносибатҳои ҷамъиятӣ дар лақайҳо танҳо бо муносибатҳои патриархали-феодалӣ маҳдуд намешуданд. Тараққиёти муносибатҳои модарӣ пуши дар кишлоқи лақай дар арафаи Революцияи Кабири Социалистии Октябр ба табақаҳо ҷудошавии синфиро боз ҳам бештар тезонд ва ба пайдошавии элементҳои муносибатҳои капиталистӣ, ки исми аз ҳаме дар афсонаи корфармони меҳнати кироя намоеи мешуданд, оварда мерасонд.

Боби дигари асар бо таъсир кардани тарзи зиндагонии пеш аз революционии лақайҳо бахшида шудааст. Дар ин боб нишон дода мешавад, ки дар натиҷаи охишта тараққи ёртанӣ зиратчиӣ ва ба ҳаёти муқимӣ гузаштани оммаи асосии аҳоли манзилгоҳҳо, асбобу ағҷомҳо, либос ва ҳӯроки лақайҳо чи нанъ таъсир ёфтаанд.

Дар қисми хулосавии асар он дигаруниҳои қатъие таъсир карда мешавад, ки онҳо дар натиҷаи Революцияи Кабири Социалистии Октябр дар ҳаёти лақайҳо дар масъалаи муносибатҳои иҷтимоӣ ва ғайриҷамъиятӣ хоҷагӣ, вичуниин дар соҳаи маданият ва тарзи зиндагонии ба вуҷуд омадаанд.

Ҳоло лақайҳо дар артельҳои хоҷагии кишлоқ аксар вақт якҷоя бо тоҷикон, вичуниин бо дигар ғуруҳҳои аҳолии ғзбек муттаҳид шудаанд. Колхозҳои лақай хоҷагии комплекси мебаранд. Дар баробари ғалақорӣ ва чорводорӣ дар бисёрини колхозҳо мзйдони заминокҳои пахта беш аз беш мефароянд. Як қатор колхозҳо аз заминокҳои лақайӣ тамоман ба водихон дарёҳо кучиданд ва пахтақорӣ дар онҳо соҳаи асосии хоҷагӣ шуда мондааст.

Баъд муаллиф ҳислатҳои асосиро, ки барои чорводорӣи нави колхозҳо характернок мебошанд, қайд мекунад.

Шароитҳои меҳнат ва тарзи зиндагонии ҷуниин коркунони чорводорӣ, монанди ғалабонҳо, ҷунонҳо ва даҳмардаҳо тамоман дигар шудаанд; ин коркунон аз ҷиҳати моддӣ нағз таъмин мебошанд, меҳнати онҳоро баҳои баланд меиданд ва ҳурмат мекунанд.

Меҳнатқашони лақай тамоман таъсир ёфтаанд ва аз ҷиҳати маданий сабаданд. Онҳо ба бинқорони ғайри ва бошуури социализм табдил ёфтаанд. Интеллигенцияи маҳаллии социалистии лақай сабад, ки дар байни онҳо занон ҳам ҳастанд. Дар ҳалқи лақай шуури социалистӣ, ҷаҳонбинии социалистӣ тараққи ёфта мустаҳкам шуда истодааст, ки асоси онро патриотизми советӣ, гоши дӯстии халқҳо ва садоқат ба қори Ҷартияи Коммунисти ташкил меиданд.

Дар охири қор руйхати номҳои этники ва авлоду қабилаҳо оварда шудааст.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
I. Введение	5
Вопрос изученности локайцев	—
Расселение и родоплеменной состав	6
Происхождение локайцев	14
Краткие исторические сведения о локайцах	32
II Животноводстве как основная отрасль хозяйства локайцев до революции	55
Общая характеристика	—
Коневодство	77
Разведение мелкого и крупного рогатого скота	104
III. Общественные отношения	110
IV. Домашний быт	133
Заключение	149
Указатель родо-племенных и этнических названий	150
Хулоса	165

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
27	6 снизу (в сноске)	современных узбекским	современным узбекским
28	6 снизу (в сноске)	Encyclopaedia of	Encyclopaedia of
36	сноска ²	Локаф	Ланай
43	11 сверху	Бухарского ханства	Бухарскому ханству

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР*

БЭЛЬКИС ХАЛИЛОВНА КАРМЫШЕВА
Узбеки-локайцы Южного Таджикистана

Ответ. редактор проф. **А. П. ПОТАПОВ**
Редактор Издательства **Е. Г. КОЦАБЕНКО**

Тех. редактор **П. М. Фролов**

Корректор **А. Д. Полисская**

КЛ 00479. Подписано к печати 1/III-1955 г. Уч. изд. 15,09 л, печ. 10,75 л.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Заказ № 634. Тираж 700 экз.

Типография Издательства АН Таджикской ССР, Сталинабад, ул. Айни, 7.